

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

51

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИИМК (3)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

51

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1953

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИИМК АН СССР ЗА 1951 г.¹

1. ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Н. РОГАЧЕВ

РАСКОПКИ КОСТЕНОК I

Палеолитическая экспедиция ИИМК 1951 г. продолжала изучение Костенок I, где в 1948 г. были обнаружены пять культурных слоев верхнепалеолитического времени. Целью раскопок был сбор материалов для разработки проблемы хронологии памятников, относящихся к этому времени на территории Русской равнины².

Работы 1951 г. подтвердили правильность нашего вывода о наличии пяти культурных слоев; при этом были изучены центры скопления находок второго и третьего слоя, позволившие характеризовать эти межсолотрейские памятники. В раскопе не удалось встретить значительных скоплений находок в четвертом слое, что затрудняет суждение о нем³. Поселения Костенок I обнаружены в отложениях второй надпойменной террасы, в устье Покровского лога, одного из крупнейших на правобережье Дона.

Не касаясь вопросов деталей геологических условий залегания культурных остатков, отметим лишь главное (рис. 1). Верхний, или первый, культурный слой залегал на глубине 1,16—1,35 м на контакте чернозема и лёссовидного суглинка; второй слой находился на глубине 1,5—1,8 м в верхней части лёссовидного суглинка; третий, или средний, залегал в средней части толщи лёссовидного суглинка на глубине 2,2—2,6 м; четвертый слой, представленный в раскопе 1951 г. находками остатков костей мамонта и лошади и лишь отдельными кремневыми и кварцитовыми отщепами, залегал на глубине 3,15—3,25 м в верхней части слоистых суглинков на поверхности верхней гумусированной прослойки, и, наконец, пятый, или нижний, культурный слой был заключен в толще второй, нижней гумусированной прослойки, расположенной на глубине 3,5—3,8 м. Стратиграфическая картина залегания остатков обитания верхнепалеолитических людей здесь безупречно ясна. Разновременность жизни на поселении подтверждается

¹ Часть докладов напечатана в КСИИМК, Л.

² В работах экспедиции помимо автора приняли участие: доктор геолого-минералогических наук М. Н. Грищенко, ст. научный сотрудник Ин-та этнографии АН СССР С. Н. Замятин, аспирант географического факультета Московского гос. университета им. М. В. Ломоносова Г. И. Лазуков и студенты: Воронежского гос. университета, Ленинградского университета им. А. А. Жданова и Воронежского пединститута.

³ А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I. КСИИМК, вып. XXXI, стр. 64—74.

наличием пустых прослоек и своеобразием кремневого материала в верхнем, среднем и нижнем слоях, добытого в разных месторождениях¹.

Загадочное явление многослойности лёссовых открытых поселений объясняется тем, что общины верхнепалеолитического времени в силу хозяйственной и иной необходимости выбирали для поселения определенный рельеф местности. Они селились на солнечных склонах оврагов, близко к воде, но на сухих местах: на оконечности мысов или стрелок, образованных руслами основных оврагов и их отвершков (рис. 2). Костенки I расположены на мысу, образованном тальвегом Покровского лога и его отвершка

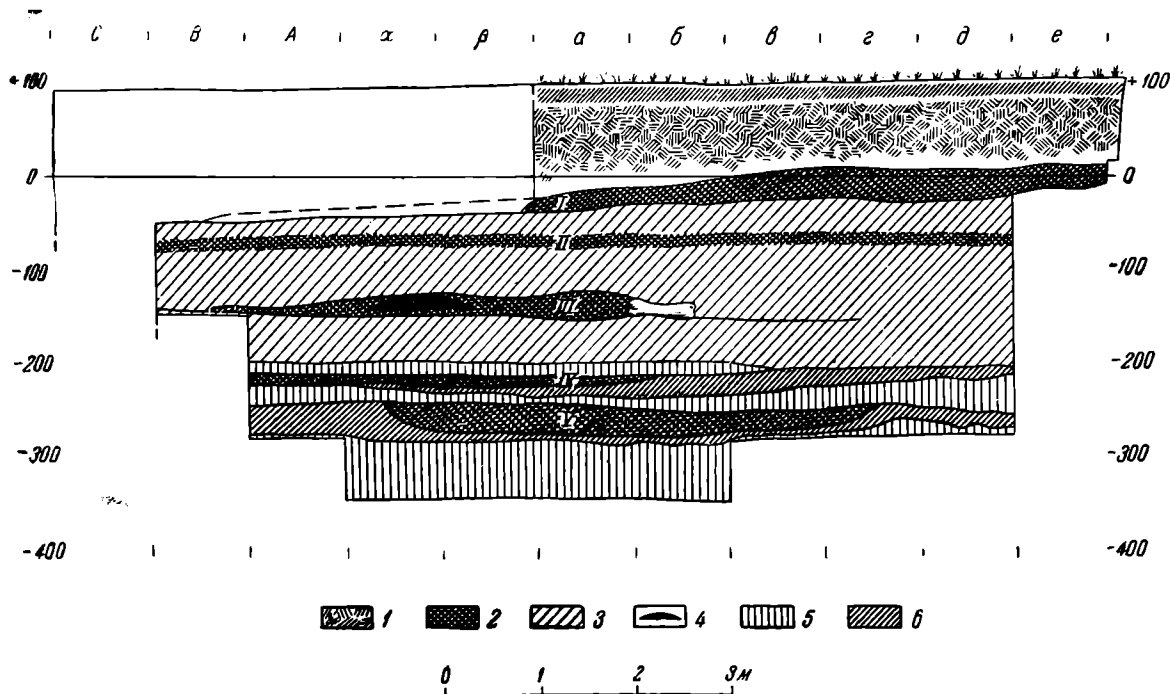

Рис. 1. Костенки I. Разрез северо-западной стены квадратов второй линии:

1 — чернозем 2 — культурные слои 3 — лёссовидный суглинок; 4 — остатки очага; 5 — слоистые суглинки; 6 — прослойки ископаемого гумуса.

Козлова лога, левый высокий берег которого прикрывал поселение от северных и долинных ветров; Костенки V расположены на стрелке двух слившихся при впадении в Покровский лог его отвершков; Тельманская стоянка — на стрелке двух больших оврагов: Большого Александровского и Бирючего логов, слившихся при впадении в долину Дона и образовавших здесь широкий полукруг, врезанный в правый высокий берег долины. Оконечности мысов или стрелок в древности, возможно, имели крутые склоны, которые, подобно стенам пещерных навесов, определяли пределы обитания. Существование прямой преемственности поселений приходится отвергнуть, так как часто имеются мощные стерильные прослойки суглинка; отсутствует и преемственность в технике обработки кремня в различных перекрывающих друг друга поселениях.

В верхнем слое Костенок I, рядом с обширным общинным сложным жилищем, обнаружено второе такое же, относящееся, несомненно, к костенковско-авдеевской верхнепалеолитической культуре, а возможно и синхронное с жилищем, исследованным здесь П. П. Ефименко в 1923—1936 гг.

¹ М. Н. Грищенко. Палеогеография Костенковско-Боршевского района эпохи верхнего палеолита. КСИМК, вып. XXXI, стр. 75—81.

(рис. 3). Поэтому изучение этого жилища, занимающего не меньшую, а возможно и большую площадь, чем стоянка, открытая И. С. Поляковым, представляет исключительный интерес для суждения о жизни, быте и общественном строе обитателей.

Остатки второго жилища исследованы всего лишь на площади 60 м², включающих его окраину с тремя небольшими полуземлянками и тремя крупными краевыми ямами типа ям-кладовых, как их называет П. П. Ефименко. Эти ямы определяют край линзы культурного слоя, за пределы которого в направлении к изученному П. П. Ефименко жилищу она не распространялась. На промежуточном пространстве, ширина которого около 5 м, встречались лишь отдельные находки и остатки загадочного сооружения из осколков трубчатых костей, торчащих попарно и образующих

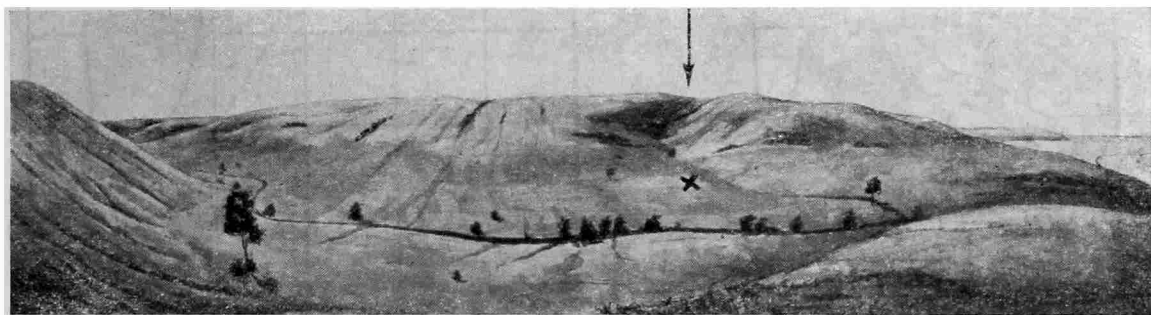

Рис. 2. Устьевая часть Покровского лога.

Место поселений обозначено крестом; справа — долина Дона.

окружность в диаметре 2,75 м. Остатки двух полуземлянок по форме и по размерам тождественны известным в Костенках и в Авдеево. В верхней части заполнения одной из них, к сожалению, оставшейся еще неполностью исследованной, обнаружен сложный переплет, состоящий из пяти бивней мамонта¹.

Коллекция, собранная при изучении остатков поселения верхнего слоя, по технике обработки кремня и кости и по составу кремневого и костяного инвентаря и произведений искусства совершенно тождественна уже известным материалам. Отметим лишь главное. В истекшем году удалось найти прекрасный экземпляр женской статуэтки из слоновой кости, мотыгу или тесло из этого же материала, несколько подвесок из мергеля и зуб льва.

Во втором культурном слое обнаружены отдельные кремневые отщепы и орудия, залегавшие в количестве 10—50 на 1 м² в толще суглинка (мощностью 0,3 м) на одном и том же уровне. Вместе с расщепленным кремнем встречались изредка достаточно крупные осколки камней и единичные находки мелких осколков костей животных. Других признаков обитания здесь не было. В целом на площади около 100 м² удалось собрать большую коллекцию кремневых орудий, своеобразных по технике обработки и по формам. Находки в этом слое отличаются от других худшей сохранностью.

Всего здесь собрано 44 скребка, 27 небольших ядрищ, 20 пластинок с ретушью, в том числе четыре очень тонких и узких, 10 резцов и семь долотовидных орудий (рис. 4). Обилие скребков и преобладание среди них

¹ П. П. Ефименко. Землянка А. Из материалов верхнепалеолитического поселения Костенки I. СА, XI, стр. 113—126.

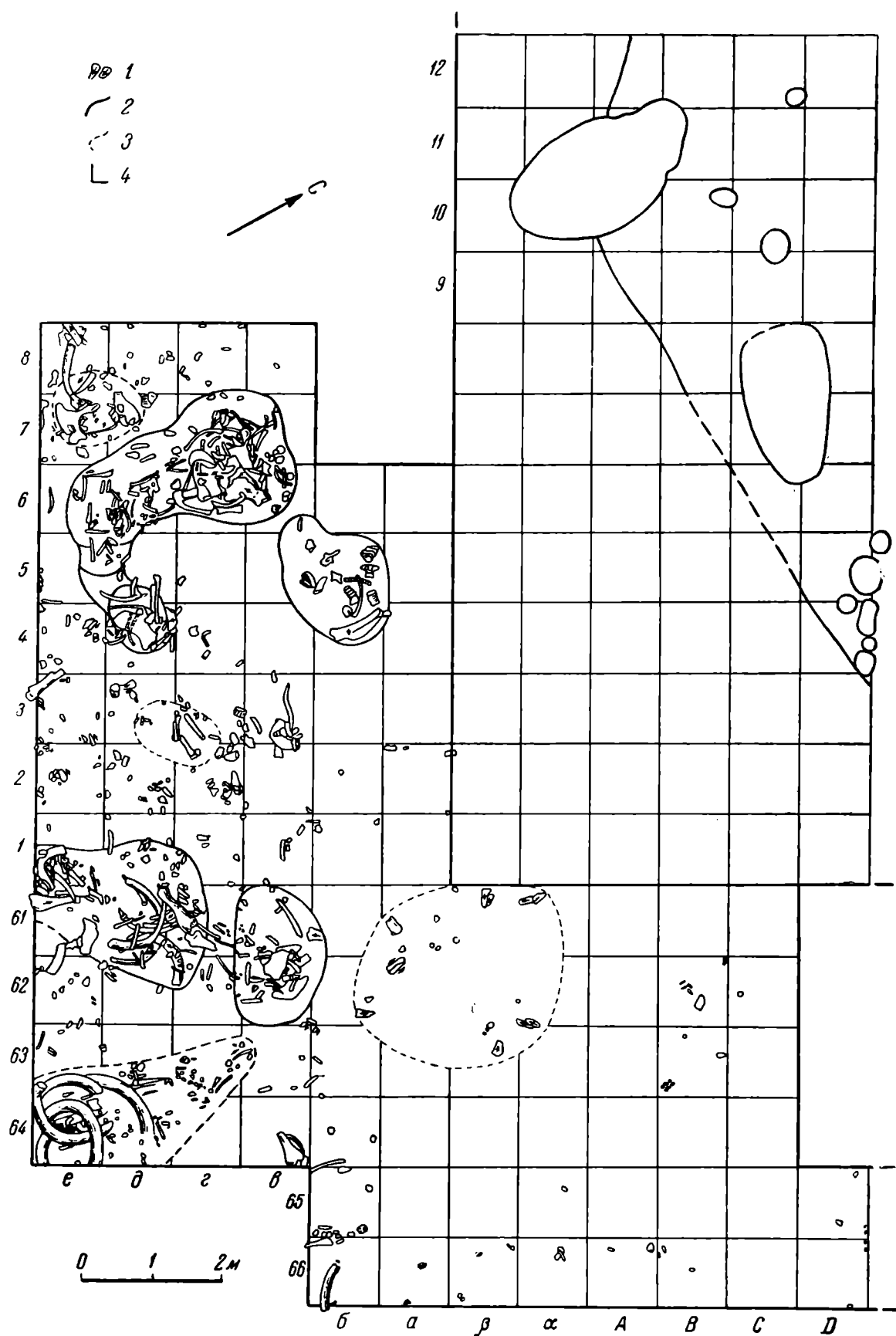

Рис. 3. План верхнего культурного слоя. Справа вверху часть сложного жилища, изученного П. П. Ефименко в 1923—1936 гг.:

1 — торчащие кости мамонта; 2 — границы ям и полуземлянок; 3 — границы недоследованных ям; 4 — границы раскопа П. П. Ефименко 1923—1936 гг.

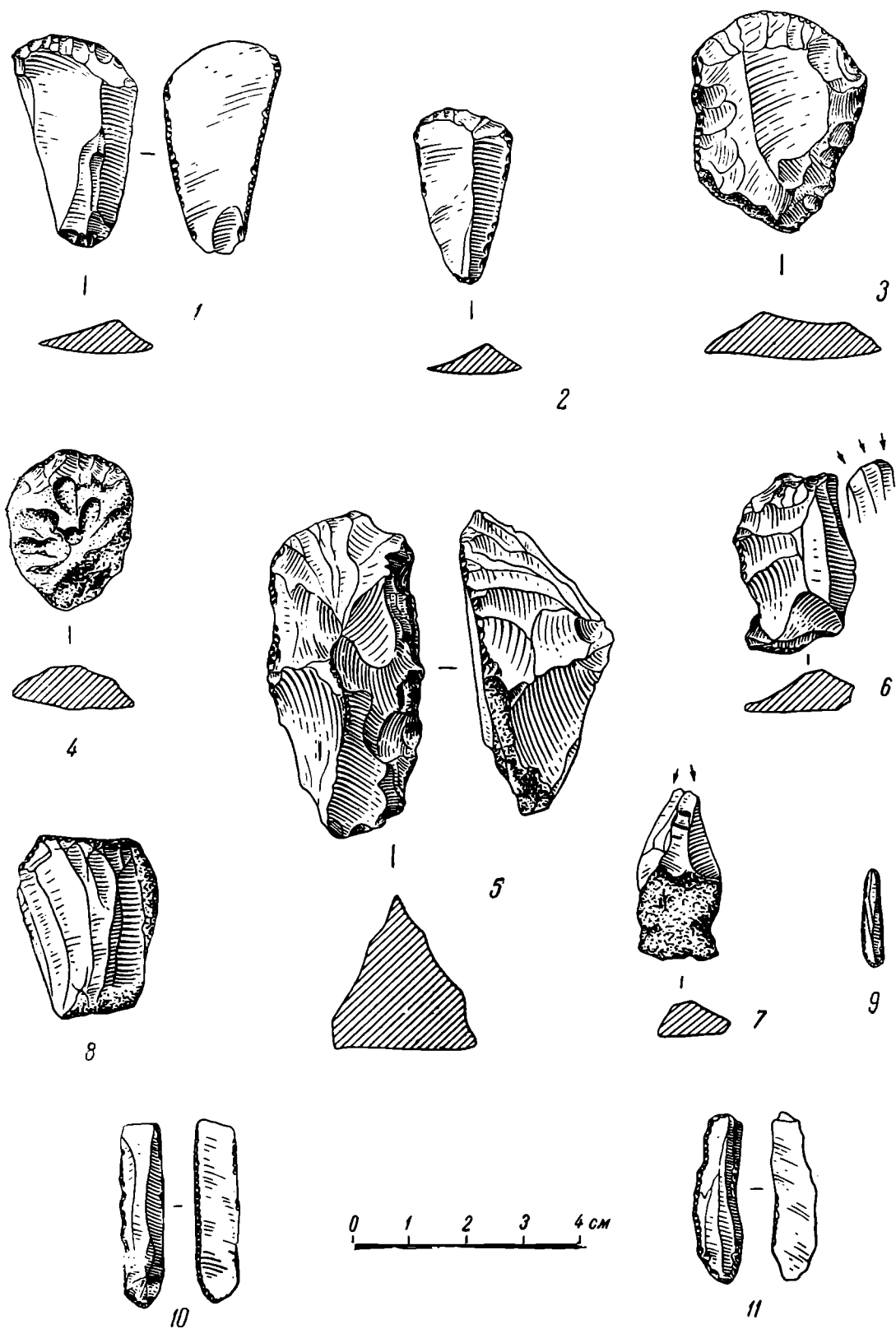

Рис. 4. Кремневые орудия второго (сверху) культурного слоя:
 1—4 — скребки; 5 — пуклевидное орудие; 6—7 — резцы; 8 — ядрище; 9—11 — микропластинки с ретушью.

небольших с прямым и слегка скошенным в правую сторону дуги лезвием является характерной особенностью коллекции. Столь же показательным является для нее полное отсутствие каких-либо форм орудий, характерных для верхнего слоя. От кремневых изделий нижележащего среднего слоя, собранные орудия отличаются, кроме того, наличием голубоватой патины и качеством кремня; кремень добыт в ином месторождении. Мы склонны считать площадь с этими находками не периферией какого-то более насыщенного слоя, хотя для этого имеются некоторые основания, а остатками поселения, которые концентрируются на ограниченном участке средней части раскопа, но при отсутствии прочного долговременного жилища хуже сохранились.

Третий, или средний, культурный слой залегал в средней части толщи лёссовидного суглинка. Он обнаружен в средней части раскопа и продолжался в юго-восточную сторону под стенами раскопа (рис. 5). Недостаточная площадь вскрытого участка, плохая сохранность культурного слоя и сложная картина в расположении находок, в частности, расположения скоплений зольной массы, затрудняют его определение. Эти трудности объясняются также наличием здесь нескольких, возможно трех горизонтов, материалы которых, как можно судить на основании предварительного знакомства, совершенно не отличаются по технике обработки и качеству кремня и по составу орудий. Это позволяет рассматривать стратиграфически находки среднего слоя в качестве единого целого, тем более, что внешний вид культурного слоя на всей площади распространения был совершенно одинаков.

Коллекция состоит из большого количества расщепленного кремня; собрано около 5 тыс. экземпляров, среди которых свыше двухсот кремней с вторичной обработкой. Обнаружено также несколько костяных орудий, раковины (с отверстиями) морских и пресноводных моллюсков, много отрезанных эпифизов трубчатых костей, повидимому песка, и некоторые другие предметы (рис. 6).

Скребок в коллекции больше 20 экземпляров, они изготовлены на крупных массивных пластинках. Около 40 кремней с резцовыми сколами, среди них четыре срединных, шесть угловых с ретушью на конце, несколько резцов на углу сломанной пластинки; имеется больше двух десятков орудий так называемых нуклевидных форм, помимо полусотни ядрищ, представленных главным образом мелкими их осколками и уже использованными экземплярами, семь достаточно типичных долотовидных орудий, изготовленных чешуйчатой техникой; шесть обломков концов листовидных острий, без всяких следов их обработки с брюшка. Как выглядело это орудие в целом — остается загадкой, так как других частей его не найдено. Наиболее многочисленной группой кремневых орудий являются узкие и тонкие микропластинки с ретушью, нанесенной часто с брюшка. Многие из них имеют ничтожно малые размеры и представлены мелкими обломками. Эти кремни обычно считают вкладышами или вставками в деревянные или костяные оправы, вместе с которыми они составляли метательные орудия и ножи.

Орудия из кости представлены шильями, сделанными в большинстве случаев из грифельных костей лошади, обломками небольших стержней с поперечными кольцевыми нарезками и ложилообразными орудиями из бивня мамонта. Среди предметов украшения встречены обломочки пластинок из бивня с орнаментом; клыки лисицы или песка с просверленными отверстиями у корня, а не прорезанными, как на подобных предметах из верхнего слоя; несколько раковин моллюсков двух видов ископаемых морских, встреченных лишь на побережье Черного моря и известных в палеолитических стоянках Крыма и Украины, и речных моллюсков *Neritina*, обитающих в Дону, раковины которых красивой голубовато-розовой окраски, не сохранившейся на ископаемых экземплярах, найдены также с пробитыми отверстиями.

В целом состав коллекции среднего слоя Костенок I сходен с материалами Сюрени I¹. Об этом свидетельствует наличие на обоих памятниках большого количества нуклеидных орудий, скребков, изготовленных из крупных пластин. Микропластинки с ретушью близки к пластинкам с противоположащей ретушью со стоянки Сюрени I, отличаясь от последних лишь более мелкими размерами. Сходны и кремневые резцы, не составляющие

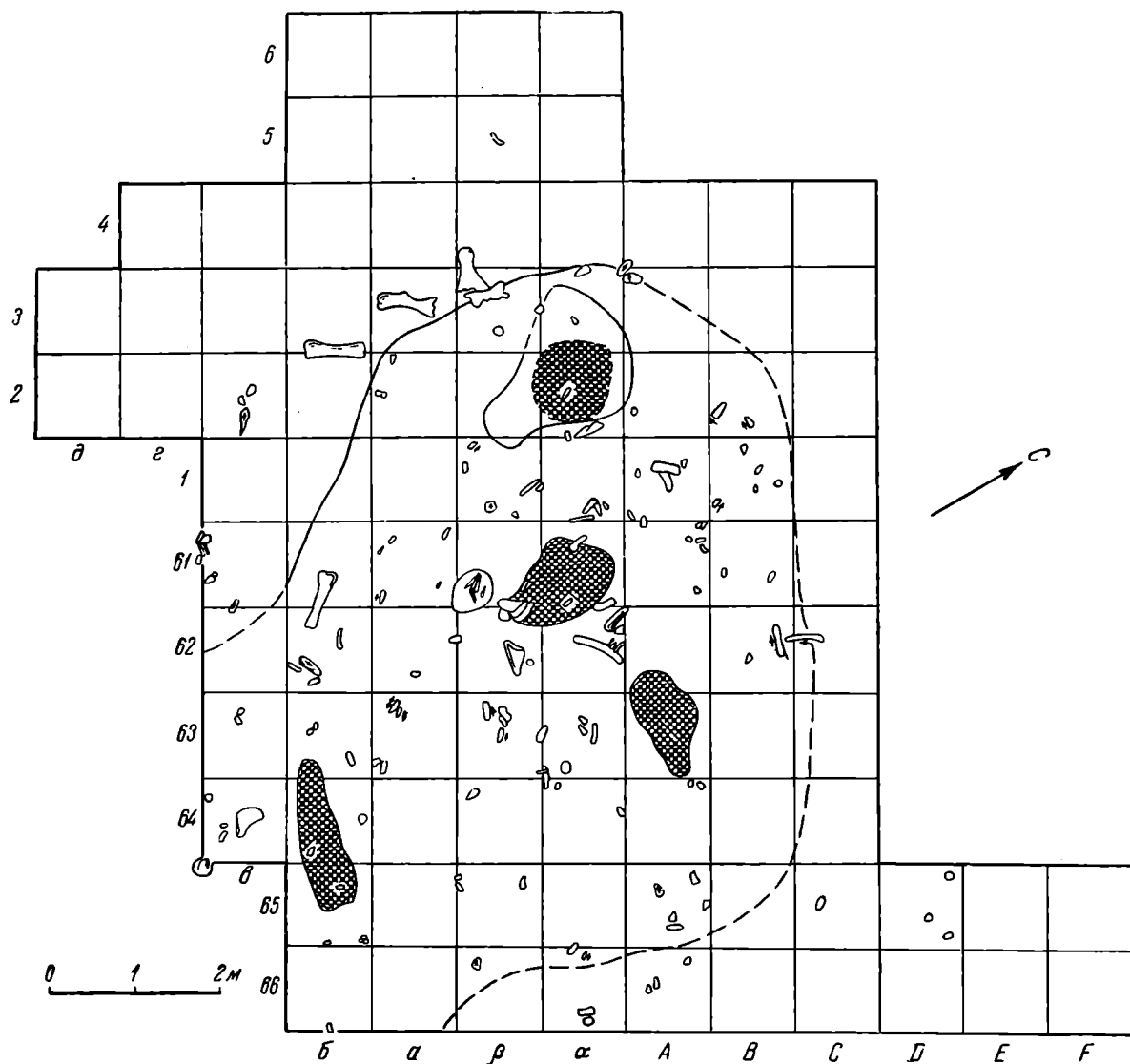

Рис. 5. План третьего культурного слоя.

Скопления вольной массы заштрихованы.

больших характерных серий. Встречающиеся в среднем слое Костенок I долотовидные орудия в таком же количестве есть и в Сюрени I, однако Г. А. Бонч-Осмоловский при описании коллекции их не выделил. Сходство памятников подтверждается наличием одинаковых костяных шильев, просверленных у корня зубов животных и орнаментацией костяных предметов. В этом же плане заслуживают внимания и находки использованных

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 148—157. Что касается указания автора о сходстве Сюрени I с Боршево I, то этот вывод не подтверждается при сравнении коллекций, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра I Академии Наук СССР.

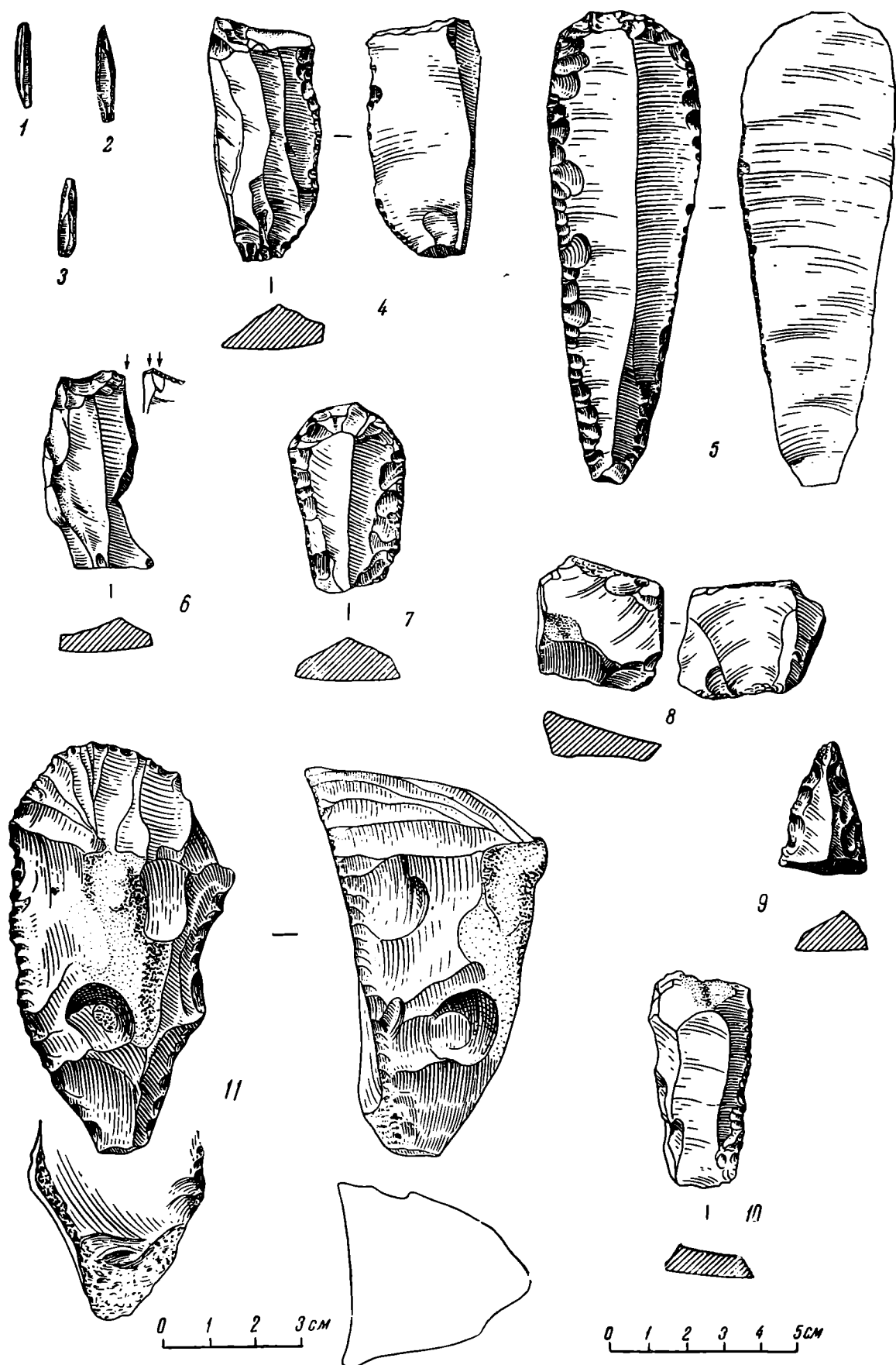

Рис. 6. Кремневые орудия третьего культурного слоя:

1-3 — микропластинки с ретушью; 4, 6 — резцы; 5, 7 — скребки; 8 — долотовидное орудие; 9 — обломок острья; 10 — пластинка с ретушью; 11 — нуклеидное орудие.

в качестве украшения раковин морских моллюсков, обнаруженные на обоих памятниках.

Четвертый культурный слой Костенок I залегает на поверхности верхней гумусированной прослойки и представлен находками костей лошади и мамонта, встречающимися иногда большими скоплениями и сосредоточенными в северной половине раскопа. Вместе с костями попадались иногда сравнительно крупные осколки камня и кварцита и отдельные кремневые отщепы, сходные с отщепами из нижнего слоя.

Пятый, или нижний, культурный слой залегает на 30 см ниже и характеризуется почти полным отсутствием находок костей животных. Он вскрыт

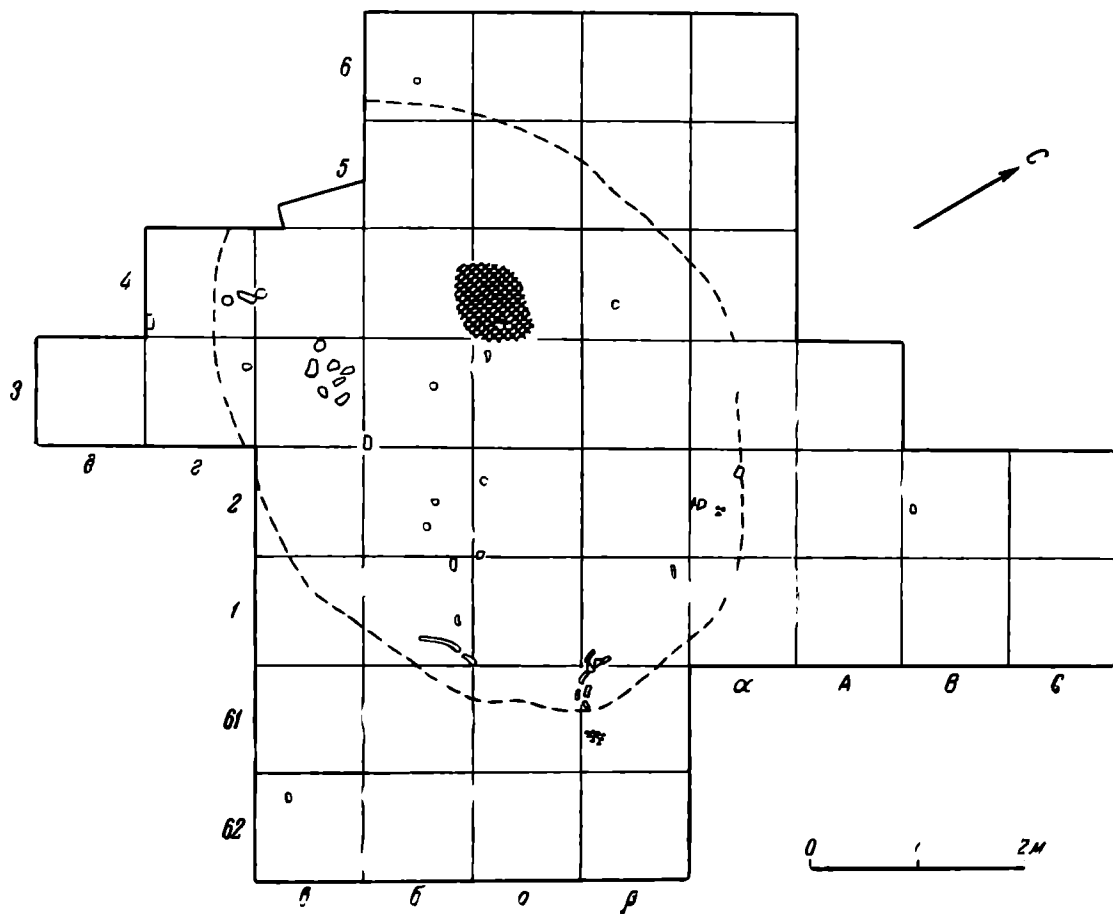

Рис. 7. План пятого (нижнего) культурного слоя.

Скопление зольной массы заштриховано.

на площади 46 м². От верхнего и среднего этот слой отличается значительно худшей сохранностью, что обусловлено его древностью и, повидимому, залеганием в прослойке ископаемого гумуса. Находки состоят из расщепленного кремня и кварцита, небольшого количества осколков костей животных, пятен и крошек охры (рис. 7). Основная масса кремневых и кварцитовых находок сосредоточена в границах распространения этих пятен или тонких линз, окрашенных охрой. На плане границы даны пунктиром; за пределами их на каждом квадратном метре собрано не больше десятка находок, тогда как в пределах границ, у краев собрано несколько десятков, а на центральных квадратах 150—250 расщепленных кремней. Скопление находок в 40-сантиметровой толще слоистого гумусированного суглинка было округлой формы (5—6 м в диаметре), слегка вытянутой по склону местности. В средней части его, несколько ближе к западному краю,

обнаружены слабо выраженные остатки очага в виде скопления зольной массы и небольшого количества костных углей. Четких границ этого скопления не прослеживалось из-за общей гумусированности слоя.

Вся картина залегания находок свидетельствует о ненарушенности слоя. Некоторую деформацию его по вертикали и горизонтали следует объяснять нарушениями включающих его пород, произошедшими много времени спустя после отложения слоя. Покоробленность линз гумуса и линзочек, окрашенных охрой, произошла, повидимому, вследствие промерзания пород, содержащих культурный слой. Этим следует объяснять и то обстоятельство, что нижняя граница находок прослеживалась нечетко. При углублении участка, исследованного в 1948 г., в некоторых местах было собрано большое количество кремней, хотя в 1948 г. при разведке подстилающих пород находок почти не встречено.

Материалы, собранные при изучении нижнего слоя, в свое время были достаточно полно описаны нами¹. В результате работ 1951 г. коллекция значительно пополнилась в количественном отношении, но ничего нового, принципиально отличного, не найдено. Отметим лишь, что удалось найти второй крупный нож из кварцита, сделанный совершенно так же, как и опубликованный. Это свидетельствует о том, что подобную форму орудия нельзя считать случайной. Наконечников подтреугольной формы с вогнутым основанием найдено всего шесть экземпляров и большое количество обломков (от верхних концов, оснований и углов орудия). Находки заставляют сомневаться в том, что эти наконечники служили лишь метательными орудиями; часть их, повидимому, являлась вставками в деревянные и костяные рукоятки и представляла собой ножи².

Исключительно интересны для нас материалы из второго и третьего слоев Костенок I: кремневые орудия, залегавшие между солотрейскими нижним (пятым) и верхним (первым) слоями, не имеют признаков двусторонней обработки. Этот факт, как и открытие нижних слоев Тельманской стоянки, явился столь же неожиданным прежде всего потому, что на открытых местах обнаружена серия культурных напластований, к тому же не объяснимых с точки зрения сложившихся представлений о развитии культуры и общества верхнепалеолитического времени. Концепция развития верхнепалеолитической культуры и общества, выраженная стадияльной схемой П. П. Ефименко³ (шесть стадий развития верхнего палеолита евро-

¹ А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 69—73.

² Совершенство форм кремневых орудий из нижнего слоя вызывало у некоторых исследователей сомнение в правильности нашей датировки коллекции начальной порой верхнепалеолитического времени. В связи с этим нами был приглашен на место раскопок в качестве консультанта один из старейших исследователей палеолита, в частности палеолита бассейна Дона, С. Н. Замятин. Он имел возможность ознакомиться на месте с условиями залегания всех культурных слоев, вскрытых на значительной площади, за исключением второго, который был уже полностью снят. С. Н. Замятин подтвердил залегание *in situ* и несомненную древность нижнего слоя, перекрытого мощными верхним и средним культурными наслоениями, представляющими собой остатки жилищ, залегающих в неповрежденном состоянии. Он смог убедиться в правильности методики расчистки и документации полуземлянок и крупных ям верхнего слоя, одну из которых он видел с расчищенными находками на дне, вторую — в процессе работы при наличии еще не снятых находок костей в верхней части заполнения и третью — в виде огромного скопления бивней, уходящих вглубь, оставшегося не разобранным.

Оползни или переотложения культурных остатков здесь совершенно исключены: По геологическим вопросам в этом году, как и ранее, мы получали консультацию у доктора геолого-минералогических наук М. Н. Грищенко, одного из лучших знатоков четвертичных отложений среднего Дона, который любезно осмотрел раскоп и шурфы и также подтвердил наше мнение о залегании всех пород *in situ*.

³ П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950 г.

пейской части СССР) и периодической схемой П. И. Борисковского¹ (семь периодов развития верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины), оказалась непригодной для объяснения этих фактов. При этом нужно заметить, что обе эти схемы обосновываются преимущественно материалами палеолитических местонахождений Костенковско-Боршевского района.

Ошибка П. П. Ефименко и П. И. Борисковского заключается в недоучете, во-первых, геологических условий залегания верхнепалеолитических памятников и, во-вторых, особенностей конкретной истории первобытных общин ранней поры верхнепалеолитического времени Европы, рассматриваемой ими на всем протяжении как области распространения единой культуры, в которой имеются только хронологические различия по стадиям или по периодам.

Мнение о принадлежности одной стадии или одному периоду нижнего слоя Костенок I и верхнего слоя Тельманской стоянки является ошибочным потому, что эти памятники залегают в совершенно различных слоях на второй надпойменной террасе Дона. Древний нижний слой Костенок I залегают под толщей лёссовидного суглинка, в слоистых овражных отложениях, а более поздний верхний слой Тельманской стоянки — в верхней части лёссовидной толщи, причем он не древнее третьего (среднего) так называемого «ориньякского» слоя Костенок I. Нижний слой Костенок в какой-то мере можно сопоставлять хронологически лишь с нижними слоями Тельманской стоянки, относящимися тоже к ранней поре верхнепалеолитического времени.

Изучение развития общества и культуры верхнепалеолитического времени в рамках стадияльных схем не позволяет П. П. Ефименко и П. И. Борисковскому оценить в должной мере факт отсутствия на территории Восточно-Европейской равнины культур типа Ориньяк, Мадлен и Азиль, имеющих распространение лишь в западном углу Европы. Так называемая солютрейская культура, известная на всем пространстве Европы от берегов Дона до Испании, оказывается столь своеобразной по стойким и характерным для определенных территорий формам двустороннеобработанных орудий, что рассматривать ее в качестве единой нет оснований, к тому же на Дону солютрейские культуры относятся и к средней и ранней поре верхнепалеолитического времени.

Открытие в Костенках I между двумя своеобразными солютрейскими слоями двух несолютрейских, один из которых весьма близок к Сюрени I (Крым), свидетельствует, что для территории Русской равнины неприемлема схема эпох верхнего палеолита Франции ни в новом, ни в старом ее виде. Следующее положение П. И. Борисковского, на котором базируется его периодическая схема развития верхнепалеолитической культуры Восточно-Европейской равнины, не подтверждается изучением многослойных памятников на Дону.

«Солютрейская отжимная ретушь и солютрейские кремневые наконечники — такие выразительные признаки, что их присутствие позволяет констатировать солютрейский возраст памятника и без наличия подстилающих или перекрывающих слоев другой эпохи»².

Изучение Костенок I — этого первоклассного, имеющего большую научную ценность памятника, и других многослойных памятников Костенковской группы, ставит перед нашей наукой ряд новых проблем, разрешение которых требует пересмотра стадияльных схем развития культуры и

¹ П. И. Борисковский. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. СА, вып. XV, 1951 г.

² П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. Вестник ЛГУ, № 2, 1948, стр. 104.

общества верхнепалеолитического времени Русской равнины¹, сложившихся под влиянием вульгарно-социологических «теорий» М. Н. Покровского и антимарксистских «теорий» Н. Я. Марра. Пора осознать тот колоссальный вред, который был причинен первобытной археологии антимарксистской теорией стадияльного развития языка.

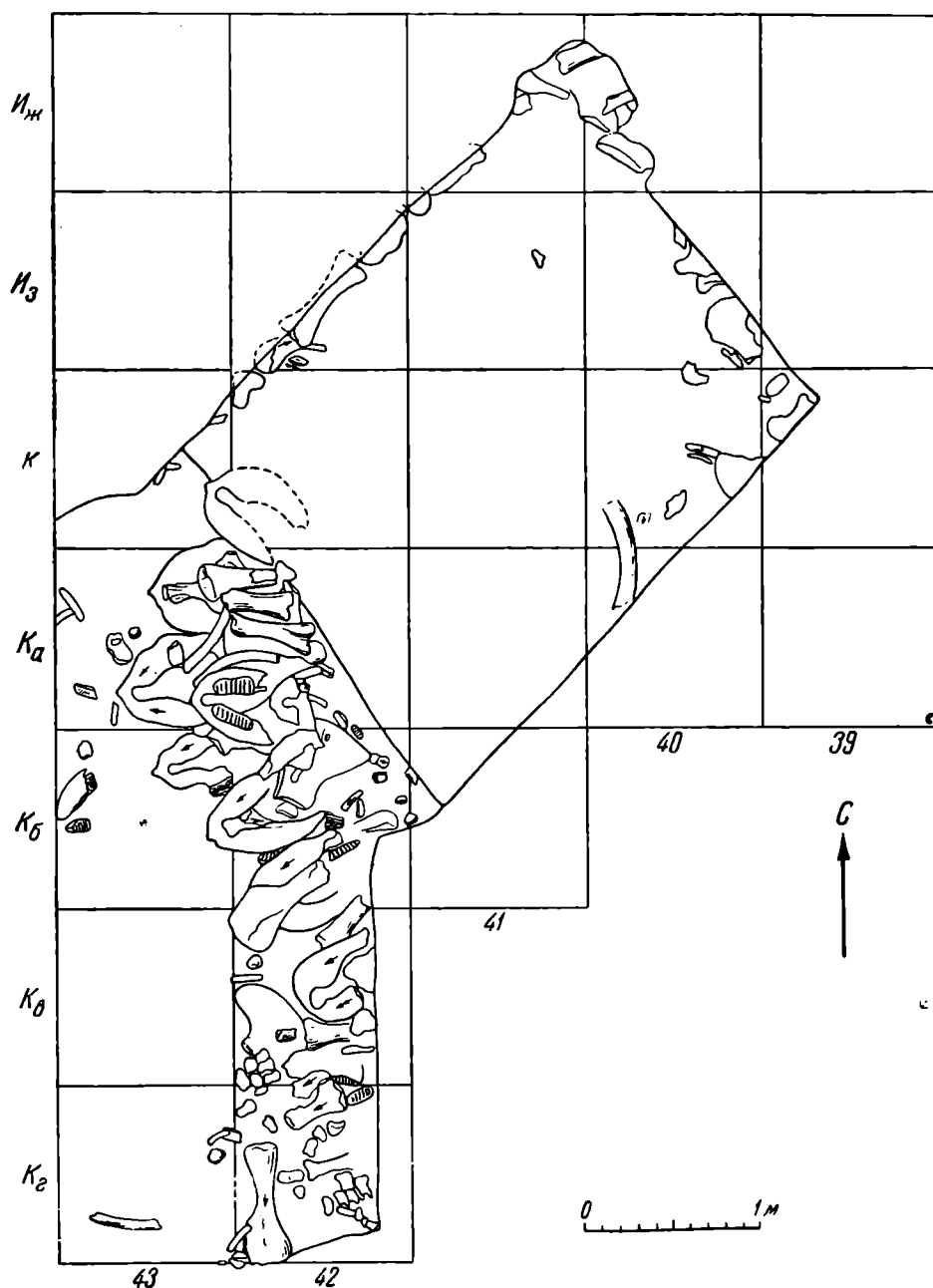

Рис. 8. Аносовка II. План остатков сооружения из костей мамонта.

Осуществляя поиски новых многослойных поселений, экспедиция обнаружила два памятника на стрелке Аносова лога, в 100 м ниже по склону от Аносовской палеолитической стоянки. Возможно, что при изучении этих памятников на широкой площади удастся установить их взаимное переслоение. Один из этих памятников представляет большой интерес. В шурфе

¹ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 82—83.

обнаружено большое скопление костей, в основании которого плотным рядом залегают девять нижних челюстей мамонта, при этом все зубами вниз и подбородочным выступом во внешнюю сторону от сплошного нагромождения костей (рис. 8). Нет сомнения в том, что здесь имеются остатки какого-то искусственного сооружения, напоминающего малоизвестные находки К. М. Поликарповича у дер. Юдиново в Брянской области.

Два пункта находок, расположенных в 30—40 м друг от друга, отмечены в устьевой части правого берега Покровского лога против Костенок I, один из которых связан с верхней гумусированной прослойкой, залегающей в слоистых породах под мощной толщей лёссовидного суглинка.

Отношение второго пункта находок к горизонтам ископаемого гумуса установить не удалось. Эти находки позволяют быть уверенным в успешности поисков новых многослойных памятников.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА АНГАРЕ И ЗА БАЙКАЛОМ

Исследования на Ангаре и за Байкалом в 1951 г. осуществлялись ИИМК АН СССР, как и в прошлые годы, совместно с Институтом культуры Бурят-Монгольской АССР, Иркутским и Бурят-Монгольским краеведческими музеями.

Работы по изучению памятников различных эпох велись на Ангаре, в верховьях р. Лены, в Тункинской долине, в районе г. Улан-Удэ и в Мухор-Шибирском районе Бурят-Монгольской АССР.

Наиболее древним является палеолитическое поселение, обнаруженное в окрестностях Улан-Удэ, в 14 км к СЗ от города, вниз по левому берегу р. Селенги, у дер. Ошурково. Следы палеолитического поселения связаны с отложениями древней речной террасы, вплотную примыкающей к склону возвышенности левого берега р. Селенги. Сверху здесь залегает слой дерна, глубже — пласт лёссовидного суглинка палевого цвета. Под ним лежит отчетливо выраженный темный слой древней погребенной почвы мощностью около 20—25 см, в котором встречаются отдельные древесные угольки и остатки очажков. Под погребенной почвой залегает толща слоистой супеси, в верхней части которой и располагаются находки палеолитического времени, связанные с двумя хорошо выраженными очажными пятнами и довольно крупными камнями, возможно, относившимися к древнему жилищу наземного типа.

Каменные изделия представлены большим количеством отщепов, гальками-нуклеусами, грубыми пластинами, небольшими округлыми скребками и крупными овальными скребками, изготовленными из черного кремнистого сланца, служившего в палеолите Забайкалья обычным материалом для изготовления каменных орудий. Вместе с каменными орудиями в культурном слое оказались и предметы из кости, в том числе два крупных, плоских в сечении, наконечники. У обоих вдоль лезвий сделаны желобки, предназначавшиеся для вкладных каменных лезвий.

На Ошурковской стоянке, впервые для Забайкалья в ненарушенных стратиграфических условиях, вместе с палеолитическими орудиями оказались и остатки фауны, в том числе кости благородного оленя, лошади, бизона (рис. 9).

В области изучения неолитических памятников наибольший интерес представляют результаты работ на Ангаре и на Верхней Лене.

В верховьях р. Лены, в с. Верхолenske, произведены обширные по площади раскопки древнего могильника, в результате которых выяснилось, что погребения относятся к двум культурно-историческим этапам.

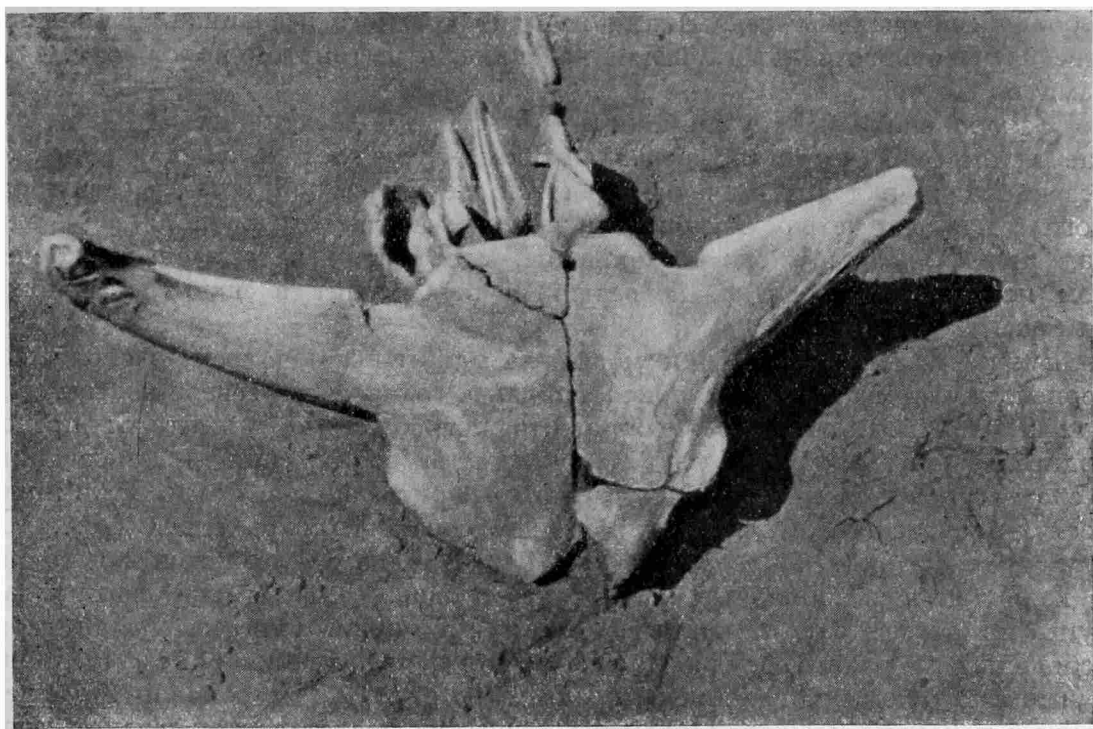

Рис. 9. Череп бизона из палеолитической стоянки в Ошурково.

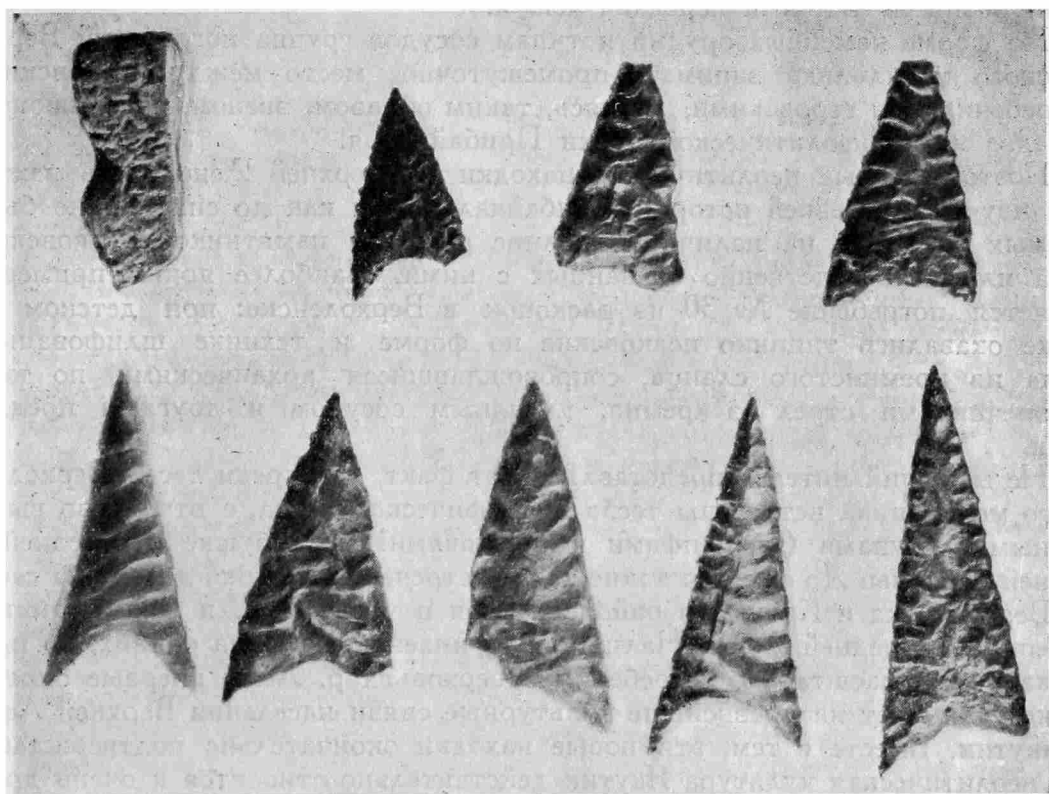

Рис. 10. Наконечники стрел из Верколенского могильника.

Первый этап представлен захоронениями в грунтовых ямах, иногда с небольшими овальными кладками из плит красного песчаника. В большинстве случаев погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, с руками вдоль тела.

Захоронения обычно одиночные, но есть и коллективные. В одном случае рядом лежали три костяка, во втором — три костяка лежали непосредственно один над другим в одной и той же могильной яме. В следующей могиле найдено четыре костяка, расположенных в том же порядке — один над другим. Обнаружено захоронение, где костяк находился в скорченном положении, вероятно, погребенный был зашит в шкуру и положен на бок.

Все костяки в этой группе могил, за одним исключением, расположены перпендикулярно к реке и ориентированы головой на северо-восток. При них найден богатый и разнообразный погребальный инвентарь: превосходно сделанные орудия труда и предметы вооружения — шлифованные тесла из кремнистого сланца и зеленого нефрита, шилья, ножи, отжимники, десятки тщательно отделанных кремневых наконечников стрел (рис. 10), длинные костяные наконечники копий с вкладными лезвиями из кремня и халцедона, своеобразные рыболовные крючки, затейливой формы гарпуны из рога и кости, костяные рыбки-приманки. Найдена целая серия небольших глиняных сосудов с ушками для подвешивания (рис. 11). Обнаружены нагрудные и налобные украшения в виде бус из раковин и расщепленных кабаньих клыков. Предметы искусства представлены реалистически выполненными костяными фигурками рыб и двумя каменными изображениями рыб (рис. 12 — вверху). Первое принадлежит к числу двухголовых «янусовидных» фигур, известных в неолите Прибайкалья; второе реалистически точно передает облик рыбы, похожей на сига. У рыбы, скульптурно оформлены плавники, жаберные дуги и хвост и весьма тщательно, тонкими резными линиями передана чешуя.

По форме каменных орудий и типам сосудов группа погребений Верхоленского могильника занимает промежуточное место между исаковскими погребениями и серовскими, являясь, таким образом, звеном, соединяющим эти два этапа неолитической эпохи Прибайкалья.

Поэтому новые неолитические находки на Верхней Лене очень важны для изучения древней истории Прибайкалья, так как до сих пор не было прямых указаний на наличие в долине р. Лены памятников исаковского типа или непосредственно связанных с ними. Наиболее ярким примером является погребение № 30 из раскопок в Верхоленске: при детском костяке оказались типично исаковские по форме и технике шлифованные тесла из кремнистого сланца, сопровождавшиеся архаическими по типу наконечниками стрел из кремня, глиняным сосудом и другими предметами.

Не меньший интерес представляет тот факт, что среди тесел Верхоленского могильника встречены тесла специфического типа, с отчетливо выделенными уступами (не цапфами и не ушками!) на обушке с передней и задней стороны. До сих пор такие тесла встречались только далеко на север от Верхоленска и Качуга, в районе Вилуя и у Якутска, в неолитических материалах Средней Лены. Наличие их в инвентаре весьма ранних, по прибайкальским масштабам, погребений в верховьях р. Лены впервые определенно указывает на древнейшие культурные связи населения Верхней Лены и Якутии. Вместе с тем, эти новые находки окончательно подтверждают, что неолитическая культура Якутии действительно относится к очень древнему периоду и что прежние представления о позднем времени развития всех неолитических культур этой территории не соответствуют действительности, противоречат фактам.

Второй комплекс погребений Верхоленского могильника относится к глазковскому времени. Он отличается от более раннего прежде всего ориентировкой погребений параллельно берегу р. Лены, т. е. перпендикулярно длинной оси могил раннесеровских захоронений. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении, под кладками из плит песчаника. Кладки в большинстве случаев удлиненные, лодкообразной формы (в виде челна). Среди глазковского комплекса захоронений замечен отдельный, строго выдержанный ряд из шести могил, отделенных одна от другой небольшими интервалами и расположенных по прямой линии, начиная от края берега и далее вглубь террасы.

В этих могилах обнаружены типично глазковские наконечники стрел из кости и камня, перламутровые бусины — кружочки, кружки из полупрозрачного белого камня и из зеленого нефрита, первоначально нашитые на одежду типа тунгусского «фрака».

В одном из погребений, каменная кладка которого отчасти перекрывала более древнее, раннесеровское захоронение, костяк сопровождался беспорядочно рассеянными в области грудной клетки костяными наконечниками стрел. Один из наконечников торчал в тазовой кости скелета. Он пробил ее с такой силой, что вошел в глубь кости на $\frac{2}{3}$ своей длины. Необходимо особо отметить находку своеобразного стилизованного изображения двух человечков с острыми головами и миниатюрными узкими глазками. Это, повидимому, изображение близнецов или, что может быть более интересно, духов-покровителей семьи — мужа и жены.

Исследования погребений, давших обширный яркий материал для понимания своеобразной культуры прибайкальского неолита и раннего бронзового века, были существенно дополнены раскопками древних поселений в долине Ангары, между истоком р. Ангары и г. Иркутском.

Экспедицией произведены раскопки в трех местах: на Рогатке у с. Лиственичного, вблизи дер. Патроны и на о. Сосновом в 8 км от Байкала.

Раскопки подтвердили правильность выделения на основании материалов из погребений нескольких культурно-исторических этапов в неолите Прибайкалья и дали новые разнообразные сведения для восстановления картины жизни неолитических обитателей долины Ангары.

На Рогатке обнаружен комплекс находок, совпадающих с инвентарем погребений серовского типа — керамика, шлифованные тесла, топоры с ушками, каменные стержни для рыболовных крючков, превосходно ретушированный листовидный клинок мужского ножа или наконечника копья и другие изделия. Особенности некоторых фрагментов глиняных сосудов позволяют сблизить этот комплекс находок с определенной группой серовских

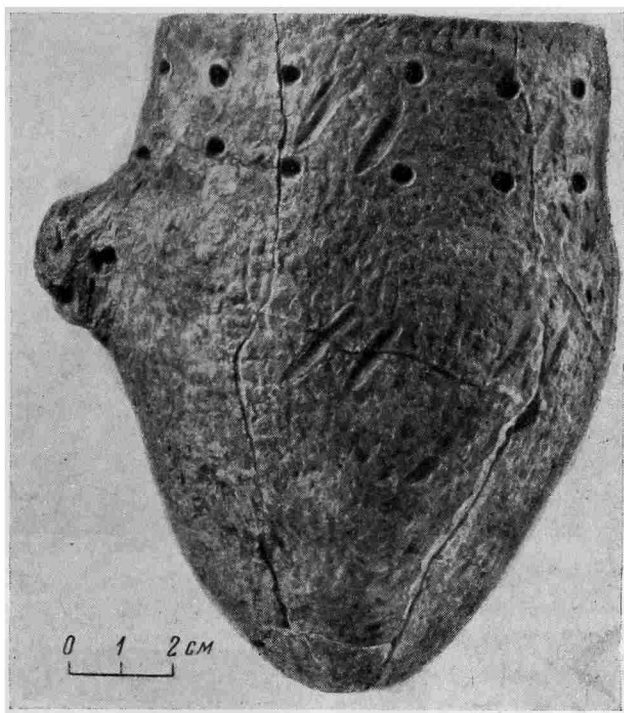

Рис. 11. Сосуд-дымокур. Верхоленский могильник.

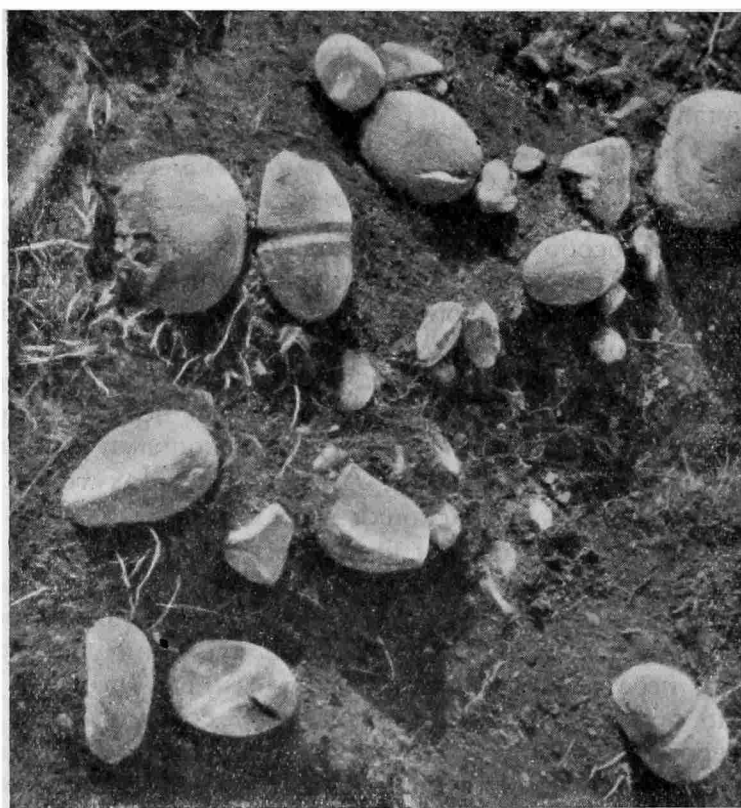

Рис. 12. Каменная рыба из погребения № 6 Верхоленского могильника (вверху).
Очаг бронзового века и грузила. Остров Сосновый на Ангаре (внизу).

погребений (Усть-Долгая, 3). Поселение существовало, следовательно, сравнительно короткое время.

Раскопки близ дер. Патроны выявили почти несмешанный культурный слой, относящийся к китойскому времени. Найдены куски зеленого нефрита с желобками распила, показывающие, что здесь производилась обработка нефрита. Встречены характерные для китойского времени изделия из мыльного камня (жировика, агальматолита). Из жировика сделано уникальное изделие в виде небольшой подвески или грузика, являвшееся приманкой для рыбы.

Такие приманки, широко применявшиеся древними алгонкинами в Северной Америке, в Сибири еще не встречались. Весьма интересна схематично выполненная ретушью в типично китойской манере фигурка животного из тонкой плитки аргиллита. При всей своей схематичности фигурка достаточно живо передает общие очертания кабана, клыки которого, как известно, служили излюбленным украшением китойского времени в Прибайкалье.

Находки, относящиеся к глазковскому времени, обнаружены на стоянке вблизи Большой Разводной; среди них оказался небольшой медный или бронзовый нож глазковского типа, показывающий, что металл, во всяком случае в конце глазковского времени, не был очень уж редким материалом для жителей Приангарья.

Раскопками на о. Сосновом вскрыт неожиданный по сложности пласт культурных отложений. По данным первых разведок 1927—1929 гг., на острове предполагалось существование остатков поселений бронзового и раннего железного веков, однако здесь оказались также и более древние культурные слои — каменного века и глазковского времени.

В самом низу, в слое гальки с примесью бурого суглинки, встречались каменные наконечники стрел, пластины, отщепы, топоры с ушками и архаическая керамика с оттисками сетки-плетенки. Тут же обнаружен типично китойский каменный стерженек для рыболовного крючка и плитка-палетка для растирания краски, аналогичная найденным П. И. Витковским в погребениях у устья р. Китоя.

Выше прослежены находки, датируемые глазковским временем, в том числе характерная керамика с богатым желобчато-штамповым орнаментом.

Над глазковским слоем залегает слой, относящийся к бронзовому веку. В нем встречены очаги из камней, большие рыболовные грузила (рис. 12 — внизу), фрагменты бронзовых ножей, а также многочисленные обломки глиняных сосудов. Судя по ним, древние обитатели употребляли два вида глиняных сосудов: 1) архаической формы, круглодонные; 2) с коническим поддоном, аналогичные по форме степным бронзовым сосудам «скифского типа».

Таким образом, находки на о. Сосновом впервые дают представление о бытовом укладе и культуре населения Прибайкалья в эпоху развитой бронзовой культуры, в I тысячелетии до н. э.; в частности, эти находки свидетельствуют о достаточно тесных взаимоотношениях лесных жителей Прибайкалья с соседними степными племенами, строителями плиточных могил, жившими на противоположной стороне Байкала, к югу от Кабанска, вверх по р. Селенге.

Не менее важны находки, датируемые ранним железным веком, показывающие, что около начала н. э. на ангарских островах жили плавильщики железа, кузнецы, гончары, выделявавшие оригинальную керамику.

Их сосуды, покрытые тонким резным узором, напоминающим ветви и свисающие с них листья, имели узкое дно, нередко как бы образованное из примятого круглого днища.

Верхний слой культурных отложений на о. Сосновом содержит толсто-стенные черепки сосудов курыканского времени, с характерным грубым узором.

Следует отметить, что на донышке такого же в точности сосуда, найденного П. П. Хороших в одной из байкальских бухт, поблизости от с. Лиственичного, незадолго до наших раскопок на о. Сосновом, была замечена отчетливо выцарапанная древнетюркская руническая надпись. Находки на о. Сосновом, указывающие на генетическую связь культуры раннего железного века с курыканской, снова выдвигают большой и сложный вопрос о происхождении курыканов, их связи с якутами, бурятами, а также с древнейшими племенами раннего железного, а может быть и бронзового века.

Не исключено, что последние были родственны енисейским «палеоазиатам»: аринам, ассантам, коттам и кетам, занимавшим, судя по данным топонимики, еще в сравнительно недавнее время территорию до устья р. Оки (притока Ангары).

Затем они, очевидно, подверглись воздействию тюркских племен, были ассимилированы ими и, утратив свой язык, стали пользоваться тюркской рунической письменностью и речью.

Дальнейшие исследования на Ангаре должны, несомненно, принести немало важных фактов для освещения этой интересной проблемы и многих других, связанных с археологическими памятниками Приангарья.

Н. Н. ГУРИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАРЕЛИИ И В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

I

Работы археологической экспедиции на территории Карело-Финской ССР летом 1951 г. являлись продолжением работ трех предшествующих лет.

В задачи экспедиции входило:

- 1) продолжение планомерного археологического обследования северных районов республики;
- 2) проведение стационарных работ в Средней Карелии с целью выявления характера значительной группы древних поселений, обнаруженных предшествующими разведками;
- 3) раскопки поселения Чуйнаволока на Сямозере.

1. Разведка в Северной Карелии производилась в районе, расположенном к северу от территории, обследованной экспедицией 1950 г., а именно, на побережье озер Куйто (Верхнее, Среднее и Нижнее) и по берегам р. Кеми, связывающей эти озера с Белым морем (рис. 13).

В результате разведки обнаружено 16 древних поселений и стоянок, подавляющее большинство которых относится к позднему неолиту и два к X—XIII вв. н. э. Удалось установить, что наиболее густо заселенным был район нижнего течения р. Кеми, непосредственно примыкавший тогда к берегу Белого моря; гораздо меньшее количество поселений обнаружено на побережье озер, в особенности в их северной части, что связано с наличием там большого количества заболоченных участков. Наблюдается и некоторое отличие в характере поселений. Ближе к морю располагаются поселения, материал которых свидетельствует о длительности обитания, дальше от моря — стоянки временного характера.

Памятники позднего времени (XI—XIII вв.) представлены остатками двух, повидимому, кратковременных поселений, расположенных на р. Чирка — Кемь (близ деревень Юшкозеро и Суопосалми). Условия их расположения совершенно тождественны: на песчаных дюнах, при впадении реки в озеро. Находки немногочисленны и состоят из обломков сосудов, в тесто которых примешано много дресвы, отщепов кварца, кремня и железных шлаков. Если учесть полное отсутствие памятников первых столетий н. э. на территории Северной Карелии, то даже эти весьма немногочисленные находки приобретают определенную ценность.

С целью получения более точного представления о характере памятников Северной Карелии (исследовавшихся впервые), экспедицией были предприняты раскопки одного из поздненеолитических поселений, расположенного в четырех километрах от г. Кеми. Поселение находилось на небольшой площадке, большая часть которой была уничтожена карьером, на левом берегу р. Кеми, в 6 м над современным уровнем воды.

Культурный слой состоял из обычного красноватого песка, более темного в нижней части. Отличительной особенностью его являлось наличие множества крупных и мелких камней, покрывающих всю площадку.

В средней части поселения наблюдалось заметное западание культурного слоя, на 40—45 см ниже его границы. Впадина имела в плане полукруглое очертание; часть ее, примерно половина, была уничтожена карьером. Помимо того, с одной из сторон углубление нарушено поздней ямой, что не дало возможности проследить полностью его границ. В контурах углубления (в части, примыкающей к обрезу карьера) вскрыт очаг, сложенный из крупных камней с сильно обожженной поверхностью, лежавших на черной углистой прослойке. Здесь же было сосредоточено и значительное количество сильно обожженной керамики. Западание культурного слоя, наличие очага и скопление находок приводит к выводу о наличии в этой части поселения землянки. На дне наблюдалась тонкая прослойка глины (толщиной 10 см), также содержащая находки. Глинистая подстилка выклинивалась за края углубления и отсутствовала в других частях поселения.

Инвентарь, найденный на поселении, весьма многочислен. В большинстве — это керамика, очень разнообразная по тесту и орнаменту. Значительная часть фрагментов принадлежит довольно толстостенным сосудам, орнаментированным отпечатками гребенчатого штампа, сочетающегося с ямками различной формы, создающими часто довольно сложный узор. В глиняное тесто введена примесь крупного песка; обжиг средний (рис. 14—17—19).

Вторую группу составляет очень небольшое число сосудов из глины с примесью асбеста. Орнаментированы сосуды мелкими отпечатками гребенки.

Наконец, третья группа состоит из обломков тонкостенных единичных сосудов, сделанных из глины с примесью крупных чешуек слюды. Прямой край орнаментирован тремя параллельными одна другой и краю сосуда слабо заметными линиями. Этот тип керамики является весьма оригинальным и не встречается в других поселениях Карелии.

Найденные орудия представляют собой небольшой величины сланцевые долота и тесла. Почти полностью отсутствуют крупные орудия. Обращает на себя внимание относительно большое количество кремневых орудий и отщепов кремня, а также исключительное обилие кварцевых отщепов и нуклеусов при сравнительно небольшом количестве орудий, изготовленных из этого материала. Среди оружия бросается в глаза большое число разнообразных кремневых наконечников стрел.

Существенно отметить, с одной стороны, сходство типов наконечников стрел кемского поселения с наконечниками стрел, характерными для беломорской культуры (сильно удлиненные, с усеченным основанием, и особые черешковые), а с другой — близость отдельных типов керамики к керамике неолитических поселений Кольского полуострова. Становится ясно, что древнее население имело довольно широкие связи с соседними племенами, чему способствовало благоприятное географическое положение поселения. Наличие общих форм орудий и качество кремня, использовавшегося для наконечников стрел жителями поселений у г. Кеми и поселений, относимых к беломорской культуре, свидетельствуют о том, что кремень получался жителями побережья Кеми именно с восточного берега Белого моря.

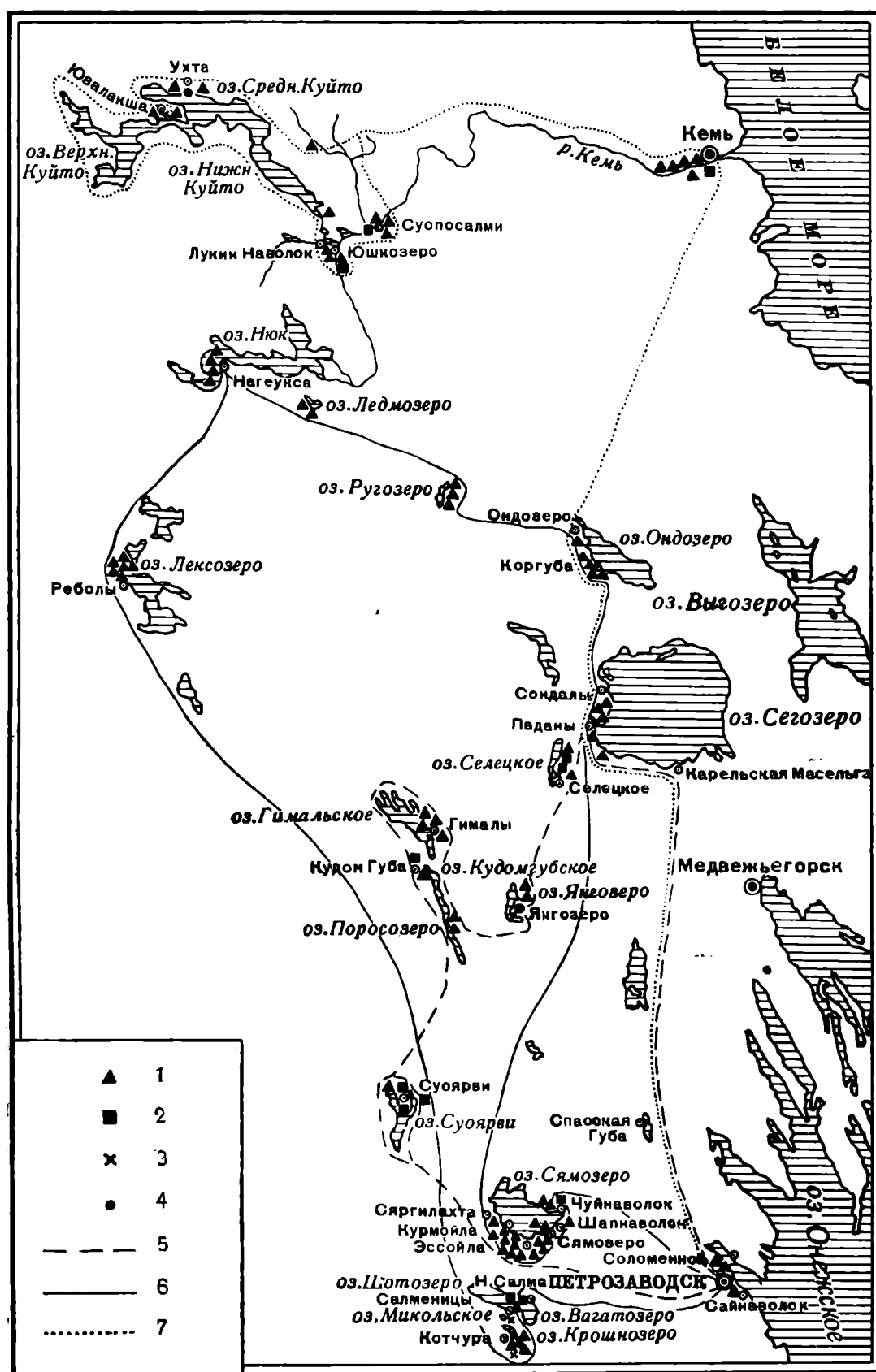

Рис. 13. Карта работ в Карелии:

1 — поселения эпохи неолита и раннего металла; 2 — памятники эпохи железа; 3 — места выплавки болотной железной руды в XVI—XVIII вв. н. э.; 4 — могильники XVI—XVII вв. н. э.; 5 — маршрут экспедиции 1948—1949 гг.; 6 — то же 1950 г.; 7 — то же 1951 г.

Важным обстоятельством является установление общности между керамикой кемского поселения и поселений Кольского полуострова. Это подтверждает высказанное мною ранее положение о заселении в древности Кольского полуострова из Карелии.

Поселение на р. Кеми относится ко времени позднего неолита, к концу II тысячелетия до н. э. На территории Карелии оно пока может считаться самым северным.

2. Работы в средней Карелии. С целью выявления характера значительной группы поселений, обнаруженных разведками предшествующих лет в средней Карелии, экспедиция предприняла раскопки одного из них, расположенного на побережье оз. Ондозера, близ дер. Коргубы. Как показали ранее произведенные обследования, памятники, обнаруженные на территории средней Карелии, отличались от памятников южных районов отсутствием керамики и исключительным обилием кварцевых орудий, что давало основание предполагать наличие здесь своеобразного бескерамичного неолита.

Раскопки стоянки близ дер. Коргубы показали, что действительно этой группе поселений (их насчитывается около 40) присущи особые черты, отличающие их от памятников северных и южных районов Карелии. Культурный слой стоянки близ дер. Коргубы был незначительной мощности — 25—30 см — и располагался не сплошь, как обычно, а отдельными участками. Удалось проследить остатки открытого очага в виде небольшого (40 см) углубления, заполненного золой и мелкими углями.

Собранный материал в подавляющем большинстве состоит из отщепов кварца и кварцевых орудий (скребков). Шлифованные орудия встречались редко, хотя в ряде случаев найдены обломки шлифовальных плит.

В отличие от абсолютного большинства местонахождений в средней Карелии, на стоянке обнаружена керамика, правда, в очень незначительном количестве. Это обломки сосудов, близких к так называемым «типа сперрингс», однако значительно лучших по тесту, и очень небольшое количество ранней ямочной керамики. Внешняя поверхность сосудов часто окрашена красной охрой. Наличие керамики хотя бы и в таком ограниченном количестве свидетельствует о том, что, повидимому, она может быть обнаружена и на других среднекарельских памятниках этого типа, что должно опровергнуть представление о них как о бескерамичных.

На основании материалов раскопок можно сделать вывод, что стоянка у дер. Коргубы не длительное поселение. Сходство ее в основных чертах с остальными стоянками, открытыми в средней Карелии, дает право говорить, что территория средней части современной Карелии была заселена в древности более подвижными племенами, чем в южных районах, население которых вело относительно оседлый образ жизни.

По характеру керамики, стоянку у дер. Коргубы следует, повидимому, отнести к раннему неолиту.

3. Раскопки поселения Чуйнаволок. Стационарные работы 1951 г. были сосредоточены в юго-западной Карелии на поселении Чуйнаволок, расположенном на берегу Сямозера, не выше двух метров над современным уровнем воды. Площадка поселения постепенно повышается в сторону, противоположную озеру.

Вскрыта вся пригодная для раскопок площадь поселения. Максимальная мощность культурного слоя не превышала 0,5 м, причем верхняя часть слоя была затронута пашней, нижняя залегала *in situ*. Обнаружены мелкие кремневые, кварцевые и сланцевые орудия и керамика. Среди последней выделяются две основные группы.

Одна из них включает обломки толстостенных круглодонных сосудов из глины с примесью дресвы, внешняя поверхность их покрыта глубокими

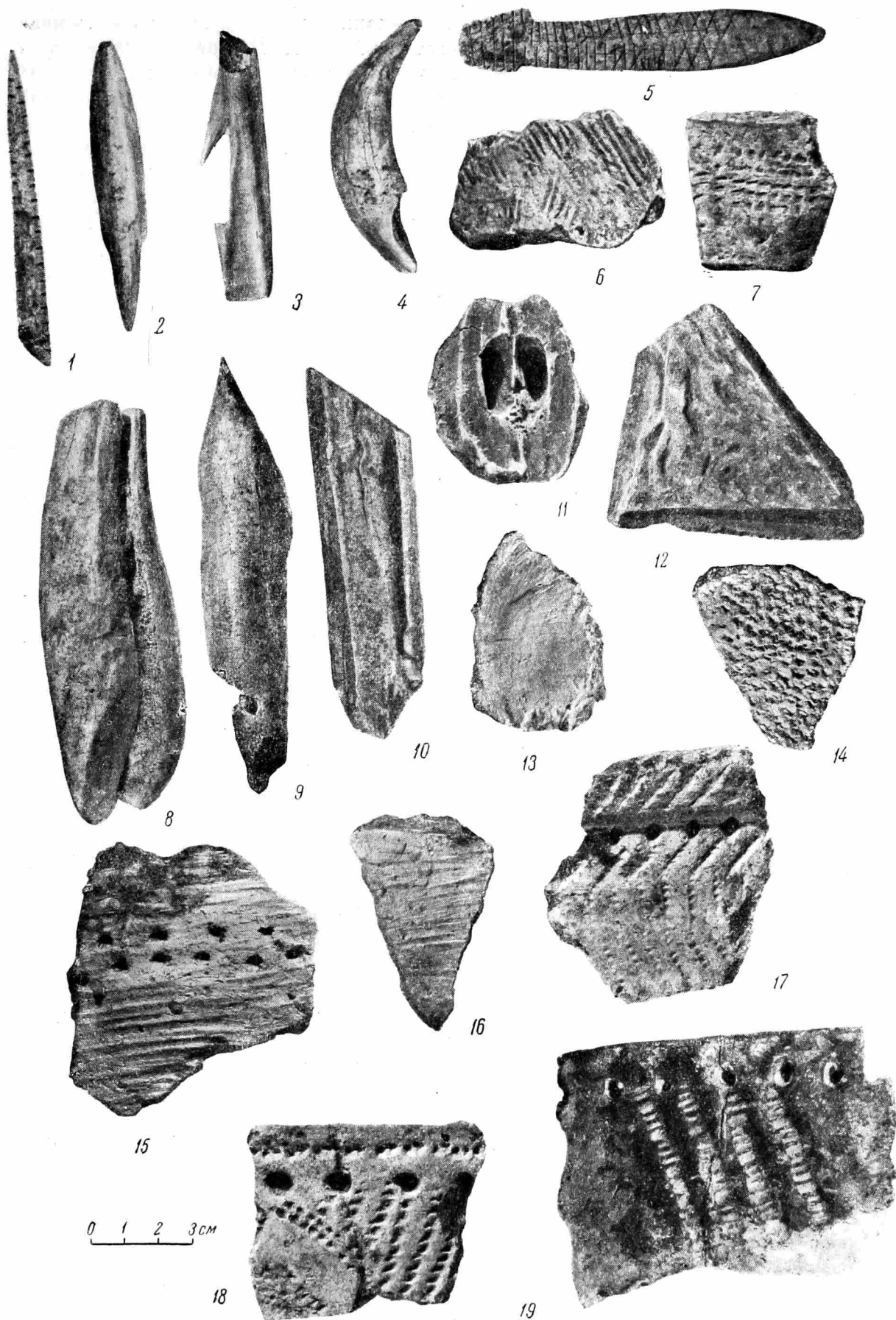

Рис. 14. Предметы из поселения Нарва I, Кемь I и Чуйнаволоок:

1 — костяной стержень с орнаментом; 2, 3 — наконечники стрел и гарпуна; 4 — клык медведя; 5 — костяная рыбка; 6, 7 — обломки сосудов; 8 — роговая мстыга; 9, 10 — костяные орудия; 11, 12 — кость и рог со следами распиливания (1—12 с поселения Нарва I); 13—16 — обломки сосудов с поселения Чуйнаволоок; 17—19 — обломки сосудов со стоянки Кемь I.

ямками различной формы. Скопление керамики этой группы прослеживалось совершенно отчетливо в южной части раскопа II. В первом раскопе, расположенном севернее, она встречена в очень незначительном количестве.

Вторую, гораздо более многочисленную группу составляют обломки глиняных сосудов со стенками средней толщины. Глина, из которой они изготовлены, хорошо отмучена, примесь мелкого песка введена в очень умеренном количестве, обжиг сильный. Отчетливо прослеживается наличие плоскодонных сосудов с профилированным краем. Встречены также обломки сосудов из глины с примесью асбеста. Внешняя поверхность сосудов второй группы украшена тремя видами отпечатков: 1) оттисками очень тонкого, но четко выраженного гребенчатого штампа, располагающегося зигзагообразными линиями по шейке сосуда, 2) отпечатками мелкой ткани, покрывающими всю поверхность сосудов, и 3) мелкой штриховкой. Во всех трех случаях на внутренней поверхности заметны резкие штрихи от заглаживания (рис. 14—13—16).

По характеру весьма тщательно приготовленного глиняного теста и по наличию неглубоких отпечатков мелкой ткани и легких штрихов, керамика этой группы более всего близка к керамике поселений Изсады и Сопки¹. Значительное сходство прослеживается также между поселением Чуйнаволоком и стоянкой Томицы (Карелия), изученной А. Я. Брюсовым². В качестве несколько более далекой аналогии следует указать на пятый слой стоянки Бологое³.

Заметная разница наблюдается между нашей керамикой и более грубой текстильной керамикой городищ дьякова типа или белорусской со штрихами на внешней поверхности, относящимися, как мне представляется, к более позднему периоду бытования текстильной и покрытой штрихами от заглаживания керамики. Многочисленные находки керамики поздних типов свидетельствуют о принадлежности поселения Чуйнаволок не к неолиту, а к эпохе металла, поскольку на всех других поселениях, указанных нами в качестве аналогий, встречены бронза или железо (Бологое и др.).

Кроме того, в Чуйнаволоке обнаружены в значительном количестве шлаки (повидимому железные?) и обломки глиняных тигельков, что указывает не только на знакомство населения с металлическими вещами, но и на изготовление последних на месте.

Все эти факты заставляют нас отнести поселение к эпохе металла. Учитывая все увеличивающееся число находок железных шлаков на поселениях Карелии, в сочетании с довольно древними типами керамики (поздней ямочно-гребенчатой и асбестовой), следует прийти к выводу о весьма раннем знакомстве населения с железом, в изобилии встречающемся в многочисленных болотах Карелии.

Поселение Чуйнаволок можно, повидимому, датировать второй половиной I тысячелетия до н. э. Находки керамики более раннего типа (ямочно-гребенчатой) объясняются длительностью существования поселения или повторным заселением данного места в более позднее время. Это связано с весьма ограниченным количеством площади, удобной для поселений. С подобными фактами, как уже неоднократно указывалось, мы встречаемся в Карелии повсеместно.

Наибольшая концентрация керамики раннего типа лишь в южной части II раскопа свидетельствует о том, что вначале была заселена именно эта часть площадки и лишь позже поселок занял более обширную территорию.

¹ Поселения расположены в нижнем течении р. Волхова; исследованы автором статьи в 1950 г.

² А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940 г., стр. 238—242.

³ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗРАО, т. V, вып. 1, стр. 239—277, табл. XLIII.

Поселение Чуйнаволоок является пока единственным в Карелии, наиболее отчетливо отражающим последующую за неолитом ступень развития производительных сил общества — эпоху металла.

II

В задачу Нарвской археологической экспедиции входило обследование среднего течения р. Наровы и нижнего течения впадающих в нее рек Плюссы и Пяты.

В результате разведки было зафиксировано 12 археологических памятников, из которых два представляют собой неолитические поселения, семь — остатки селищ XI—XIII вв., один — грунтовой могильник XIII—XIV вв. и два — курганные группы.

Археологические памятники на обследованной территории располагались по периферии пойменной низины. Оба берега р. Наровы и берега рек Плюссы и Пяты очень низкие и топкие, представляли собой мало удобные места для заселения в древности. Вот почему севернее с. Криуши археологических памятников обнаружено не было, тогда как южнее и значительно восточнее известно очень большое количество курганных групп¹. Места поселений на этой территории до сего времени не были известны, в результате чего представление о характере материальной культуры населения, оставившего памятники, было односторонним. Поэтому открытие нашей экспедицией остатков семи поселений, синхронных курганам, представляет большой интерес.

Обнаруженный материал весьма ограничен, так как площадь поселений подвергалась в течение длительного времени распашке, в значительной мере уничтожившей культурный слой (за исключением поселения у дер. Омути). Находки состоят из обломков толстостенных сосудов, изготовленных из желтой глины с примесью крупных зерен кварца. Сосуды имеют прямые края, плоские днища, орнамент отсутствует. Помимо керамики найдено некоторое количество обломков костей.

1. Раскопки курганов. В отличие от поселений курганные группы, на которых были произведены раскопки, дали очень богатый материал.

Были вскрыты 16 курганов и одна грунтовая могила. Четыре кургана располагались у с. Криуши и 12 близ дер. Ольгин Крест. Особенно обильный материал дали последние. Они находились в некотором отдалении от реки, на краю небольшого леса. Частичные раскопки здесь были произведены В. Н. Глазовым². К моменту наших работ насчитывалось 54 кургана, причем большинство их оказалось раскопанными.

Курганы были сосредоточены довольно компактной группой, на небольшом расстоянии, иногда почти соприкасаясь один с другим.

Высота их не превышала 1,2 м, а диаметр 6 м. Форма — полушарная, чаще правильная.

Вскрытые нами курганы оказались не ограбленными, поэтому удалось полностью проследить обряд захоронения. Погребения совершались в грунтовой яме, глубина которой не превышала 0,8 м, а размер 2×1 м³. После засыпки ямы над могилой возводилась насыпь из песка. Некоторые курганы в основании были обложены камнями вокруг всей насыпи или частично.

¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопах В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903.— А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопах Л. К. Иванова. МАР, № 20, 1896.

² А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопах В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903.

³ Исключение составляет могильная яма кургана № 9 с тройным захоронением.

Захороненные лежали в вытянутом положении на спине, головой к западу, с небольшим отклонением к югу или северу. Руки чаще всего согнуты в локтях, кисти на груди или животе. Два кургана содержали детские захоронения, один двойное (взрослое и детское, причем последнее впускное) и один тройное одновременное захоронение взрослых.

В десяти раскопанных курганах погребенные были захоронены с вещами, различными в мужских и женских погребениях. Мужское обычно сопровождалось железным ножом, лежащим у пояса, и кусками кремня для высекания огня. В очень редких случаях встречены украшения — бронзовые фибулы. В одном из погребений кургана № 9 у костяка, в области голеней, обнаружено два полукольца из медной тонкой проволоки, диаметром в 0,4 мм, с остатками вокруг них грубой ткани.

Инвентарь женских захоронений гораздо богаче и разнообразнее: обнаружены ожерелья из пастовых, стеклянных или металлических бус, подвески, фибулы, браслеты и перстни (рис. 15, 1—13). Особым богатством отличалось одно захоронение; в нем собрано 86 предметов. Большинство их найдено в области груди, причем сверху эта часть погребения была закрыта слоем бересты.

Среди украшений — ожерелья из раковин каури, двойное ожерелье из перегородчатых подвесок, ожерелье из металлических бус, бронзовая цепь. На обеих руках погребенной было найдено восемь браслетов (на одной руке пять, на другой — три), витых из бронзы и плоских пластинчатых, украшенных ромбическим орнаментом. Два плоских браслета позолочены. У тазовых костей найдено кольцо, составлявшее, повидимому, часть украшения пояса. Удалось проследить остатки головного убора, состоящего из какой-то очень тонкой ткани, затканной мелкими бронзовыми колечками. Повидимому, это было покрывало, накинутое на голову и спускавшееся по плечам. У бедра находился железный нож, вероятно подвешенный к поясу.

В отдельных погребениях сохранились остатки плотных шерстяных тканей, кожи и нитей, на которые были нанизаны бусы.

Рассматривая материалы из этой курганный группы, мы прежде всего должны будем обратиться для сравнений к многочисленным находкам из курганов, раскопанных Л. К. Ивановским в пределах современной Ленинградской области¹, поскольку большинство нашего инвентаря находит в них прямое тождество (решетчатые подвески, бронзовые бусы, браслеты, фибулы и т. д.). Исходя из этого, допустимо сделать предположение, что население, оставившее исследуемые нами памятники, принадлежало к той же этнической группе, что и население более восточной территории — нынешней Ленинградской области (районы Кенгисепский, Гатчинский, Сланцевский и др.).

Рассматривая материалы курганов, мы не можем не заметить среди них отдельных предметов, характерных для инвентаря могил Прибалтики и Приладожья (спиральный браслет, отдельные подвески, бронзовая цепь); однако массовые находки — браслеты, решетчатые подвески, височные кольца кривичского типа, перстни с расширением и заходящими концами, а также несколько сосудов с типичным волнистым орнаментом — свидетельствуют о несомненном преобладании славянских элементов, характерных для новгородских славян. Это обстоятельство позволяет считать население, оставившее памятники, принадлежащим к одной из славянских групп. Наличие же прибалтийских и финских вещей следует объяснить непосредственным соседством с населением Прибалтики и финскими племенами и вероятно существующими между ними и славянской группой племен связями.

¹ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопах Л. К. Иванова. МАР, № 20, 1896.

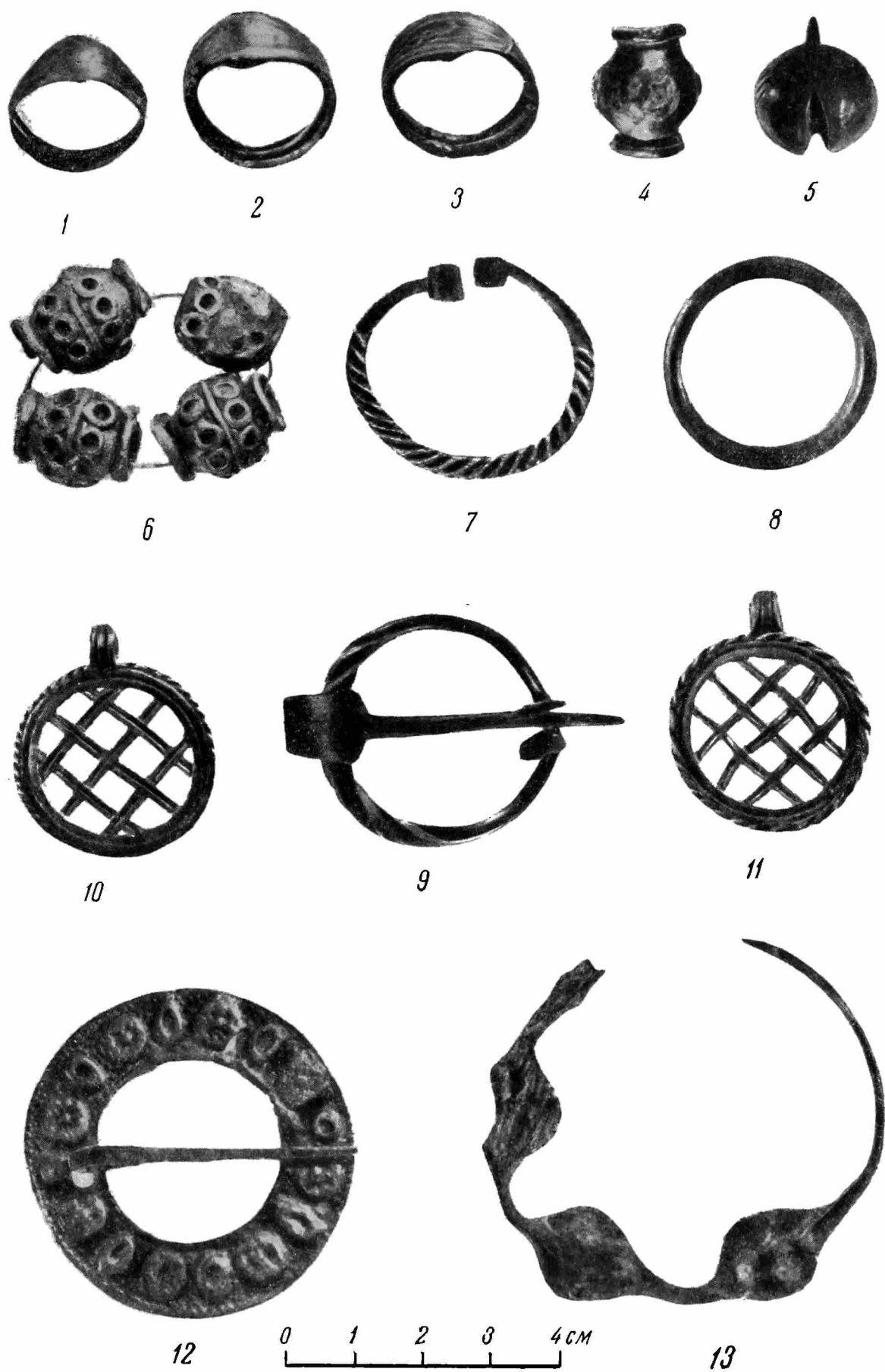

Рис. 15. Украшения из курганного могильника близ б. деревни Ольгин Крест.

Курганную группу в целом мы можем датировать временем между XI и XII вв., причем наибольшее количество погребений относится, повидимому, к XI веку.

Раскопки неолитических поселений. В 7 км ниже г. Нарвы, на левом берегу р. Наровы, обнаружено два неолитических поселения. Они располагаются в 600 м одно от другого на второй береговой террасе, в 8—8,5 м над современным уровнем реки. Этот участок берега представляет собой песчаную дюну шириной около 1 км, являвшуюся в прошлом морским берегом. В настоящее время море отошло не менее чем на 7 км.

По краю обоих поселений проходит тракт Нарва — Усть-Нарва, разрушивший частично одно из поселений (Нарва I), площадь которого была в прошлом значительно больше. Помимо того часть памятника уничтожена карьерами по выборке песка. Несмотря на это, раскопанные участки (104 м²) дали настолько существенный материал, что поселение можно считать одним из интереснейших памятников севера европейской части СССР.

Культурный слой был более мощным (в среднем 0,8—0,9 м), чем обычно на стоянках севера, и представлял собой супесь темного, местами почти черного цвета, более светлого в верхней части. В восточной стороне раскопа в слое наблюдалась примесь раковины *Unio*, местами в очень значительном количестве. Ближе к западной части, т. е. в сторону реки, слой с примесью раковин постепенно выклинивался, встречаясь сначала лишь небольшими линзами, и наконец исчезал. В северной и южной части примеси раковин не встречено. Наибольшие скопления ракушняка прослеживались в середине культурного слоя и являлись как бы границей более светлой и более темной прослойки. В плане пятно ракушняка было округлой формы; диаметр его — около 10 м. К краям пятна мощность ракушняка и культурного слоя в целом была меньше и не превышала 0,6 м. По мере приближения к центру мощность заметно увеличивалась и достигала 1,2 м.

Сильное западание культурного слоя свидетельствует о наличии углубленного жилища — полуземлянки. К сожалению, сейчас нельзя полностью восстановить характер жилища (очаг, вход, перекрытие) и точно вычислить размеры, так как одна сторона его разрушена позднейшим сооружением, а вторая стенка уходит за пределы раскопа. Таким образом, мы располагаем лишь весьма приблизительными представлениями о размере и форме жилища. Однако можно сказать, что полуземлянка не могла быть менее 8 м в диаметре и имела округлую форму.

К юго-восточной части землянки примыкало второе небольшое углубление — округлых очертаний, имевшее, повидимому, хозяйственное назначение. Следует полагать, что моллюск *Unio* употреблялся жителями древнего поселка в пищу.

По аналогии с Лукой Врублевцевкой, исследованной С. Н. Бибиковым¹, можно высказать предположение, что ракушняк мог служить и для засыпки пола (во избежание большой влажности) и время от времени выкидывался за пределы жилища, заменяясь новым. Вот почему его слой значительно толще (иногда как бы сцементированный) внутри углубления и несравненно тоньше вокруг его.

Интересны находки, собранные на поселении. Обращает внимание очень ограниченное количество каменного инвентаря. На всей площади поселения найден лишь один каменный топор (изготовленный из гранита), два мелких сланцевых орудия (тесло прямое и желобчатое) и 12 кремневых отще-

¹ С. Н. Биби́ков, Раннетрипольское поселение Лука Врублевцевка и его значение для истории раннеземледельческих племен юга и юго-запада СССР. СА, т. XI, 1949.

пов; многочисленны отщепы кварца, хотя орудия, изготовленные из него, крайне редки.

Костяные орудия весьма разнообразны. Среди них: наконечники стрел, гарпунов (рис. 14—2, 3), проколки, костяные острия, шилья, небольшие тесла, долотца и ложила, очень многочисленны прекрасно зашлифованные роговые мотыги различной величины — от 5 до 13 см (рис. 14—8). Интересно отметить находки своеобразных костяных орудий, известных по приладожским стоянкам, исследованным А. А. Иностранцевым. Эти изделия названы им «орудиями под углом в 45°»¹ (рис. 14—10).

Из мелких предметов следует указать на подвески из челюстей и зубов животных, пластинки с просверленными отверстиями и очень маленькие проколки. Особое внимание привлекает костяной предмет, изображающий довольно схематично рыбу, тело которой орнаментировано нарезками (рис. 14—5); хвост слегка закруглен и оканчивается небольшими зубчиками. Глаз трактован в виде точки и изогнутой под углом линии, расположенной выше ее. Сильная залощенность внешней поверхности свидетельствует о частом употреблении предмета, а зубчатый хвост вызывает предположение об использовании поделки в качестве штампа для нанесения орнамента на керамике, тем более что отпечатки гребенчатого штампа встречаются очень часто.

Керамика, обнаруженная на поселении, очень многочисленна. По характеру теста и в значительной мере по орнаменту ее можно разделить на две группы. Одну из них составляют толстостенные сосуды из глины с большой примесью дресвы, украшенные по внешней поверхности глубоким ямочным и реже гребенчатым орнаментом. Форма сосудов остродонная, размер крупный, обжиг не очень сильный (рис. 14—6, 7).

Вторая, значительно бо́льшая группа, состоит из сосудов, изготовленных из глины с примесью толченых раковин *Unio*. Стенки их средней толщины, края прямые, днища округлые или уплощенные, орнамент состоит преимущественно из отпечатков гребенки. Среди этой группы сосудов встречаются неорнаментированные или сосуды, внешняя, а часто и внутренняя поверхность которых покрыта резкими штрихами, идущими в различных направлениях.

Особое место в инвентаре поселения занимают костяные предметы и в различной степени обработанные заготовки. Количество последних очень велико, а приемы обработки поражают удивительной разработанностью (рис. 14—11, 12). Подготовка болванок из длинных костей производилась двумя способами: 1) путем удаления эпифизов несколькими сильными ударами и 2) двухсторонними опилами, направленными под острым углом один к другому. Последующим этапом обработки являлось продольное распиливание, в результате чего получались два удлинённых орудия, концы которых были срезаны под углом к длинной оси. Нередко длинная кость распиливалась вдоль, вместе с обоими эпифизами. Из рога также распилкой изготавливались плоские пластинки.

Кварцитовые пилы, которыми производилось пиление, найдены вместе с обработанной костью. Они представляют собой длинные пластинки, один из краев которых слегка заострен. Эти пилки совершенно сходны с пилами, в изобилии встречаемыми на карельских стоянках и применяемыми там для обработки сланца (и, вероятно, кости). Большинство костяных болванок и кварцитовых пилок обнаружено в пределах углубления — жилища и в непосредственной близости от него, что наводит на мысль о наличии здесь своего рода мастерской по изготовлению костяных орудий.

¹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Встреченные в раскопах многочисленные остатки фауны позволяют с достаточной полнотой восстановить окружающую географическую среду. В. И. Бибикова, изучавшая остатки фауны, определила 19 видов различных животных, среди них: косуля, лось, северный олень, тур, кабан, медведь, росомаха, норка, куница, волк, лисица, заяц, бобр, выдра. Многочисленны кости тюленя. Большой интерес вызывают домашние животные — бык, овца, собака. Среди птиц отмечены: водоплавающие — утка, гагара, гусь, а из лесных — глухарь и какой-то крупный хищник. Представлена и ихтиофауна: щука, судак, карповые.

Судя по количеству найденных костей диких животных, охота играла очень большую роль в хозяйстве древнего человека. На охоте, вероятно, использовалась собака; на небольшой раскопанной площади поселения найдены кости 12 собак (из них одной молодой).

Кости тюленя указывают на то, что, помимо сухопутной охоты, человек занимался и промыслом морского зверя.

Географическое положение поселения позволило древним жителям применять разнообразные приемы охоты на суше и на море, а также заниматься морским и речным рыболовством, свидетельством чего является обилие найденных на поселении грузил от сетей.

Однако древние обитатели побережья р. Наровы не были только охотниками и рыболовами. Судя по наличию костей домашнего быка и овцы, они знали и скотоводство, правда, оно практиковалось, вероятно, еще в небольшом масштабе.

При характеристике встреченной на площади раскопа керамики отмечалась ее разнородность. Причем различная по своему типу керамика не расчленяется четко стратиграфически, в силу отсутствия между верхним и нижним горизонтами культурного слоя прослойки без находок.

Правильно понять взаимоотношение двух указанных групп керамики нам помогает второе, открытое по соседству, поселение Нарва II, находящееся на расстоянии 600 м от первого.

На втором местонахождении мы вынуждены были ограничиться лишь зачисткой стенок многочисленных современных ям.

Несмотря на то, что зачистки сделаны в различных частях поселения, они дали исключительно толстостенную керамику с грубой примесью дресвы в тесте, украшенную глубокими ямками, изредка сочетающимися с крупной гребенкой, т. е. совершенно тождественную керамике второй группы с поселения Нарва I. Иной керамики не было обнаружено ни в одном случае. Такая однородность находок позволяет сделать вывод, что два комплекса керамики, встреченные на поселении Нарва I, не одновременны¹. Смещение разновременного материала на поселении Нарва I определяется нами следующими причинами.

Вначале поселение занимало обе площадки (Нарва I и Нарва II); позже участок дюны, лежащий ближе к морю (Нарва II), был заброшен и только на части поселения, названной нами Нарва I, люди продолжали жить длительное время, постепенно развивая и совершенствуя свою материальную культуру. Доказательством непрерывного развития жизни на поселении Нарва I является наличие на нем керамики с примесью раковины, украшенной ямочно-гребенчатым орнаментом, тождественным орнаменту керамики с примесью дресвы, являющейся как бы промежуточным звеном между сосудами с примесью дресвы и неорнаментированными с примесью раковин.

¹ Костяной инвентарь пока расчленить трудно, поскольку при зачистках на поселении Нарва II встречены лишь невыразительные обломки костей, что, однако, дает нам надежду обнаружить и костяные орудия при последующем исследовании.

Поселение Нарва II следует относить к развитому неолиту, а Нарва I — в основной его части — к концу неолита и, вероятно, к самому началу эпохи бронзы. В абсолютных датах оно может быть отнесено к периоду не ранее второй половины II тысячелетия до н. э.

При сопоставлении материалов поселения с материалами соседних памятников с отдельных стоянок в Эстонии и Латвии, намечаются некоторые общие черты, главным образом в керамике, однако наибольшее сходство мы несомненно видим в находках со стоянок, раскопанных А. А. Иностранцевым в Приладожье¹. Отчетливо прослеживается общность в керамике (в частности своеобразный способ изготовления сосудов), в костяных орудиях (среди которых особенно существенно отметить орудия оригинальной формы «под углом в 45°»), в характере культурного слоя, насыщенного раковинами *Uplio*, и фауне, в которой мы находим совершенно те же виды диких животных (кроме хорька).

Весьма ценно то, что точные стратиграфические данные, полученные при раскопках поселений на р. Нарве, помогут внести ясность в богатейший материал А. А. Иностранцева, стратиграфически не документированный и, повидимому, разновременный, и существенно изменить наши представления о датировке ладожских стоянок.

Сходство между нарвскими и приладожскими поселениями интересно и в том отношении, что оно свидетельствует о достаточно широком распространении единой культуры среди населения, жившего на морском и озерном побережье и занимавшегося сухопутной и морской охотой.

Таким образом, суммируя результаты археологического исследования побережья р. Наровы, мы приходим к выводу, что население этого района, начиная с эпохи позднего неолита и в последующее время X—XIII вв., составляло единое целое с населением более восточной территории — современной Ленинградской области.

¹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

О. А. АБИБУЛЛАЕВ

РАСКОПКИ ХОЛМА КЮЛЬ-ТАПА

Нахичеванская АССР богата многочисленными и разнообразными памятниками материальной культуры, относящимися почти ко всем периодам, начиная от каменного века и кончая средневековьем. Но археологические памятники мало исследованы. Изучение их помогло бы разрешить ряд вопросов, связанных с древней историей Азербайджана. Особый интерес представляет одна из древнейших культур азербайджанского народа, так называемая нахичеванская культура крашеной керамики (кызыл-ванкская культура)¹, которая распространена на территории Нахичеванской республики.

В 1951 г. Институт истории и философии АН Азербайджанской ССР организовал в Нахичеванской республике археологические раскопки по изучению культуры крашеной керамики².

Местом для проведения разведочных раскопок был выбран холм Кюль-Тапа («Зольный холм»), расположенный в юго-восточной возвышенной части села того же названия, близ г. Нахичевана, на левом берегу р. Нахичеван-Чай, где еще в 1904 г. Е. А. Лалаяном были произведены небольшие раскопки.

По рассказу старожилів села, холм Кюль-Тапа когда-то был очень большим. Он простирался с юга на север до 200 м, при ширине около 100 м. С южной стороны на вершину холма вела дорога. Вершина была плоской и настолько широкой, что на ней устраивались скачки. На этой же части вершины холма была постройка из сырцового кирпича и речных булыжников четырехугольной формы, служившая «пиром» — местом, почитаемым и армянами и азербайджанцами. Посещали «пир» особенно в весенние дни, приносили в жертву баранов, чтобы избавиться от болезней и несчастий. Часто армяне после жертвоприношения устраивали около «пира» увеселения.

Здание постепенно обветшало. Во время землетрясения 1931 г. обрушились последние остатки стен.

При уточнении размеров холма оказалось, что слои золы тянутся с

¹ Крашеная керамика обнаружена во многих пунктах Нахичеванской АССР и характерна не только для Кызыл-Ванка, но и для всего Нахичеванского края.

² Участниками раскопок были младшие научные сотрудники Института О. А. Абибуллаев (руководитель) и Т. И. Голубкина.

севера на юг приблизительно на 140—150 м, а в ширину на 60—70 м, хотя точно определить границы холма было почти невозможно¹.

Теперь холм как бы делится на две части: западную — меньшую и восточную — большую. В западной части прослеживаются остатки культурного слоя. Здесь высота холма около 8 м, окружность в основании — 12 м.

Вторая, большая часть холма на 6,5 м восточнее первой и имеет форму неправильного круга с выступами и отвесными стенами, которые очень затрудняют подъем на вершину. Высота этой части холма с запада 12,5 м, с юга 11,5 м, с востока 9 м, с севера 13 м; самая высокая точка 14 м, окружность основания — 71 м.

На южной стороне холма, на разных высотах имеются четыре пещеры различной величины. Первая из них расположена на высоте около 1,5 м. Она похожа на подземный ход и тянется с юга на север с незначительным поворотом на запад в средней части. В пещере встречаются кости животных и фрагменты различных глиняных сосудов. Длина ее 12 м, ширина в среднем 0,9 м, высота 0,85 м.

Над первой находится вторая пещера; подняться к ней очень трудно. и осмотреть ее нам не удалось.

Ближе к юго-западному углу холма, на уровне земли, расположена третья пещера меньших размеров. В некоторых местах ее имеются слои золы. Глубина ее 2,4 м, ширина в средней части 4,2 м, высота 1,2 м; ширина входа 2 м, высота 0,6 м.

Чуть западнее от третьей пещеры, на высоте 2,8 м, находится четвертая, протяжением в 6 м. Ширина при входе 1,75 м, высота 1,30 м; ширина в средней части 2,60 м, высота 1,80 м. Местами внутри пещеры встречаются слои золы и кости животных.

С западной стороны часть холма при землетрясении 1931 г. обрушилась, временно загородив проходящий здесь канал. Вода затопила северную сторону холма, вымыла почву и образовала площадку с небольшим углублением (30 × 20 м), в стенах которого местами заметны остатки культурного слоя.

В обрывах холма хорошо видно чередование слоев земли и золы. На холме во всех его частях и вокруг него встречаются кости различных животных (мелкого и крупного рогатого скота и свиньи), фрагменты различных глиняных сосудов, причем крашеной керамики незначительное количество, слои древесного угля и речной булыжник. Кроме этого, в западной части холма, в обрыве, заметны следы обгорелых сырцовых кирпичей или обтесанных квадратных камней (20 × 20 см). Под ними видны куски прогнившего дерева; попадаются обгорелые кости животных и пятна горелой земли. Слои древесного угля здесь мощнее, чем в других частях холма.

При осмотре холма встречены различные предметы — фрагменты глиняных сосудов, в том числе черепки черноглиняной, лощеной до блеска, и красноглиняной крашеной керамики, с геометрическим орнаментом, нанесенным темнокоричневой и темнокрасной красками.

После обследования в трех местах проведены раскопочные работы. Первый и второй участки были заложены у подножья холма с южной и

¹ С давних времен население окрестных сел вывозило отсюда золу для удобрения полей. Из-за того, что на южной части холма находился «пир», эти места считались священными и золу разрешалось брать только с северной стороны и в небольшом количестве, так как зола из священного места, даже в незначительной дозе, будто бы способствовала повышению урожайности полей. Население верило не столько в действие золы как средства удобрения, сколько в ее священное действие. В настоящее время зола используется для удобрения хлопковых полей колхозов. Особенно много золы было вывезено, начиная с 1946 г. Вследствие этого холм, с каждым годом постепенно уменьшаясь, совершенно потерял начальную форму.

северной сторон; верхние слои здесь были сняты до уровня окружающей холм местности и вывезены на поля.

На этих участках в основном собраны фрагменты грубо вылепленных толстостенных сосудов неравномерного обжига, черного и серого цветов с буро-красным оттенком, часть слабо лощеных. Попадались кости мелкого и крупного рогатого скота, обсидиановые пластинки, каменные зернотерки ладьевидной формы. Ниже приводим описание наиболее характерных находок из раскопок на этих участках.

1. Фрагмент верхней части стенки лощеного черноглиняного широкогорлого кувшина с ручкой овальной в сечении, начинающейся непосредственно от венчика сосуда. Венчик чуть отогнут назад. Поверхность фрагмента лощеная. Глина с незначительной примесью песка¹ (рис. 16—1).

2. Кусок дымчатого с черными прожилками обсидиана в виде прямоугольной четырехгранной пластинки, с обоюдоострыми краями, длиной 6 см. Вероятно, служил ножом² (рис. 17—1).

3. Маленькая фигурка быка, вылепленная из черной глины с примесью песка. Морда животного, суживаясь, заостряется к концу, детали не отмечены, оба рога сломаны. Ноги короткие и почти соединены между собой. Задняя часть плоская, без хвоста; на шее сквозное отверстие. Длина фигурки 6,7 см, высота 2,8 см³ (рис. 18—1).

4. Часть глиняного, полукруглого переносного очага или, вернее, очажной подставки плохого красноватого обжига, тесто с примесью крупного песка. Нижняя часть очага плоская. В каждом конце имеется по выступу. Под одним из них находится ручка кольцевидной формы для переноски и подвешивания очага. На поверхности сохранились следы копоги. Длина предмета 22 см, ширина плоской стороны 6,5 см, общая высота 13,5 см, высота выступов 5,2 см, их ширина 6 см⁴ (рис. 16—9).

По утверждению местных жителей-стариков, подобные подставки для удобства переноса с одного места на другое делались из трех одинаковых частей; плоской стороной их кладут на пол, соединяют и на выступы ставят посуду. По собранным этнографическим данным выяснилось, что и в настоящее время подобные очаги в редких случаях встречаются у жителей горных районов. По словам работавшего на раскопках колхозника-талыша, такими очагами в Талыше пользуются и теперь. Талышские очаги без ручек состоят из одного целого круга и имеют три выступа. По-талышски их называют «кие». Подобные же глиняные очажные подставки обнаружены в ряде мест Южного Кавказа (в Кармир-блуре, Игдыре, Шенгавите и Карской области). Эти подставки подковообразной формы и состоят из одного целого куска. По предположению Б. А. Куфтина, ими пользовались попарно, так что две глиняные дуги помещались с двух сторон очага, образуя поднятыми концами четыре выступа, на которые над углями ставился глиняный котел или клалась каменная плита⁵.

5. Часть зернотерки из красного туфа, ладьевидной формы со следами работы на поверхности. Длина оставшейся части 20 см, ширина 12,7 см, толщина 5,2 см⁶ (рис. 17—3).

Подобные зернотерки из красного туфа и из других твердых пород попадались на разных глубинах, начиная с самого нижнего слоя и кончая

¹ Участок I; глубина 50 см; полевая опись № 11.

² Участок II; глубина 60 см; полевая опись № 13.

³ Участок II; глубина около 30—35 см; полевая опись № 14.

⁴ Участок II; глубина 50 см; полевая опись № 15.

⁵ Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-араксский неолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII-V Тбилиси, 1944, стр. 80—81 и след.; там же имеются рисунки (табл. XVII).

⁶ Участок II; глубина 50 см; полевая опись № 16.

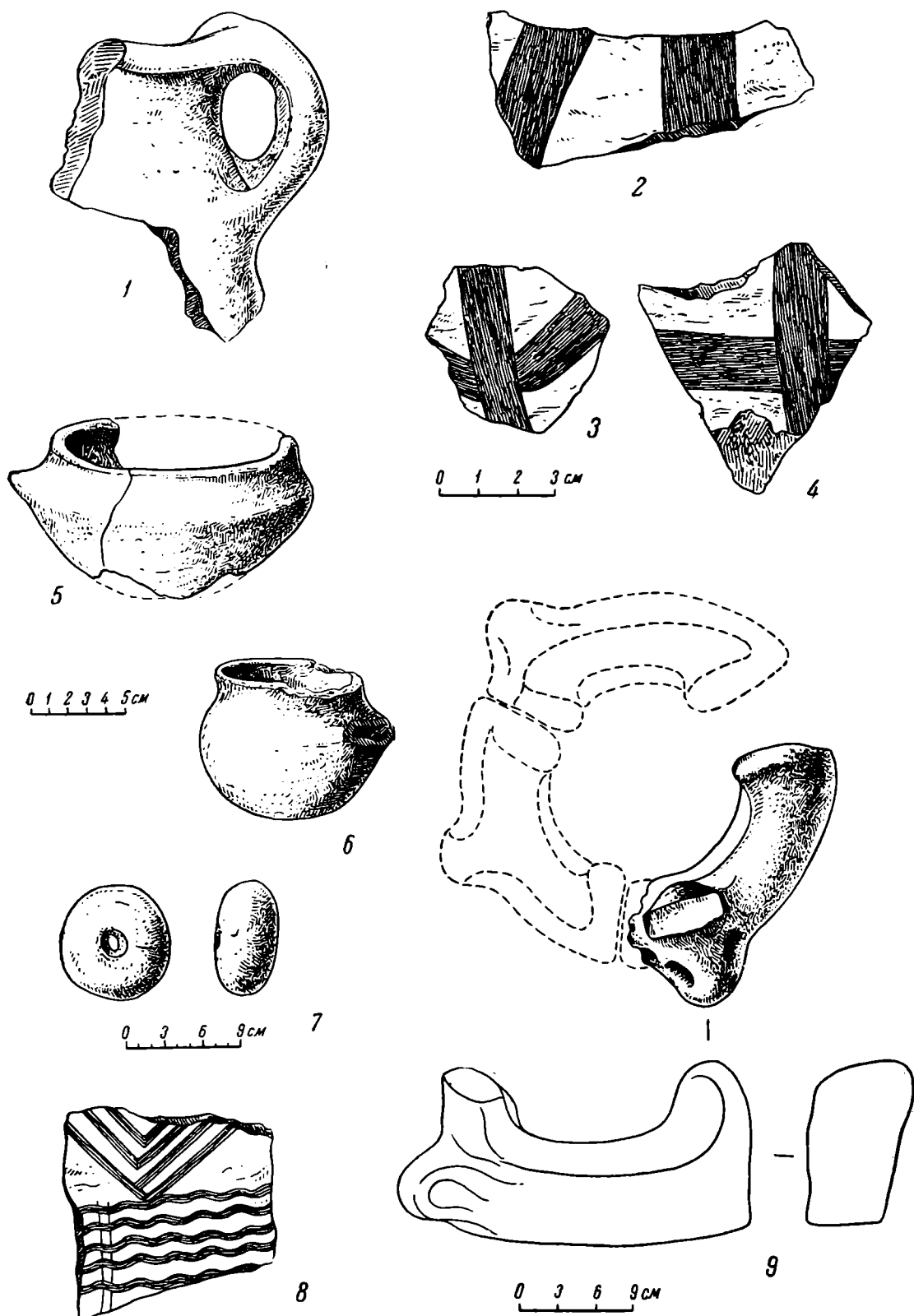

Рис. 16. Глиняные изделия с холма Кюль-Тапа.

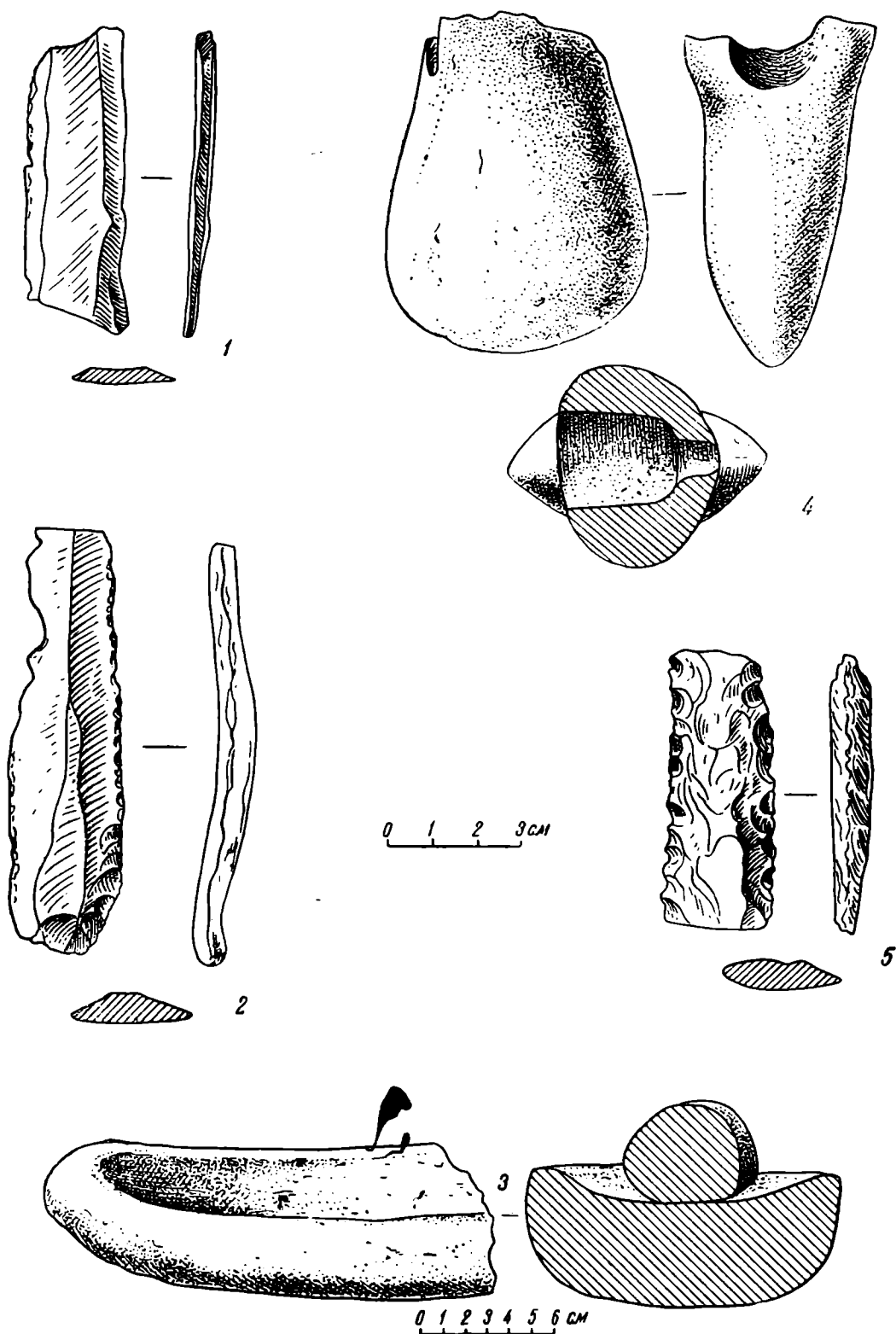

Рис. 17. Поделки из камня с холма Кюль-Тапа.

верхними. По форме все они одинаковы. Часто встречались небольшие овальной формы камни с односторонними маленькими углублениями. Эти камни устанавливались под дверями и служили подпорками дверных осей, заменяя современные петли.

6. Продолговатая трехгранная обсидиановая пластинка, чуть выгнута, длиной 9,4 см¹ (рис. 17—2).

7. Маленькая фигурка быка, вылепленная из черной глины; обжиг хороший². Ноги быка короткие, на концах плоские, морда острая, вместо ноздрей — сквозная дырочка, другие детали на морде не отмечены; рога широ-

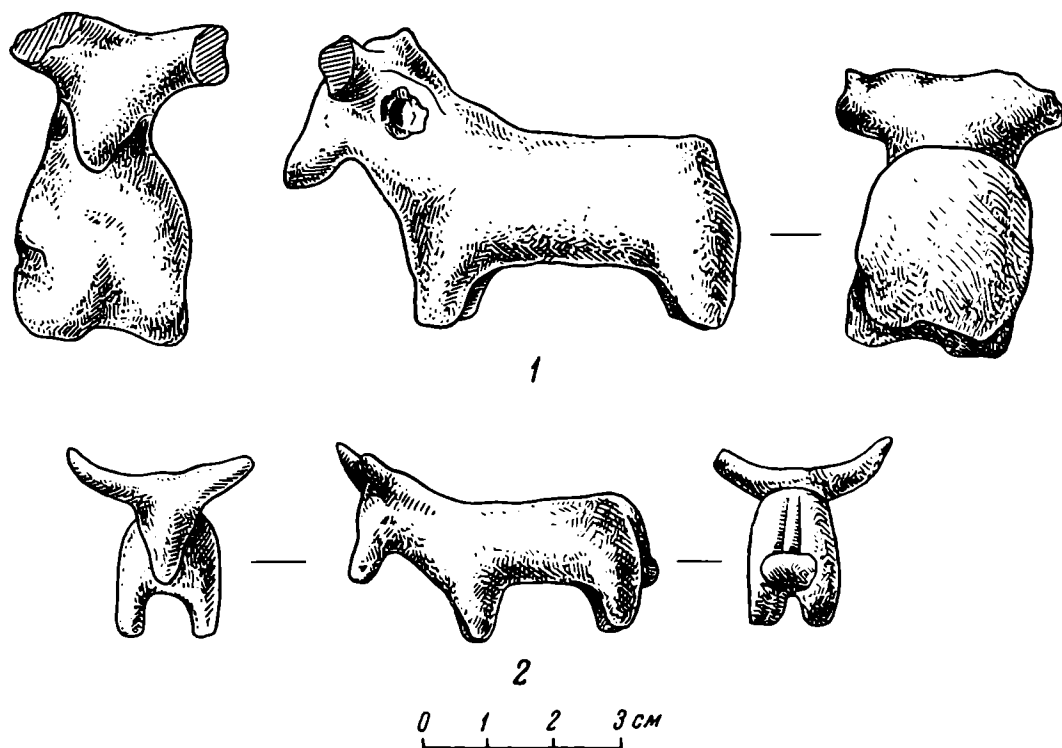

Рис. 18. Фигурки быков. Кюль-Тапа.

кие, на шее имеется сквозное отверстие для привешивания. Хвост только намечен; ниже его сделан выступ, обозначающий пол животного. Длина фигурки 4,3 см, высота 2,2 см, длина рогов 2,3 см (рис. 18—2).

Подобные глиняные фигурки животных впервые обнаружены в пределах Азербайджанской ССР. Вероятно, они имели культовое значение. Аналогичные первой фигурке статуэтки быков найдены на холме Кюль-Тапа в Армении. На одной из них выявлены глаз и вертикальные полосы на передних ногах, нанесенные красной краской³. На встреченных нами фигурках следов краски не было.

Третий раскоп был заложен на вершине холма на участке с ненарушенной поверхностью. В юго-западной стороне участка был замечен остаток части фундамента описанного выше «пира». Длина его южной стороны была 3,80 м, восточной стороны 2,60 м. Под фундаментом, сложенным из речного булыжника, на глубине одного метра обнаружены два мусульманских погребения с хорошо сохранившимися костяками.

¹ Участок II; глубина 50 см, полевая опись № 17.

² Участок II; глубина 60 см, полевая опись № 19.

³ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 176.

Верхняя часть культурного слоя до глубины около 0,6—0,7 м состояла из земли, в которой встречались отдельные кучи золы, вероятно очажные места. Затем шел слой чистой золы, чередовавшейся в дальнейшем с прослойками земли. На глубине 1,5 м вскрыты два слоя крупного булыжника, среди которого были чуть обтесанные большие куски красного туфа четырехугольной формы. Между слоями камней был пласт земли толщиной 5—10 см. Непосредственно под булыжником залегал слой травя. В этих пластах ничего не было обнаружено.

В верхних слоях раскопа встречены фрагменты глиняных сосудов без орнамента, красного и серого обжига, незначительное количество крашеной керамики, а также кости мелкого и крупного рогатого скота и свиньи. Ниже появились фрагменты черноглиняных, до блеска лощеных сосудов; еще ниже — черепки черноглиняных и сероглиняных толстостенных сосудов с бурокрасным оттенком, грубой ручной лепки. Между слоями золы и земли встречались булыжник, древесный уголь и обсидиан.

Основания холма в 1951 г. достигнуть не удалось.

Из обнаруженных на этом участке материалов приводим наиболее характерные.

1. Три фрагмента стенки крашеного сосуда красного обжига; глина с примесью песка; внешняя поверхность каждого черепка окрашена в светлокрасный цвет, по которому темнокрасной краской нанесены две широкие полосы¹ (рис. 16—2, 3, 4).

2. Два предмета неопределенного назначения из необожженной глины, напоминающие по форме сплюснутые шарики с небольшими отверстиями в середине; очень грубой работы². Вокруг отверстий заметны следы шнура, вероятно, образовавшиеся вследствие подвешивания. Диаметр предметов 7,8 и 8,2 см, толщина в средней части 4,6 и 4 см, диаметр отверстий 1,6 и 1,8 см (рис. 16—7).

3. Часть черноглиняного сосуда в двух обломках³. Сосуд широкогорлый, с чуть отогнутым во внутрь венчиком. В верхней части корпуса имеется маленькое ушко. Внешняя поверхность лощеная до блеска. В изломе черепка отчетливо видны два слоя: черный — наружный и красновато-серый — внутренний. Глина хорошо промешана с незначительной примесью песка; обжиг хороший, сосуд сделан от руки. Стенки толщиной 5—7 мм. Наибольший диаметр корпуса 13,7 см, диаметр отверстия 12,6 см, высота горла 2,4 см (рис. 16—5).

4. Часть хорошо обработанного и отшлифованного топорика из крепкого темносерого камня (возможно кварцита). Лезвие топорика закруглено и имеет следы работы. От обуха сохранился лишь низ с частью отверстия для ручки, высверленного с двух сторон. Длина обломка предмета 7,6 см, ширина лезвия 5,6 см, ширина около обуха 4,6 см, диаметр отверстия с нижней стороны 1,8 см, в верхней 0,8 см⁴ (рис. 17—4).

Подобной формы топорик из крепкого черного камня случайно найден в 1929 г. в г. Ленкоране (Азербайджанская ССР) и хранится в Музее истории Азербайджана (инв. № 1514). Топорик длиной около 10 см, очень хорошо отшлифован и имеет отверстие для ручки, высверленное с верхней стороны и подправленное с нижней. Лезвие закруглено и уже, чем у обнаруженного нами топорика.

5. Кремневый вкладыш серпа⁵. Одна сторона зубчатая со следами поли-

¹ Участок III; глубина 1—1,5 м; полевая опись № 26—28.

² Участок III; глубина 4 м; полевая опись № 21.

³ Участок III; глубина 4 м; полевая опись № 24.

⁴ Участок III; глубина 4,2 м; полевая опись № 22.

⁵ Участок III; глубина 5 м; полевая опись № 23.

ровки от работы; другая сторона острая и без полировки, так как она была вложена в деревянную часть серпа. Длина кремня 6,3 см (рис. 17—5).

6. Глиняный ручной лепки горшочек с отбитой ручкой, с широким горлом асимметричной формы¹. Венчик горла невысокий, слегка отогнут наружу, донышко закругленное. Глина с примесью песка, обжиг неровный, серовато-красного цвета. Высота сосуда 7,6 см, наибольший диаметр корпуса 8,7 см, горла — 7,3 см, отверстия — 8 см, дна — 4,5 см (рис. 16—6).

Как указывалось выше, еще в 1904 г. Е. А. Лалаян, производивший раскопки на холме, открыл семь рядов могил, расположенных террасообразно и отделенных одна от другой слоями земли, смешанной с золой и древесным углем. Могилы четырехугольные, стенки их, высотой около 0,7 м (без каменных плит), сложены из мелкого булыжника; ориентированы могилы на юг. В каждой находилось одно захоронение. Сопровождающий инвентарь — кувшины (многие разбиты) и кости животных. В нижних могилах оказалась простая, лощеная черноглиняная посуда без орнамента, а в верхних — крашенная керамика красного обжига с орнаментом. В некоторых могилах были обнаружены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя. В одной из могил найдена каменная фигурка оседланного коня².

Во время раскопок Е. А. Лалаяна холм был гораздо больше. Древний могильник, вероятно, находился в разрушенной теперь части холма, и при работах, проведенных нами, подобные могилы не обнаружены.

Среди случайных находок с холма Кюль-Тапа необходимо отметить оригинальный сосуд, хранящийся в Нахичеванском краеведческом музее (инв. № 123). Он обнаружен во время выборки золы населением в 1949 г. Сосуд этот длиннгорлый и узкий, в форме графина; хорошего красного обжига. Венчик расширенный, сверху герметически закрытый и чуть углубленный. Нижняя часть горла гофрированная, а в верхней сделан опоясывающий горло выступ, от которого начинается ручка дугообразной формы, овальная в сечении. Ниже выступа вырезаны две волнообразные горизонтальные линии. Подобные же линии видны и на корпусе. Корпус полый и имеет три прямоугольных разной величины отверстия, расположенных на разной высоте. На сосуде заметны следы копоти. Высота сосуда 39,5 см, наибольший диаметр корпуса 15,5 см; диаметр горла внизу 7,1 см, наверху 4,8 см; диаметр венчика 8,2 см, длина 12,8 см; длина отверстий корпуса 5,5 и 5,2 см, ширина 4,5 и 2,2 см (рис. 19). Устройство сосуда заставляет предположить, что он имел культовое значение и использовался как курильница.

Раскопки показали, что холм Кюль-Тапа состоит не только из одной золы, как предполагали раньше, но и из других напластований. На вершине лежит слой земли толщиной около 0,6—0,7 м; часть земли является наносной, так как в ней ничего не было обнаружено. Ниже, чередуясь, идут прослойки золы и земли, причем в последних также встречаются отдельные зольные линзы, возможно, очажные места. Между пластами земли и золы попадают слои речного булыжника и древесного угля. Напластования не одинаковой мощности: от 25—30 см до 70—80 см. В глубине напластования золы мощнее верхних и достигают толщины более одного метра. Находки в основном встречаются в зольных слоях, редко — в земляных.

Уже при осмотре холма и его обрывов стало ясным наличие нескольких культурных слоев. Действительно, при раскопках были установлены по крайней мере три культурных слоя. На основании стратиграфических

¹ Участок III; глубина 5,8 см; полевая опись № 25.

² Е. А. Лалаян. Нахичеванский район, Этнографическое обозрение (на армянском языке), т. III, вып. 1. Тифлис, 1906, стр. 107—108. Пользуюсь переводом учителя школы № 14 Октябрьского района г. Баку П. М. Мусаэяна, которому приношу свою благодарность за оказанную мне любезность.

данных материалы этих слоев можно расположить в следующей последовательности:

1) для первого верхнего слоя характерны фрагменты красноглиняных и сероглиняных неорнаментированных сосудов из хорошо промешанной глины с незначительной примесью мелкого песка (обжиг равномерный) и небольшое количество крашеной керамики с простым орнаментом из широких полос;

2) во втором, среднем, слое обнаружены фрагменты черноглиняных лощеных до блеска и в незначительном количестве сероглиняных сосудов без орнамента, хорошего обжига; глина с примесью мелкого песка;

3) в третьем, нижнем, слое — фрагменты толстостенных, грубой ручной лепки сосудов, неравномерно обожженных черноглиняных, иногда чуть лощеных с буро-красным оттенком; глина с примесью песка.

Следует отметить, что изменяется состав материала постепенно и керамика одного слоя в небольшом количестве встречается в последующем.

Во всех трех слоях обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи.

Булыжник, обсидиан и в большом количестве древесный уголь встречаются почти во всех слоях. Металлические предметы ни в одном из слоев не обнаружены.

Окончательно установить датировку культурных слоев на основании проведенных разведочных раскопок еще трудно, но все же можно высказать предварительное мнение.

Первый — верхний — слой можно отнести к началу эпохи железа и ко второй половине бронзовой эпохи. Датировку эту подтверждает крашенная керамика, тип которой очень сходен с типом керамики, обнаруженной раскопками

И. И. Мещанинова¹ и А. А. Миллера² в Кызыл-Ванке. Керамика первой группы окрашена в красный цвет, по которому темнокоричневой краской нанесен геометрический орнамент в виде треугольников. Подобная керамика из Кызыл-Ванка сопровождалась бронзовым инвентарем. В росписи сосудов второй группы орнамент более упрощенный и состоит из широких прямых параллельных или скрещенных линий, нанесенных небрежно и слегка заглаженных поверх росписи. Керамику эту сопровождал бронзовый и железный инвентарь.

Второй — средний — слой, где была обнаружена черноглиняная и сероглиняная лощеная керамика, мы предполагаем датировать энеолитом и началом бронзовой эпохи. Этот тип керамики в Закавказье обнаружен в очень многих пунктах. Хотя на территории Азербайджана до сих пор мало исследованы поселения энеолитического периода, однако известны могильные памятники, которые дают аналогичные материалы. Таковыми являются некоторые курганы в Нагорном Карабахе, раскопанные Э. В. Ресле-

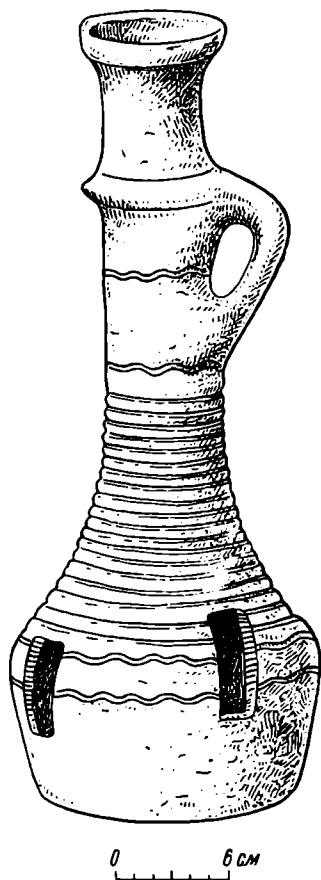

Рис. 19. Сосуд из Нахичеванского музея.

¹ И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работе археологической экспедиции. Сообщения ГАИМК, I, Л., 1926, стр. 217—240.

² А. А. Миллер. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. Сообщения ГАИМК, I, Л., 1926, стр. 326.

ром в 1897 г.¹, степанакертские курганы с массовыми погребениями, могильники около Ханлара, второй слой больших родовых домов в поселении № 1, в долине Ганджа-Чая, раскопанных Я. И. Гуммелем в 1939 г.²

В соседней с Нахичеванским краем Армянской ССР подобная керамика обнаружена во многих местах. Таковые имеются в Шенгавите, в Шреш-Блуре, на холме Кюль-Тапа, в Эларе, обнаруженные раскопками Е. Лалаяна и Е. Байбуртяна, в Малакю — раскопками Б. Ф. Петрова и др.³

Наличие на холме Кюль-Тапа керамики энеолитического типа подтверждает и Б. Б. Пиотровский⁴. Все это дает возможность отнести второй слой холма Кюль-Тапа к энеолиту и началу эпохи бронзы.

Третий — нижний — слой с совершенно отличающейся керамикой, лежащей под слоем с черной лощеной, датируется нами примерно концом неолита и началом энеолита.

В Азербайджане количество памятников, относящихся к этому периоду, незначительно. Я. И. Гуммель датирует неолитом находки, обнаруженные в нижних слоях поселения № 1 в долине Ганджа-Чая — шлифованный молоток с отверстием, кремневые ножи, скребки, нуклеусы. Керамика из этого слоя — круглодонная, желто-красного обжига⁵.

В Армении к этому периоду можно отнести материалы из нижних слоев холма Шамирамальти⁶, где найдены диоритовый шлифованный топорик и большое число обсидиановых орудий при незначительном числе кремневых. На холме Кюль-Тапа (Нахичеванский) также преобладают ножевидные обсидиановые пластинки. Керамика, собранная в обоих пунктах, имеет близкое сходство. В нижних слоях Шамирамальти встречена посуда ручной лепки, черная, реже красная с полированной поверхностью, а на Кюль-Тапа — черная и серая с буро-красным оттенком ручной лепки, частью слегка лощеная.

Сравнение керамики нижнего слоя Кюль-Тапы с известными нам материалами Закавказья позволяет предполагать, что этот слой датируется приблизительно концом неолита и началом энеолита. Если это мнение подтвердится дальнейшими работами на холме Кюль-Тапа, то обнаруженные в слое каменные орудия (часть топора и кремневый вкладыш серпа), фигурки животных, зернотерки, обсидиановые орудия и часть переносного очага бесспорно должны быть отнесены к этому периоду.

Исследования, проведенные на холме Кюль-Тапа, показали, что он образовался в течение очень длительного времени. Наличие некоторых остатков строительного материала, находок культовых предметов (фигурки животных, глиняный сосуд), а также почитание этой местности с древних времен дают некоторое основание предполагать, что холм Кюль-Тапа был местом небольшого поселения с постройками культового характера.

Обилие костей мелкого и крупного рогатого скота и находки почти во всех слоях каменных зернотерок, вкладыша для серпа, обуглившихся зерен пшеницы и ячменя указывают на то, что древние обитатели поселения занимались скотоводством и земледелием.

Холм Кюль-Тапа представляет большой интерес не только для изучения нахичеванской культуры крашеной керамики, но и для изучения неолитического и энеолитического периодов в Закавказье.

¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 39.

² Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, стр. 15—28.

³ Е. А. Байбуртян. По поводу древней керамики из Шреш-Блур. СА, III, М.—Л., 1937, стр. 209 и сл. Его же. Культовый очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг., ВДИ, № 4, М., 1938, стр. 255.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 37.

⁵ Я. И. Гуммель. Указ. соч., стр. 27—28.

⁶ Б. Б. Пиотровский. Указ. соч., стр. 30—31.

Т. С. ПАССЕК

РАСКОПКИ ТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

1951 год явился пятым сезоном работ Трипольской экспедиции на Правобережье Днестра, в Черновицкой области Украины и в Молдавии¹.

Основной задачей экспедиции были раскопки поселений энеолитических племен трипольской культуры. Наиболее ранним из обнаруженных в процессе разведок в 1950 г. явилось поселение у с. Берново, ниже Хотина на Днестре, в урочище Лука.

В отличие от обычного характерного для этой эпохи расположения поселений на плато вдоль высоких берегов Днестра или его притоков, поселение у с. Берново-Лука находится на самом берегу Днестра, на высоте 5 м над уровнем реки. При осмотре обрывов берега на протяжении более чем 200 м на глубине 0,7—1 м, в желтовато-коричневом суглинке ниже чернозема, повсюду можно было наблюдать залегание культурного слоя с остатками раковин *Uplio*, костями животных, фрагментами керамики, значительными скоплениями угля.

Небольшие раскопки решено было провести в трех местах, зачистив обрыв берега.

После первоначальной зачистки берега в разрезе было замечено значительное опускание культурного слоя и очертания нескольких землянок, хорошо вырисовывающихся на фоне желтовато-коричневого суглинка. Выяснилось, что землянки были частично разрушены при размыве берега, однако все же многие из них сохранились. Дальнейшая расчистка в пределах темных пятен позволила установить форму жилищ.

Раскоп I (80 м²). Вскрытые в раскопе землянки первая и вторая были округлых очертаний; выкопаны в коричневатом суглинке; юго-западные части их разрушены Днестром.

Землянка № 1. Глубина землянки № 1, считая от древнего горизонта, 2—2,2 м; ширина округлой, с небольшой перемычкой части 2,2—3 м × 3,5 м. Культурный слой оказался исключительно насыщенным, в нем обнаружены фрагменты сосудов, статуэтки, кости животных, отщепы,

¹ Экспедиция в 1951 г. была организована ИИМК АН СССР при участии Института общественных наук Львовского филиала АН СССР. В составе экспедиции работали Т. С. Пассек (начальник), руководители отрядов А. И. Мелюкова (ИИМК), А. П. Черныш (Львов), научные сотрудники Е. К. Черныш (Львов), Т. Г. Мовша (КГУ) и научно-технические сотрудники.

нуклеусы, отбойники, осколки кремня, кремневые скребки, камни зернотерок, костяные шилья, сланцевые долота, раковины *Unio*. Скопления угля чередовались с тонкими прослойками речного белого песка — следы паводков на Днестре, когда расположенные на берегу землянки покидались населением, а затем вновь заселялись. Четыре песчаные прослойки указывают на неоднократность этого явления. Особенно интенсивное скопление угля было на дне землянки, в углублении на месте очага, где встречено большое число очажных камней и отдельные фрагменты плитчатой, слабо обожженной обмазки, которой было вымощено неровное дно землянки.

Среди фрагментов керамики можно выделить следующие группы.

1. Грубая кухонная керамика со следами сглаживания пальцами и шероховатой наружной поверхностью. Из форм наиболее типичен высокий горшок для варки пищи.

2. Серая и черная керамика, прекрасно лощеная, с углубленным спиральным орнаментом. Ленты спиралей узкие, состоят из двух полос, пересеченных поперек короткими полосками. Большинство сосудов этой группы грушевидных форм с конической нижней частью. Часто встречаются сосуды на высоких конических подставках, со сквозными овальными отверстиями. Обычно у таких грушевидных сосудов небольшие крышки с сильно выступающей округлой ручкой.

3. Третья группа — это сосуды с углубленным орнаментом, заполненным белой массой. Поверхности серые и черные, хорошо заполированные.

4. Керамика четвертой группы черная или серая, хорошо заполированная, с каннелированной поверхностью. Наиболее типичны горшки средних размеров (рис. 20—1). Часто, кроме каннелюр, поверхность сосуда украшена углубленным орнаментом, заполненным белой массой. Имеются тонкостенные сосуды — серые и черные с каннелюрами и мелким штамповым орнаментом.

Расписная керамика отсутствует, однако встречено небольшое число сосудов с углубленным орнаментом и красной краской, покрывающей промежутки между лентами орнамента. Среди типичных форм — небольшие ковшики и округлые сосудики.

В культурном слое землянки обнаружены также фрагменты глиняных антропоморфных статуэток и одна целая фигурка. Последняя — сильно схематизированная сидячая статуэтка (без обозначения пола), голова ее на длинной шее непосредственно переходит в туловище; плечевые выступы отсутствуют (рис. 21—1). Статуэтка украшена углубленным геометрическим орнаментом.

Кроме статуэток, найден миниатюрный глиняный сосудик из розовой массы.

Среди большого количества кремневых отщепов, осколков, нуклеусов, отбойников обнаружены кремневые орудия — скребки на отщепах и концевые скребки на пластинках, скребок со скошенным концом; кремневые режущие орудия и вкладыши для серпа.

Землянка № 2, размером 6 м × 3,8 м, находилась в 3 м на юго-восток от первой. После снятия чернозема на глубине 0,9—1,1 м в коричневатом суглинке прослежено большое, состоящее из двух овальных частей, пятно землянки, причем у обеих частей юго-западный край разрушен обрезом берега. Культурный слой землянки в границах пятна был исключительно насыщен, серовато-черный по окраске, с четырьмя слоями угля, чередующимися с прослойками белого речного песка, так же как и в землянке № 1.

Дно заметно неровное в каждой части. В целом жилище как бы состояло из двух слитых глубоких ям (2,8 м от древнего горизонта).

В квадратах 9 и 10 на глубине 2,1—2,2 м обнаружена глинобитная, толщиной до 0,1 м, вымостка, площадью $0,7 \times 0,9$ м, хорошо заровненная, представлявшая, видимо, место около очага — лежанку.

На дне в обоих углублениях находились остатки глинобитной обмазки, сравнительно слабо обожженной, и сплошной слой до 5 см угля, золы, раковины *Unio* попеременно с очажными камнями, камнями зернотерок, костями

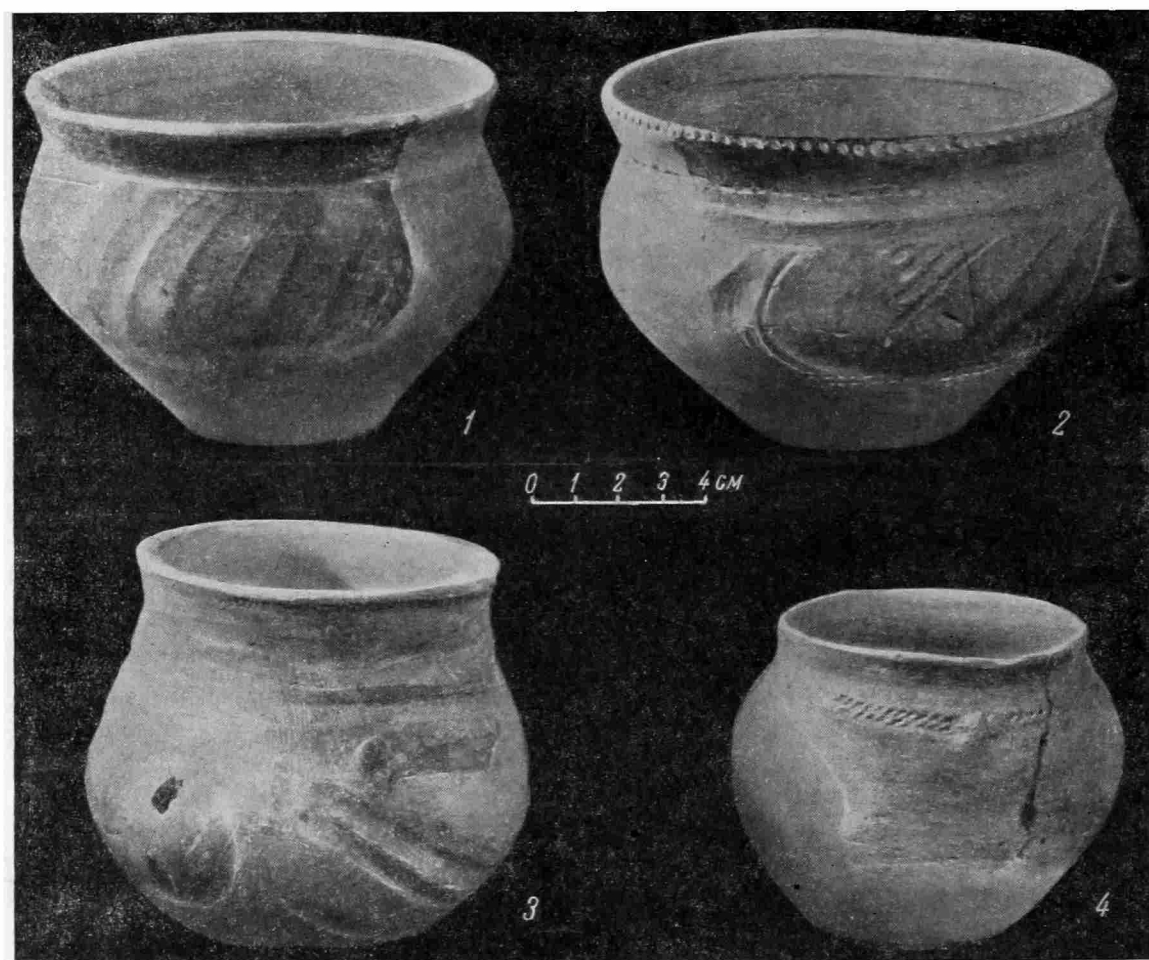

Рис. 20. Сосуды с трипольских поселений:

1 — с орнаментом каннелюрами (Берново-Лука, раскоп I, землянка № 1); 2 — с углубленным и каннелюрным орнаментом (Берново-Лука, раскоп II, землянка № 2); 3 — с орнаментом каннелюрами (Поливанов яр, раскоп V, горизонт III); 4 — с веревочным орнаментом (Волчинец, урочище Клин).

животных. В квадратах 8—10 отмечалось особенно большое скопление костей, позвонков и чешуи рыб, рога оленя.

Керамический комплекс аналогичен комплексу из землянки № 1 и включает все выделенные четыре группы сосудов.

Из керамических изделий интересны фрагменты антропоморфных сосудов — нижние части ног, на которых располагалось тулово сосуда. Аналогичные антропоморфные сосуды известны из Луки Врублевещкой, а также из Винчи и ряда дунайских поселений энеолитического периода.

Кроме богатого керамического комплекса, обнаружено 26 статуэток, изображающих женщину в сидячей позе с откинутым назад торсом и конически суживающимися, вытянутыми вперед ногами. Сильно схематизированная голова на длинной шее, вместо рук — плечевые выступы. Большинство статуэток украшено углубленным спиральным и геометрическим орна-

ментом, покрывающим часто сплошь всю фигуру. На некоторых орнамент лишь в виде ожерелья или в виде треугольника ниже живота. Одна из статуэток целая, сильно схематизированная, сидячая, с откинутым назад торсом. Пояс обозначен углубленной полоской; внизу живота треугольник, внутри которого косой крест.

Одна из статуэток вылеплена с поднятыми к лицу руками (рис. 21—2). Поднятые руки являются одним из характерных жестов для женских изображений, находимых в памятниках Дунайского бассейна, Восточного Средиземноморья.

В землянке № 2 обнаружены также различные орудия из кремня, сланца и песчаника, каменные зернотерки, отщепы кремня, нуклеусы, отбойники и пр. Встречено большое количество (23 шт.) костяных шильев длиной от 6 до 18 см, на некоторых из них имеются зарубки для закрепления сухожилий (рис. 22—1).

Любопытны две костяные лопаточки, прекрасно залощенные: одна с заостренным концом и другая, плоская лопаточка, видимо, инструменты для нанесения углубленного орнамента на сосудах.

Среди костей животных найдены три крупные фаланги благородного оленя, в которых искусственно пробиты отверстия. Назначение костей не совсем ясно. Возможно, что это предметы для каких-то игр; подобные фаланги найдены были и в Луке Врублевской и на других раннетрипольских поселениях.

Рис. 21. Фрагменты глиняных статуэток из поселения Берново-Лука:

1, 2 — раскоп I, землянка № 1; 3, 4 — раскоп II, землянка № 2 (3 — вид спереди; 4 — сбоку).

На дне землянки, среди значительного скопления раковин *Unio*, имеются створки с одним округлым сквозным отверстием, искусственно сделанным, видимо, для продевания и нанизывания створок раковин в виде украшений в ожерелье.

Уникальной находкой в землянке № 2 является обнаруженный на ее дне (на глубине 2,4 м), среди скопления створок раковин *Unio*, рыбьих

костей, позвонков и чешуи рыб — медный рыболовный крючок (целый), довольно крупного размера (4 см). Он прямоугольный в сечении и изготовлен, как показал анализ, из самородной меди путем холоднойковки (рис. 22—2).

Подобные крючки из меди известны из раскопок Тейча «Холма жрецов» около Ариушта в Венгрии, из ранних слоев Гумельницы в Румынии.

Обломки рыболовных медных крючков в последние годы обнаружены в материалах Луки Врублевцевкой. Размеры и форма рыболовного крючка из Берново-Лука указывают на то, что им могли ловить большую рыбу. По определению В. Д. Лебедева, производившего анализ костей, позвонков и чешуи рыб из землянки № 2, меньшая часть этих костей и позвонки принадлежали сому, который обычен и теперь в бассейне Черного моря. Сом из раскопок в Берново-Лука 1,6—1,8 м длины, а средний размер современного сома из дельты Волги равен всего лишь 0,6 м.

Как установлено анализом, часть костей принадлежит вырезубу. Он водится в Черном и Азовском морях, поднимаясь из устьев рек довольно высоко вверх: по Днестру до верхнего течения,

по Бугу до порогов, а также известен на Днестре. В настоящее время отмечается сокращение ареала распространения и численности этой породы.

Длина вырезуба из Берново-Лука без хвостового плавника равняется 0,5—0,7 м. Длина современного вырезуба с хвостовым плавником равна 0,66 м, вес около 6 кг.

Рис. 22. Берново-Лука:

1 — костяные шилья; 2 — медный и 3 — костяной рыболовные крючки (1, 2 — раскоп I, землянка № 2; 3 — раскоп III).

Таким образом, средняя длина вырезуба из Берново-Лука оказалась больше современной средней длины этой рыбы.

Можно отметить, что основу рыболовного хозяйства у ранних трипольцев в Берново-Лука составлял лов крупного ходового вырезуба при помощи различного рода ловушек, но не исключено, что его добывали острогами, гарпунами и стрелами. Сом, судя по количеству остатков, играл меньшую роль. Для ловли его, вероятно, и служил медный, довольно крупный крючок, обнаруженный в раскопках землянки № 2.

В раскопе II (40 м²) при зачистке берега обнаружены контуры также двух землянок № 1 и 2, ясно обрисовавшиеся после снятия сероватого чернозема, на глубине 1 м, на фоне светлокоричневого суглинка.

Землянка № 1 имела неправильные овальные очертания. Наибольшая длина ее с севера на юг 2,85 м; западная часть, обращенная к Днестру, оказалась разрушенной. При расчистке культурного слоя, заполнявшего землянку, обнаружены зола, уголь, кремь, кости животных, раковины *Unio*, большое количество фрагментов керамики, обломки глиняной обмазки, каменные зернотерки и т. п. На глубине 1,75—1,90 м замечено более мощное скопление золы, причем этот золистый слой чередовался с прослойками речного светложелтого песка, содержавшего большое количество створок раковин *Unio*, обломки глиняной обмазки. На глубине 1,9—2 м золистый слой с углем, скопление раковин занимали почти всю площадь землянки, дно которой определилось на глубине 2—2,15 м, причем оно оказалось неровным, выкопанным в подстилающем светложелтом коричневатом суглинке. На дне уголь, зола, обломки глиняной обмазки, створки раковин *Unio*.

В северо-западной части землянки наблюдался небольшой подбой и дно находилось на глубине 2,35 м. Здесь вскрыто пять крупных камней; видимо, это очажные камни. С юго-восточной стороны, при выемке и зачистке культурного слоя, обнаружены два уступа-ступеньки, вероятно, вход в землянку.

Керамический комплекс находок тот же, что и в землянках раскопа I. Он состоит из: 1) грубой кухонной посуды; 2) сосудов серых или черных, с углубленным орнаментом, причем многие сосуды на высоких полых подставках со сквозными овальными отверстиями; 3) сосуды с каннелированной поверхностью и углубленным орнаментом (рис. 20—2), черные лощеные с каннелированным и углубленным орнаментом, а также покраской красной краской между каннелюрами.

Следует упомянуть о четырех костяных шильях, одно из которых имеет две зарубки для привязывания; найдена большая кость крупного быка, причем на ней хорошо видны три грани, как бы сточенные от постоянной работы. Видимо, эта кость могла служить точилом для отточки каких-либо костяных или сланцевых изделий — шильев, долот, тесел. Среди находок фрагменты глиняных статуэток, сланцевые тесла, кремневые скребки, нуклеусы, отбойники, кремневые скребки на пластинах, вкладыши серпов и 29 створок раковин *Unio* с округлыми отверстиями; створки служили подвесками ожерелья. В землянках раскопа I также были найдены подобные украшения.

Землянка № 2 обнаружена в 40 см от предыдущей, на глубине 1—1,1 м. Пятно землянки стало заметным на фоне коричневых суглинков, после снятия сероватого чернозема. Культурный слой ее был исключительно богат. Начиная с глубины 1,2—1,5 м, наблюдались скопления угля, золы, которые чередуются с речным белым песком (четыре прослойки). Весь культурный слой серовато-черного цвета до глубины 2—2,10 м насыщен фрагментами керамики, осколками кремня, костями животных, изделиями из кости и рога, орудиями из кремня (скребки, вкладыши серпов), створками раковин *Unio*;

отдельные экземпляры из них со сквозными отверстиями употреблялись как подвески ожерелья.

Найдена подвеска из клыка животного (по определению В. И. Цалкина — собаки) с обточенными гранями и со сверлиной для подвешивания. Среди изделий из кости — шилья из метоподий оленя, имеются целые экземпляры (18 см длины). Редкой находкой является костяная, прекрасно отполированная лопаточка, служившая, вероятно, для нанесения на сосудах углубленного орнамента. Комплекс керамических находок аналогичен керамике из других землянок. Выделяются сосуды черные, лощеные с каннелюрами и красной подкраской между ними. Отмечены сосуды на полых конических подставках с овальными отверстиями в стенках, небольшие ковшики, крышки и т. п. Встречены статуэтки женские, сидячие, сильно схематизированные со спиральным и геометрическим орнаментом, покрывающим всю фигуру (рис. 21—3, 4), и др. Имеются небольшие статуэтки сидячие, у которых довольно толстая шея непосредственно переходит в туловище, плечи не моделированы. На глубине 1,2 м найдена медная буса, кованая, с большим диаметром отверстия.

Землянка № 2 оказалась значительно глубже предыдущей, неправильно овальной формы и больших размеров. Длина ее, по направлениям с северо-востока и юго-запада, равна 3,4 м¹. Дно ее чрезвычайно неровное, выявилось в северо-восточной части на глубине 2,6 м, а в средней части — на глубине 3,2 м от уровня древнего горизонта; с восточной стороны находились три уступа, вероятно, представляющие вход в землянку.

Помимо отмечавшихся уже углистых прослоек, чередующихся с тонкими прослойками белого речного песка, следует указать, что на глубине 2,6 м, почти на всем пространстве землянки, имелся сплошной слой в 15—25 см толщиной лежащих в беспорядке створок раковин *Unio* (более 10 тыс.). В юго-западной части этот слой был на глубине 2,85 м. Среди створок раковин найдены фрагменты сосудов, костяное шило, кремневые пластинки, сланцевый клин, кости животных. Под раковинами, на дне ямы, помимо обычных для культурного слоя остатков, — скопления угля и значительное число очажных камней.

Окончательно форма и размеры землянки могут быть установлены лишь после вскрытия северо-восточной стенки раскопа, куда уходит большая половина жилища. Любопытной чертой являются три уступа, наблюдавшиеся с восточной стороны, повидимому, вход в нее.

В раскопе III (40 м²), на расстоянии 10 м от раскопа II, вниз по течению не было встречено остатков землянок, однако на вскрытой площади на глубине 1—1,5 м расчищен интенсивно насыщенный, горизонтально залегавший культурный слой, толщиной в 20—30 см. В нем, помимо некоторого количества очажных камней, глиняной обмазки, был встречен тот же комплекс керамики, состоящий из грубой кухонной посуды, сосудов с углубленным орнаментом и с каннелюрами. Интересны фрагменты с углубленным орнаментом, заполненным белой массой или красной краской. Формы — те же сосуды на подставках. Встречены фрагменты антропоморфных сосудов. На этом сравнительно небольшом участке зачистки берега найдено 14 обломков женских сидячих статуэток, сильно схематизированных и покрытых спиральным геометрическим орнаментом. На некоторых из них овальные углубления украшают части тела (ноги, шею, грудь). Повидимому, это — орнамент в виде овальных углублений, имитирующий зерна, как например, в Луке Врублевецкой, где подлинные зерна

¹ Она осталась не до конца вскрытой, и раскопка ее будет закончена в последующие годы.

были примешаны в глиняную массу, из которой лепились фигурки. Обнаружен фрагмент глиняной ножки модельки жилища. Среди отдельных находок, кроме многочисленных костяных шильев, отметим костяной крючок (конец обломан) с двумя зарубками, за которые он привязывался к леске (рис. 22—3), а также небольшое орудие, возможно мотыга, со срезанной и расщепленной обушной частью для закрепления рукоятки. Среди часто встречаемых в культурном слое кабаньих клыков найдены обточенные, один из которых заострен, отполирован и представляет собой очень удобное острие, возможно, для нанесения углубленного орнамента на сосудах.

Так же, как и в раскопе II, обнаружена большая кость крупного быка, с тремя срезанными или сработанными плоскостями. Назначение предмета остается неясным, возможно, что он служил для обточки костяных шильев или других изделий из кости и сланца. Из клыка собаки сделана подвеска ожерелья. Найдены и створки раковин с округлым просверленным отверстием, также изготовлявшиеся как подвески ожерелья.

Особенно важна находка конца медной кованой булавки, овальной в разрезе.

Среди большого количества собранных отщепов и осколков кремня имеются нуклеусы, крупные скребки на отщепах, и концевые скребки на пластинах, а также вкладыши для серпов с одним отретушированным краем и с заметными следами заполированности от работы. Интересна кремневая проколка.

Анализ костного материала из Берново-Лука, произведенный В. И. Бибиковой, показывает, что здесь, на этом раннетрипольском поселении, преобладают остатки диких млекопитающих, особенно копытных. И по количеству костных остатков и по числу видов диких животных в полтора раза больше домашних, т. е. они составляют около 62%. Наиболее богато представлены благородный олень, затем косуля и кабан. Очевидно охота велась главным образом на копытных животных с целью получения мяса. Другим источником добывания пищи было рыболовство и, по заключению В. И. Бибиковой, охота на птиц.

Привлекает внимание наличие в фауне поселения Берново-Лука тура и отсутствие в ней лося. Обычно остатки тура в трипольских памятниках отмечались на поселениях, расположенных западнее Днестра (например, на поселении Мадара, Подграда, Фрумушицы в Румынии). К востоку же от Днестра тур известен только из южного поселения Усатово. Лось же, наоборот, встречается к востоку от Днестра (Владимировка, Халепье, Лука Врублевская); на Правобережье Днестра лось известен только в Поливановом яру.

На основании имеющихся костных материалов, находок костей бобра, медведя, оленя, косули, отчасти кабана, можно говорить, что в окрестностях поселения Берново-Лука в древности были большие лесные массивы с открытыми полянами и долинами.

Среди остатков домашних животных имеются все характерные для Европы виды — крупный и мелкий рогатый скот, свинья, собака и лошадь. Наибольшее значение в хозяйстве имел бык, по числу особей составляющий 50% всех домашних животных. Как указывает В. И. Бибикова, много костей принадлежит молодым и полувозрастным быкам. Среди мелкого рогатого скота — коза и овца. Свиньи были мелкой породы.

Немногочисленны остатки лошади; сказать о том, была ли она домашняя — трудно; кости собаки (череп) могут быть отнесены к типичному домашнему виду.

На основании анализа костного материала, в котором большой процент составляют остатки диких млекопитающих, В. И. Бибикова справедливо делает заключение о том, что остеологический комплекс из поселения

Берново-Лука, возможно, является несколько более ранним, чем комплекс из Луки Врублевцевой.

Небольшие раскопки экспедиции в 1951 г. у с. Берново-Лука обнаружили исключительно интересный поселок раннетрипольского периода в Поднестровье. Богатый материал четырех больших и глубоких землянок позволяет осветить хозяйство и культуру энеолитических племен на наиболее раннем этапе развития трипольской культуры в Поднестровье (на этапе А), датированном началом — серединой III тысячелетия до н. э.

Основные орудия изготовлены из кремня (скребки, ножи, вкладыши для серпов), из сланца (тесла, долота), из рога (мотыги), из кости (шила, рыболовный крючок и др.).

Медные изделия в этот ранний период Триполья — большая редкость, поэтому особо ценными являются находки медных изделий: кованого крючка для ловли рыбы, бусы и обломок булавки. Находки эти подчеркивают межплеменные связи, существовавшие у племен Поднестровья с районами, где имела самородная медь, прежде всего с районом Прикарпатья.

Связи с Прикарпатьем и Подунавьем устанавливаются и при изучении керамических изделий. Редкие для Поднестровья типы черных прекрасно лощеных сосудов с каннелюрами, антропоморфные сосуды и многочисленные женские статуэтки из раскопок в Берново-Лука должны быть сближены с археологическими материалами энеолитических стоянок Венгрии и Румынии (Извоар I, Гигешти, Винча, Тордош, Боян и др.).

Вновь открытое раннетрипольское поселение у с. Берново-Лука не стоит одиноко; оно может быть сопоставлено с известными раннетрипольскими поселениями в бассейне Днестра — Лука Врублевцевая (раскопки С. Н. Бибикова), Ленковцы (раскопки Е. К. Черныш), Озаринцы и Брага (раскопки М. Я. Рудинского), Наславча-Лука (разведка Т. С. Пассек).

В бассейне Южного Буга близкие по времени, но несколько отличные по комплексу находок материалы известны на поселениях у Борисовки, Красноставки, Сабатиновки, Саврани, Греновки (раскопки М. Л. Макаревича). Могильного, Даниловой Балки, Александровки, на Пруте — Ветилки (раскопки Б. А. Гимошука).

Все эти трипольские поселения показывают, что уже на раннем этапе своего развития древнеземледельческие племена занимают значительные территории Среднего Поднестровья и Южного Побужья. Можно отметить, что поселения располагаются, как на плато (Ленковцы, Борисовка, Озаринцы, Александровка, Могильное), так и на 1-й надпойменной террасе (Лука Врублевцевая, Берново-Лука, Наславча-Лука и др.).

Наряду с землянками известны уже на этом раннем этапе глиняные наземные жилища (Ленковцы), получающие свое развитие позднее, в период расцвета Триполья. Несмотря на большое сходство в комплексе находок всех известных в настоящее время раннетрипольских поселений можно уже наметить некоторые различия в них на Днестре и в Побужье, различия, которые подчеркивают ряд местных вариантов культуры раннего Триполья.

Вторым трипольским поселением, где были проведены раскопки, явилось поселение у с. Молодово в урочище Поливанов яр, где работы экспедиции велись в 1948—1950 гг.¹

В 1951 г. на поселении Поливанов яр были в основном закончены работы, начатые в 1950 г. на раскопах III и V, а также заложен новый раскоп VI — через центральную часть поселка общей площадью в 80 м².

¹ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII. Е е же. Трипольское поселение Поливанов яр, КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 41—63.

В раскопе VI — квадрат 8 (г-ж) и квадрат 9 (д-ж) — на глубине 0,45—0,50 м по снятии первых трех штыков чернозема в коричневатом суглинке стало заметно выделяться темное овальное пятно, как бы состоящее из нескольких слитых полуovalов. При расчистке землянки № 14 в пределах пятна обнаружен сильно углистый культурный слой. Характерно присутствие в нем большого количества крупных желваков кремня, грубых осколков и отщепов, мелких осколков и отщепов и мельчайших чешуек; найдено

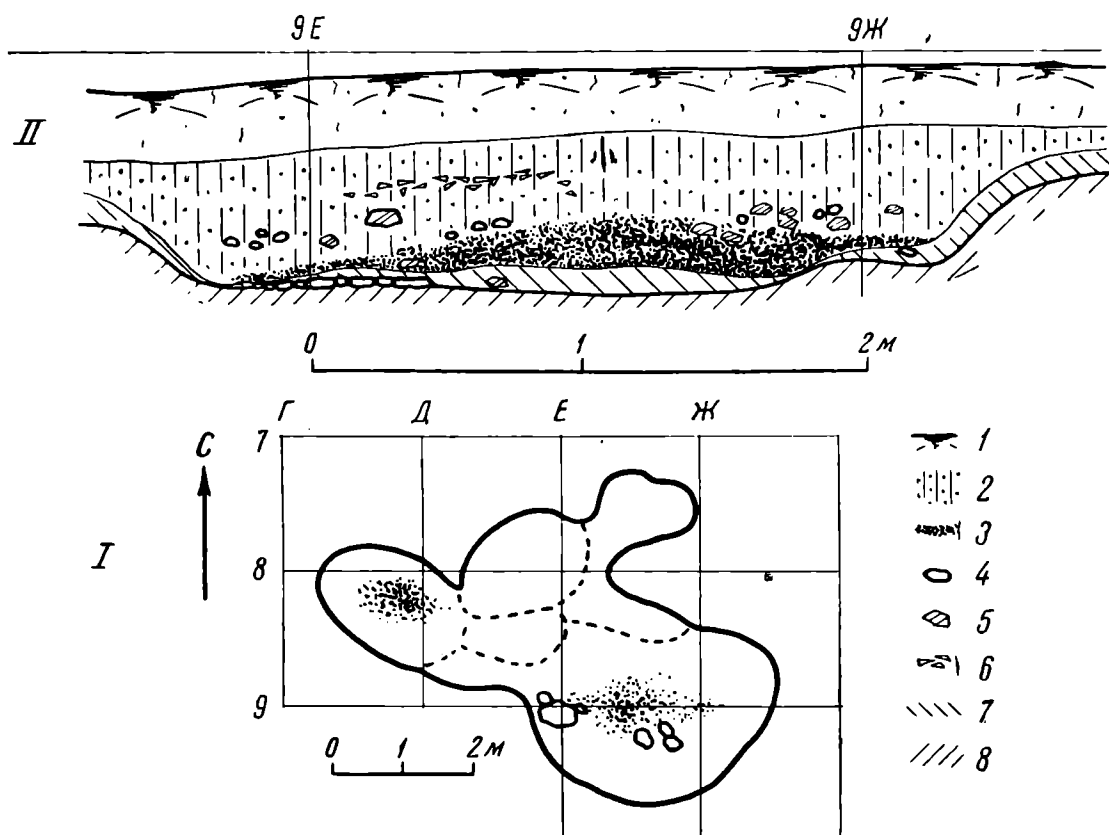

Рис. 23. Поливанов яр. Раскоп VI. План (I) и разрез (II) землянки № 14:

I — чернозем; 2 — культурный слой; 3 — уголь, зола; 4 — глиняная обмазка; 5 — камни; 6 — кремнь; 7 — желтый суглинок; 8 — известняковый материк.

несколько отбойников, грубых заготовок, скребки, сланцевое тесло, фрагменты керамики и кости.

В некоторых частях в землянке заметно особенно большое скопление золы и угля. На глубине 0,7—1 м граница землянки, выкопанной в коричневатом суглинке, уточнена достаточно четко. Размеры жилья — 7 × 3 м. Дно чрезвычайно неровное, с более глубокими ямами, видимо, очажными. Оно как бы все состоит из отдельных сливающихся ям (рис. 23). Землянки подобных форм были раскопаны и в 1950 г. Наиболее интересно то, что удалось найти вход в жилище с двумя ступенями с северо-восточной стороны, сливающийся с основными округлыми помещениями землянки, или, вернее, полуземлянки. Глубина ее различная. Если юго-восточная часть была углублена (от древнего горизонта) всего на 0,4—0,5 м (глубина 0,9 м; 0,5 м — уровень древнего горизонта), то северо-западная часть была чрезвычайно глубокой — 2,35 м (глубина 2,85 м; 0,5 м — уровень древнего горизонта). Средняя часть была углублена не более чем на 0,6—0,4 м; ступени входа на 0,25—0,30 м (глубина 0,75—0,8 м; 0,5 м — уровень древнего горизонта).

В юго-восточной части было основное место очага с остатками большого количества угля и золы. Около него на дне следы глинобитного пола, сохранившегося лишь частично.

В северо-западной части, более глубокой, видимо, тоже находился очаг, но здесь скопление угля сменялось насыпным слоем светлого песка, который при расчистке легко отделялся. Здесь же на глубине 1,12 м обнаружены нижние части двух столбиков, возможно поддерживавших поперечную перекладину над ямой. Повидимому здесь место, на котором раскладывался

огонь, неоднократно искусственно засыпалось светлым песком и затем вновь раскладывался огонь. Об этом свидетельствуют несколько углистых прослоек. Вопрос о назначении этой части жилища остается загадочным.

В землянке № 14 обнаружен небольшой, но характерный керамический комплекс. Среди керамики встречаются сосуды с монохромной черной, реже красной, росписью, а так же с черной и белой. Формы посуды — чаши с наклонным внутрь краем, шлемовидные крышки, двухконусные биноклевидные сосуды с монохромной черной росписью (система распадающихся спиралей), глиняные пряслица, почти полное отсутствие керамики с углубленным и каннелюрованным орнаментом, грубая кухонная посуда с «полосчатым сглаживанием», —

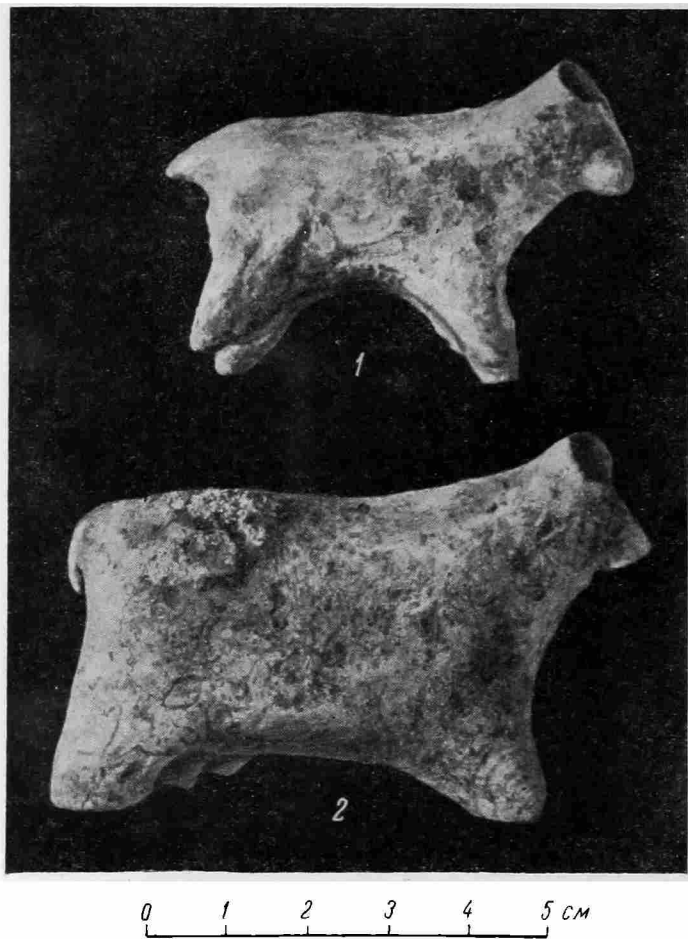

Рис. 24. Поливанов яр. Раскоп III. Глиняные фигурки животных:
1 — барана; 2 — коровы.

все эти признаки делают возможным сопоставлять землянку № 14 Поливанова яра с землянками таких поселений на Днестре, как Залещики, и датировать ее, как и весь 2-й горизонт Поливанова яра, 2-й ступенью среднего периода (В/II). Среди находок следует отметить два кремневых ножа с высокой ретушью, покрывающей всю пластину, а также медное кованое колечко с несомкнутыми концами.

В квадратах 8/д и 8/е обнаружены места древней кремневой «мастерской» с остатками производства, грубыми кремневыми заготовками, орудиями из кремня и сланца.

Продолжавшиеся в 1951 г. работы на III и V раскопах, завершившие изучение землянок № 2 и 13, подтвердили сделанные ранее заключения по вопросам стратиграфии поселения Поливанов яр. Собран ряд новых находок (рис. 20—3; рис. 24). Обнаружены наслоения трех горизонтов, по

которым можно установить, что время существования поселения Поливанов яр охватывает длительный период — от среднего этапа (В/І и В/ІІ моей периодизации.— Т. П.) и до начала позднего этапа развития Триполья (У/І). Следует указать, что жилища на поселениях Триполья расположены исключительно густо. О большой скученности населения можно судить по некоторым наблюдениям, сделанным в 1951 г.

Мыс, где находится родовой поселок Поливанов яр, сравнительно небольшой, его площадь равняется 450×150 м. С трех сторон его обходят глубокие овраги; напольная восточная сторона узкая — до 70—75 м. В восточном секторе вскрыта большая землянка № 13, которая находилась под насыпью проходившего здесь вала скифского времени. В 1951 г. по окончании раскопки землянки, после снятия глинобитного хорошо обожженного пола и при прокопке пространства под землянкой, было замечено, что ниже ее дна, в белом известняковом материке наблюдается клиновидное опускание коричневатого суглинка (в котором была вырыта землянка) до глубины двух метров.

Помимо разрезов, сделанных на раскопе, была проведена на протяжении 12 м выемка всего суглинка, причем установлено, что в этой напольной части мыса, до постройки землянки № 13, существовал глубокий в 2 м ров; в верхней части ров был 2 м ширины. На протяжении многих лет, при изучении родовых трипольских поселений, вставал вопрос об изгороди или рве, ограждавших родовые поселки. Этот вопрос был поставлен нами и при работах на мысу Поливанов яр. После открытия в 1951 г. рва была дополнительно заложена траншея для изучения напольной части мыса, на расстоянии 16 м на восток от первого рва. В наиболее узкой части мыса обнаружен второй подобный ров, клиновидно углубляющийся в белый известняковый материк до двух метров и заполненный коричневым суглинком. Этот второй ров был также очищен от заполнявшего его суглинка. В суглинке первого и второго рвов попадались единичные фрагменты трипольской керамики, кремневые отщепы. Возникает вопрос, почему же первый ров оказался под перекрывшей его землянкой № 13? Очевидно, по мере разрастания родового коллектива на крайне небольшом мысу, население не хватало места для новых построек и было решено засыпать первый ров, а на расстоянии 16 м от него вырыть новый, перегораживающий мыс с напольной стороны. Следует указать, что это было сделано на первом же этапе существования поселения Поливанов яр, так как нижний горизонт землянки № 13, перекрывавшей ров трипольского времени, датируется первой ступенью среднего периода развития Триполья (В/І).

Открытие на поселении Поливанов яр двух глубоких рвов представляет большой научный интерес. Рвы в трипольское время не имели валов и служили ограждением поселка. Особенно необходимы, видимо, были эти рвы в эпоху Триполья для защиты стада домашних животных от диких зверей, которых немало водилось в больших лесах вокруг поселения. Рвы могли быть дополнительно укреплены частоколом, навалом хвороста и составляли необходимое укрепление с незащищенной напольной стороны мыса. Датировка рвов трипольским временем не может вызывать сомнения, так как первый ров оказался ниже дна трипольской землянки, которая в свою очередь была перекрыта в скифское время искусственной насыпью вала сложной конструкции.

На территории СССР и Молдавии на трипольских поселениях такие рвы оставались до сих пор не известными, хотя попытки отыскать их делались нами на Коломийщине и во Владимировке. На энеолитических поселениях подобные рвы были обнаружены в более западных районах и в Средней Европе. Напомню хотя бы два рва — на известном поселении у Кукутени в Румынии и у Винчи в Венгрии, существование которых

вызывало различные толкования. Не вызывает сомнений и превосходная техника конструкции ровов в Поливановом яру. Они вырыты в коричневатом суглинке и частично в белом известняке точно таким же способом, как рылись глубокие жилища — землянки. Большое количество мотыгообразных орудий из рога, кремневые топоры, клинья, сланцевые тесла — вот те орудия, при помощи которых могли выкапываться древними трипольцами и землянки и ровы. Ров в 2 м ширины и 2 м глубины — прекрасная защита для поселения.

Наряду с изучением поселений раннего и среднего периодов трипольской культуры на Днестре, экспедиция все годы уделяла немалое внимание

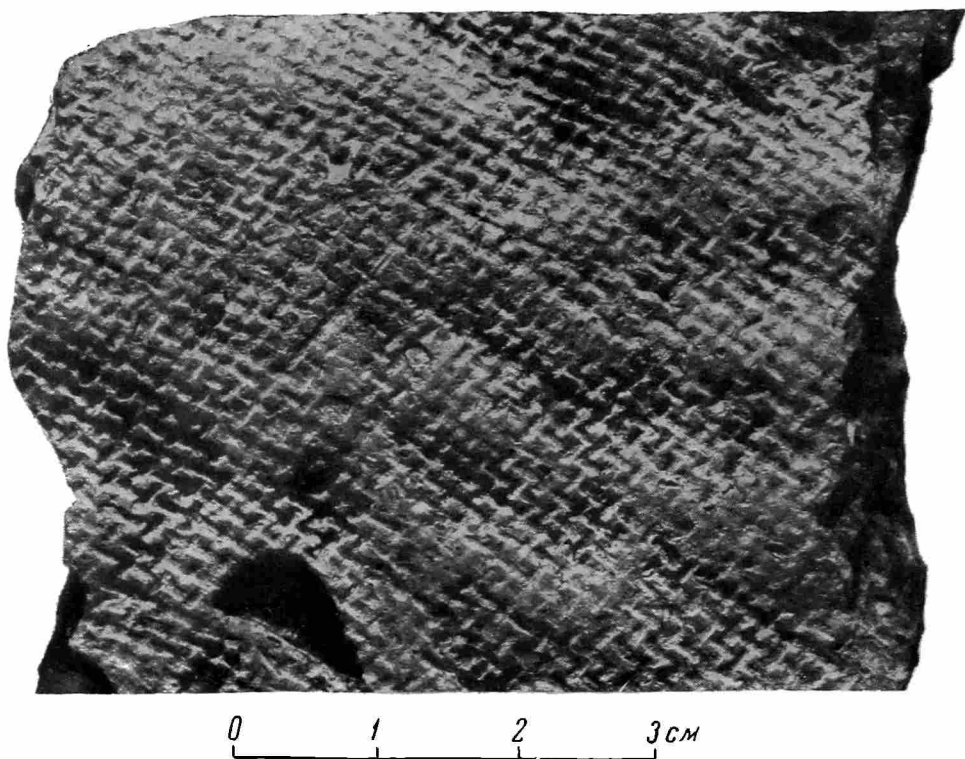

Рис. 25. Волчинец, урочище Клин: фрагмент дна сосуда с отпечатками тканей.

исследованию поселений наиболее позднего периода. Такие поселения, среди материалов которых доминирует расписная посуда с черной росписью, характерной для усатовской расписной керамики, и керамика, украшенная веревочным орнаментом, были обнаружены более чем в 15 пунктах на Среднем Днестре. В 1951 г. была произведена разведка у с. Волчинец в Молдавии.

Здесь в урочище Клин на берегу Днестра, на правой надпойменной террасе (по соседству с с. Мерешовка, где экспедиция провела небольшие раскопки на позднетрипольском поселении в урочище Читатуя), была сделана зачистка берега. В разрезе обнаружен культурный слой, залегающий в коричневатом суглинке на глубине 0,5 м ниже чернозема. В слое встречена керамика с черной росписью позднетрипольского типа. Особенно характерны чаши со слегка наклоненным внутрь краем и росписью усатовского типа на наружной и внутренней поверхности. Роспись состоит из двух лент, нанесенных черной краской, пространство между которыми заполнено красным. Не менее обычны двухконусные небольшие сосуды с росписью, состоящей из лент, окаймленных зубчиками или волнистой полосой. У основания пле-

чиков небольшие бугорки-ручки. В росписи часто встречается орнамент в виде сетки.

Наряду с расписной керамикой у с. Волчинец найдены сосуды шаровидных форм с веревочным орнаментом (рис. 20—4). Один или два ряда оттисков веревочки проходят обычно у основания края. Для сосудов характерны конические бугорки-ручки, расположенные на плечиках.

На днищах трех сосудов прекрасно сохранились отпечатки тканей плотного переплетения (рис. 25).

В культурном слое обнаружены также глиняные конусовидные грузила; аналогичные были найдены в верхних слоях Дарабани, в Мерешовке и на других поздне трипольских памятниках; кремневые топоры, плоские, прямоугольные в сечении, кремневые скребки, ножи, шилья, фрагмент просверленного топора; проколка, острие из рога и другие находки.

Новые материалы из Волчинца и с других поздне трипольских поселений, как например, из с. Миткив, урочища Стинка, Заставнянского района Черновицкой области, Ожево, урочища Плита, Мерешовки, Солончени, Гусятина, Сухостава и других в Среднем и Верхнем Поднестровье, расположенных в лесостепной зоне, а также с поселений в районе Паволочь, Сандраки (раскопки Е. Ф. Лаговойской) в Южном Побужье не позволяют говорить, что памятники усатовского типа характерны исключительно для степной зоны Причерноморья. Памятники поздне трипольского усатовско-городского этапа распространены на значительном пространстве лесостепной зоны, переходя на левобережье Днестра и к побережью Черного моря. Однако памятники усатовско-городского типа продолжают развиваться и на коренной территории распространения трипольских племен.

Работа Трипольской экспедиции на Среднем Днестре лишь начата, но уже и тот материал, который накоплен за последние годы, по-новому освещает историю племен Триполья на протяжении длительного отрезка времени.

В ближайшие годы, наряду с раскопками трипольских поселений, экспедиция предполагает начать изучение одного из поздне трипольских могильников на Днестре, в Молдавской ССР.

Одновременно будут продолжены раскопки памятников эпохи бронзы, предскифского и скифского времени на Днестре.

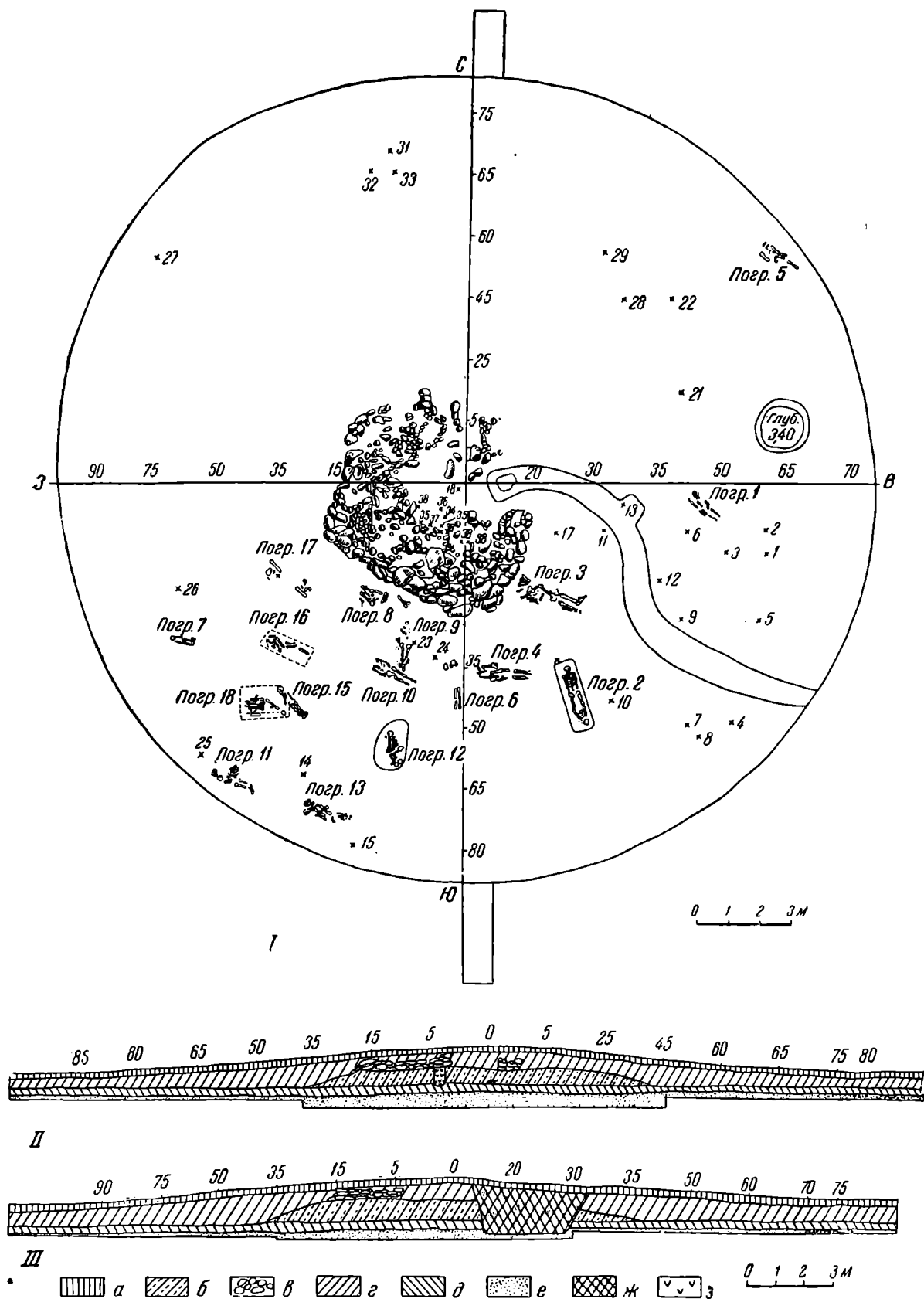
А. И. МЕЛЮКОВА

ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

В 1951 г. скифский отряд Трипольской экспедиции ИИМК продолжал начатое в 1949 г. изучение памятников скифской эпохи, расположенных на правом берегу Днестра в его среднем течении. Раскопан один из курганов у с. Ленковцы Кельменецкого района Черновицкой обл., произведены небольшие разведывательного характера раскопки на поселении у с. Селище этого же района, а разведками экспедиции обнаружены еще 14 поселений скифского времени.

Курган, подвергшийся раскопкам, был расположен на высоком плато недалеко от Днестра и входил в группу, состоявшую из четырех небольших, сильно распаханных курганных насыпей. Курган высотой 0,85—0,90 м и диаметром около 26 м был насыпан из чернозема, взятого с большой площади, о чем свидетельствует отсутствие рва вокруг подошвы насыпи. В процессе раскопок в ЮВ секторе обнаружена траншея, слегка углубившаяся в материк (рис. 26—1). По сведениям, полученным от местных старожилов, эта траншея была вырыта еще во время войны 1914 г.

В центре курганной насыпи, на глубине 0,35 м от вершины, находилась каменная вымостка в виде неправильного незамкнутого кольца, сделанная из крупных известняковых неправильной формы плит по краям и более мелких камней в центральной части (рис. 26—2, 3). Плиты были положены в два и три ряда, так что толщина вымостки достигала 0,35—0,40 м. На глубине 0,65—0,75 м от поверхности кургана, под вымосткой на подсыпке из чернозема, содержавшего большое количество серого тлена от травы, обнаружены следы небольшого костра в виде перемешанных с пережженным черноземом золы и угля (рис. 27). Недалеко от костра находились две круглые в плане ямы (диаметр 0,4 м, глубина 0,56—0,65 м), вероятно ритуального назначения, заполнение которых составлял чернозем с большим количеством золы и отдельными угольками. На подсыпке из чернозема, отчасти под камнями вымостки, отчасти в местах, свободных от камней, но в пределах, ограниченных вымосткой, найдены разбросанные в беспорядке 28 наконечников скифских стрел, обломки железного кинжала и сильно испорченного ржавчиной наконечника копья, железный боевой топор, обломки трех пар железных удил, точильный камень и фрагменты шести сосудов. Никаких следов погребения, с которым можно было бы связывать находки, не обнаружено. Вероятно, курган был сооружен не для захоронения в нем, а судя по инвентарю — в честь воина, погибшего где-то на стороне.

Каменная вымостка в центре курганный насыпи, остатки костра, две небольшие ямки и беспорядочное расположение инвентаря заставляют включить курган в группу западно-подольских курганов, хорошо описанных Т. Сулимирским и известных главным образом на левом берегу Среднего

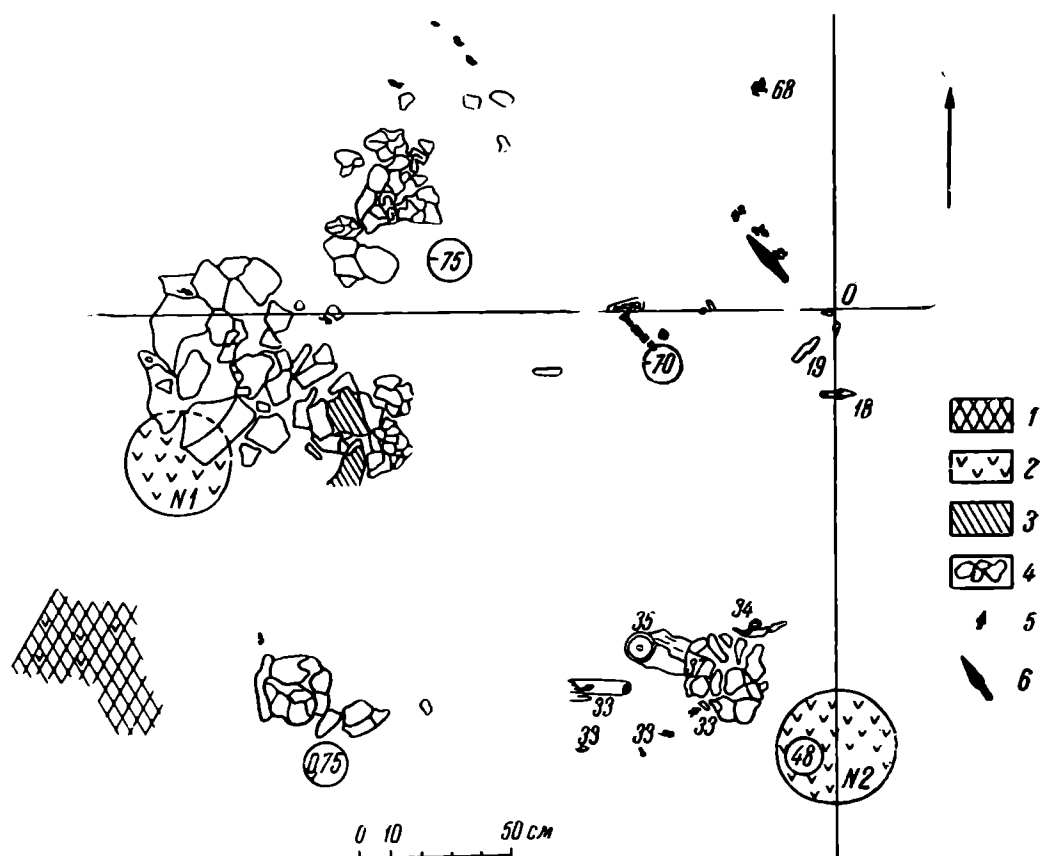

Рис. 27. Схема расположения ямок, остатков костра и инвентаря под каменной вымосткой:

1 — переженный чернозем с золой и углем; 2 — чернозем с большим количеством золы и угольками (заполнение ямок); 3 — сероватый сухой чернозем; 4 — части каменной вымостки; 5 — наконечники стрел; 6 — наконечник копья; 18, 35 — железные удила; 19 — железный топор; 33 — керамика; 34 — фрагмент большого сосуда; 37 — каменный брусок, цифры в кружках — отметки нивелировки.

Поднестровья в пределах Каменец-Подольской и Тернопольской областей¹, где также встречены курганы без каких-либо следов погребений, но со значительными наборами вещей². Повидимому, обычай насыпания курганов в честь родичей, погибших на стороне, был довольно распространенным у населения Среднего Поднестровья, чего нельзя сказать о соседних племенах со скифообразной культурой, населявших лесостепные области Украины.

Группа курганов Западной Подолы отличается от соседней, Киевской, не только погребальными сооружениями и погребальным обрядом, но и по инвентарю. Для комплексов находок из этих курганов характерно сочетание металлических вещей скифских типов и керамики, обычной для большей части лесостепной Украины, с предметами, местом происхождения которых считаются области лужицкой, высоцкой и гальштатской культур.

¹ Т. Sulimirski. Scythowie na Zachodniem Podolu, Lwow, 1936.

² Курган II в Серватинцах (Т. Sulimirski, указ. раб.), Буреманы, курган II (Т. Sulimirski, указ. раб., стр. 62), Ладычин, курган II (там же, стр. 87), Купин, курган I, раскопки Пуласского (Swiatowit IV, стр. 22), Завадинцы, курган II, Swiatowit, IV, стр. 26.

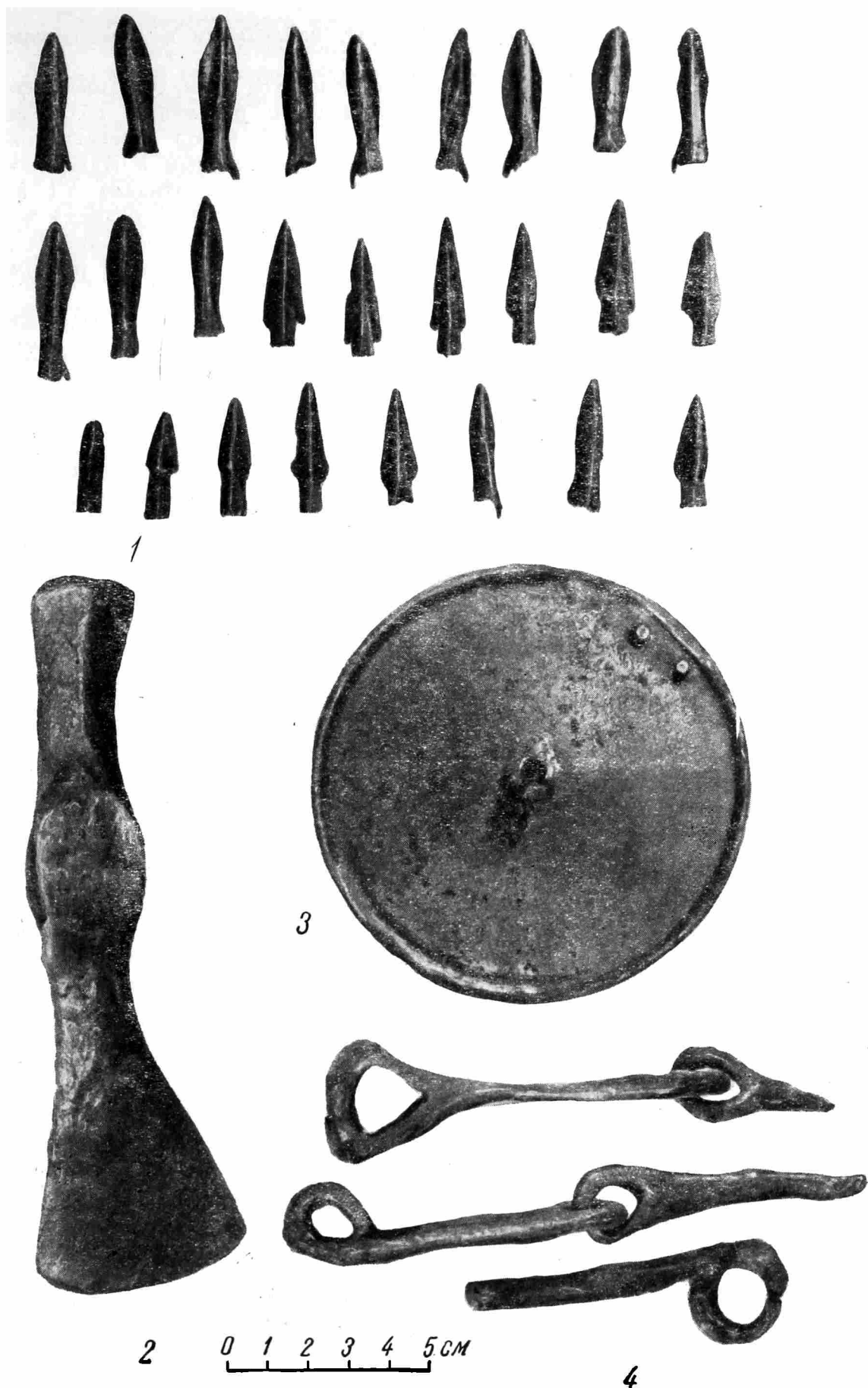

Рис. 28. Вещи из кургана у с. Ленковцы:
 1 — наконечники стрел; 2 — железный топор; 3 — бронзовое зеркало; 4 — железные удила.

Эти же особенности присущи инвентарю, найденному в раскопанном нами кургане.

Вооружение, удила и бронзовое зеркало относятся к числу раннескифских предметов, хорошо известных по находкам в различных областях Северного Причерноморья и за его пределами. Так, набор наконечников стрел (рис. 28—1) очень близок к комплексам, найденным в Келермесском, Мельгуновском курганах, а также в целом ряде памятников VI в. до н. э., раскопанных на территории Среднего Приднепровья¹. К таким же предметам, хорошо известным по находкам в ранних курганах Скифии², принадлежит наконечник копья с лавролистным пером и широким ребром посередине, переходящим во втулку (рис. 29—2).

Среди предметов, найденных преимущественно в лесостепных областях Украины, в том числе и в Западной Подолии, есть аналогии найденному нами железному топору с длинным четырехгранным обухом и округленным лезвием (рис. 28—2)³.

Железный кинжал (рис. 29—1), от которого сохранились лишь рукоять и часть клинка, несколько отличается от обычных скифских акинаков и имеет ближайшие аналогии среди кинжалов, найденных в области Семиградья⁴. Последние представляют собой локальный вариант скифских акинаков с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем.

Бронзовое зеркало совершенно аналогично найденному в одном из курганов Венгрии⁵. Оно отличается от хорошо известных по находкам в курганах Скифии наличием не только ушка на обороте, но и боковой ручки (рис. 28—3), от которой, правда, сохранились лишь бронзовые заклепки.

Из трех пар железных удил (рис. 28—4) одни принадлежат к числу стремяновидных, встречающихся в скифских курганах, датируемых главным образом первой половиной VI в. до н. э. Остальные две пары представляют собой обычные удила с кольцами на концах, которые были распространены в Скифии с раннего до позднего времени. Вместе с вещами найдены фрагменты аккуратно сделанных лепных лощеных сосудов разных форм (рис. 30). Две большие корчаги с черной наружной и коричневой внутренней поверхностью и три миски близки к широко распространенным в лесостепной Скифии сосудам этого типа и хорошо известны по находкам в Немировском и Бельском городищах, а также в целом ряде архаических курганов Среднего Поднепровья и Западной Подолии.

Тонкостенный черпак отличается от обычных сосудов этого вида, распространенных в лесостепи. Он имеет сравнительно высокую шейку, украшенную резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников и ромбов, и тулово, орнаментированное резными концентрическими полукружиями. Ручка его снабжена двумя овальными прорезями и шишечкой на перегибе. Черпаки, вполне аналогичные описанному, мне не известны. По форме и орнаментации тулова его можно сравнивать с лужицкими черпаками, бытовавшими на территории распространения лужицкой и висоцкой культур⁶.

Судя по инвентарю, прежде всего по набору наконечников стрел и стремяновидным удилам, мы можем датировать курган первой половиной VI в. до н. э.

¹ См., например, А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смела, т. I. СПб, 1898, табл. IV, 1.

² См., например, T. Sulimirski, Scythowie, табл. IX, 4, 5; табл. IV, 2; табл. V, 1. Курган Старшая могила, раскопки Самоквасова. Археологія, V, Київ, стр. 199, табл. 1, 2.

³ T. Sulimirski, Указ. соч., табл. XI, 1; табл. IX, 6.

⁴ А. А. Бобринский. Указ. соч., табл. XXV, 1; ИАК, 17, рис. 35 на стр. 95; Курган № 468 у с. Аксютинцы, ESA, XI, стр. 171, рис. 1, 7 и др.

⁵ ESA, XI, стр. 173, рис. 8.

⁶ Sulimirski, Kultura wysocka, Krakow, 1931, табл. XIX, рис. 20; Jan Filip. Pravcke Ceskoslovenko, Praha, 1948.

Кроме погребального места и найденного на нем описанного выше комплекса вещей, в кургане обнаружено 18 впускных погребений (рис. 26—1). Два из них в ямах, прорезавших чернозем и углубленных в материк, остальные находились в насыпи или в слое погребенного чернозема. Единства в погребальном обряде нет. В семи погребениях (№ 2, 6, 7, 9, 10, 12, 15) найдены более или менее сохранившиеся остатки целых костяков. В остальных одиннадцати обнаружены скопления отдельных костей расчлененных скелетов. В пяти из первых погребений захороненные были положены на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на север, с небольшим отклонением на запад. В одном женском погребении костяк лежал скорчено на правом боку (№ 12), а в детском, ориентированном на запад, погребенный был положен на бок, ноги согнуты в коленях (№ 15). Следует отметить еще, что в погребении № 12, женском, отрубленная кисть правой руки была положена к левой теменной кости черепа.

Погребения № 2, 6, 9, 12, 15 сопровождалась инвентарем, который позволяет датировать их II—III вв. н. э.

Наиболее богатым оказалось захоронение № 2. В засыпке могильной ямы над погребенной найден небольшой сероглиняный, сделанный на кругу кувшин. В могиле находились: 68 бус цилиндрических, круглых, биконических, из желтой, зеленой и оранжевой стекловидной пасты и стекла; пастовый бисер, обломки двух проволоочных колец; круглая с луновидной выемкой бляшка или зеркальце из белого сплава; биконическое пряслице, две железных подвески в форме ведерочек и маленький лепной горшочек.

В остальных погребениях найдено по 1—2 сосуда, бусы и бисер, аналогичные описанным. Кроме того, в погребении № 9 встречены две стеклянные пуговицы сегментовидной в разрезе формы, с рифлением в виде концентрических окружностей на наружной поверхности.

Керамика — три гончарных сероглиняных кувшина, четыре лепных горшка, две маленькие мисочки — может быть сопоставлена с аналогичными сосудами, найденными в поселениях и погребениях липицкой культуры¹.

Близкие к описанным гончарные кувшины были найдены, кроме того, в кургане, раскопанном на территории Молдавии Т. Г. Оболюевой².

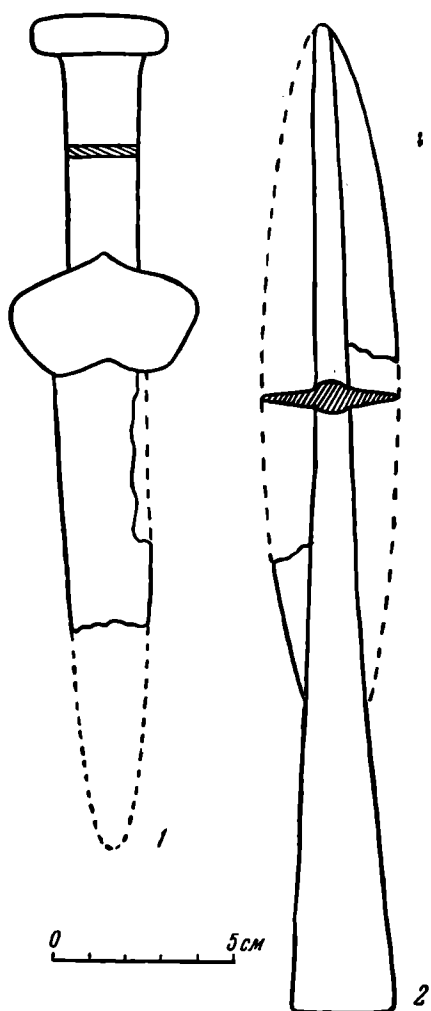

Рис. 29. Железный кинжал (1) и наконечник копья (2) из кургана у с. Ленковды.

¹ М. Смишко. Доба полів поховань в західних областях УРСР, Археологія, II, Київ, 1949, стр. 111, табл. II, 1.—Его же, Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих. Археологія, I, Київ, 1948, стр. 111, I, 5.

² Г. Д. Смирнов. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. Ученые записки Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. II, Кишинев, 1949, стр. 189.

Среди вещей, характерных для липицкой культуры, имеются также вещи, близкие к найденному зеркальцу или бляшке с луновидной выемкой¹.

Остальной инвентарь — бусы, бисер, железные подвески в форме ведерочек, биконические пряслица в виде двух разной высоты усеченных конусов и стеклянные пуговицы — не имеет аналогий в памятниках липицкой культуры.

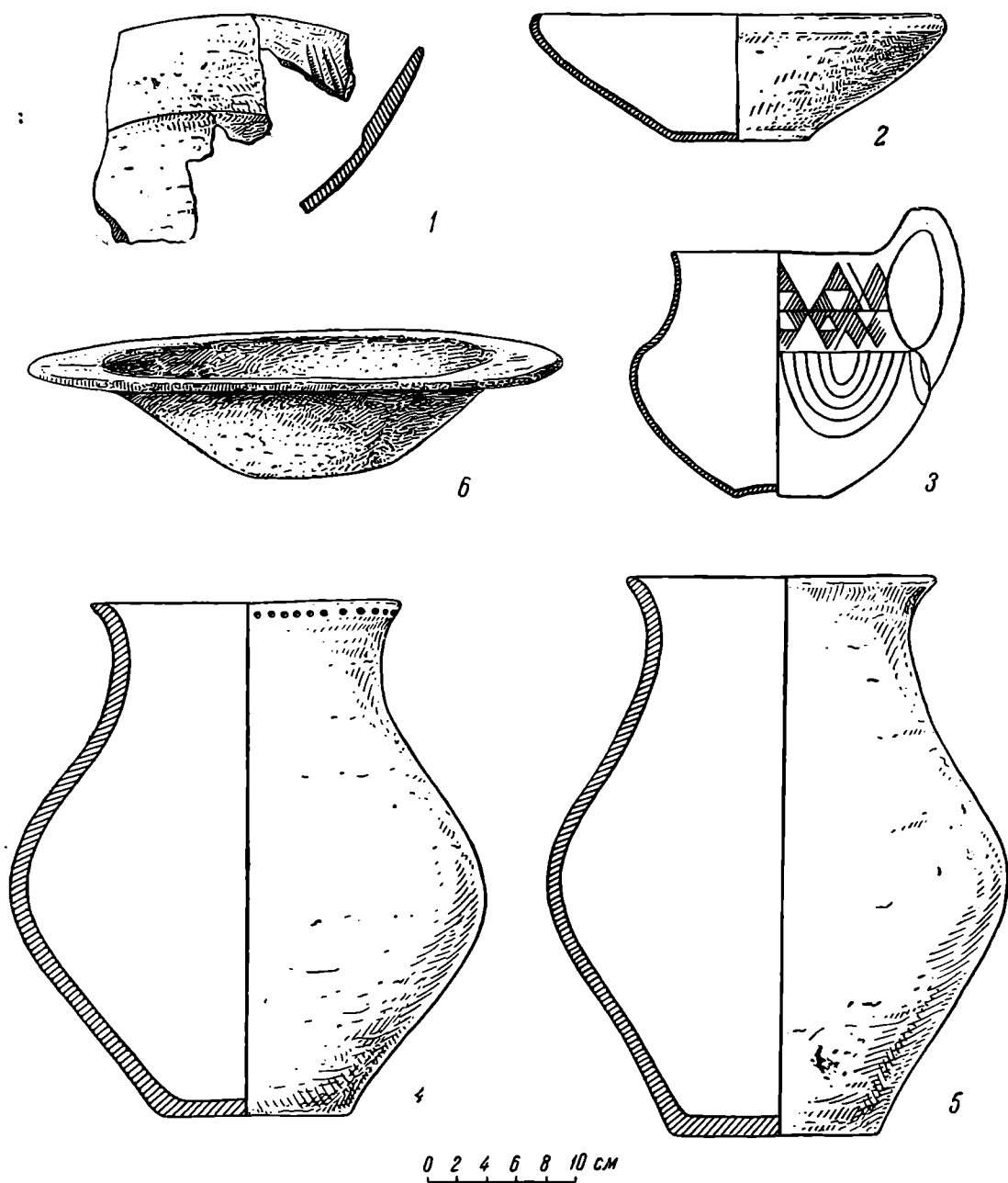

Рис. 30. Керамика из кургана у с. Ленковцы.

Перечисленные предметы могут быть сопоставлены с найденными в погребениях главным образом II—III вв. н. э., раскопанных в Венгрии и относимых М. Пардуцем к племени языгов, а также в сарматских погребениях этого же времени и в могильниках культуры полей погребений Среднего Приднепровья. В первых особенно много аналогичных нашим пастовых бус

¹ М. Smizko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej, Lwow, 1932, табл. XIII, рис. 23.

и бисера¹, а также биконических пряслиц, подобных описанным выше². В значительно меньшем количестве имеются в памятниках на территории Венгрии аналогичные найденным нами пуговицы из зеленоватого стекла³, часто встречающиеся в Пантикапейском некрополе⁴ и сарматских погребениях⁵. Подвески в виде ведерочек, подобные найденным, хорошо известны в ранних и в более поздних могильниках культуры полей погребений Среднего Приднепровья⁶. Отдельные случаи находок таких подвесок, но сделанных не из железа, а из золота, известны и в указанных погребениях в Венгрии⁷. Имеются они также в позднескифском могильнике у с. Николаевки, где хорошо датируются I—III вв. н. э. Таким образом, приведенные аналогии дают возможность установить датировку перечисленных выше погребений, но не позволяют определить культурную и этническую принадлежность погребенных. Это тем более трудно, что погребальные памятники Поднестровья первой половины I тыс. н. э. почти не изучены.

Расчлененные захоронения, обнаруженные нами при раскопках, вероятнее всего следует рассматривать как вторичные. Каждое из них представляло собой беспорядочную кучу костей одного человека. Важно заметить, что никаких следов повреждений костей не обнаружено. Кости были расчленены по суставам. Черепа, как правило, отсутствовали, но обязательно были положены длинные кости ног и рук, отдельные ребра и позвонки, кости таза. Только в погребении № 14 находилось два черепа, при одном из которых была положена правая плечевая кость. Какой-либо закономерности в расположении костей чаще всего не наблюдалось, лишь в нескольких случаях были положены в анатомическом порядке берцовые кости ног с костями плюсны, вероятно, перенесенные на данное место еще тогда, когда сухожилия были целы. Кости расчлененного погребения раскладывались на площади, близкой к той, которую занимает целый человеческий скелет (1,55—1,85 м × 0,4—0,6 м). Ориентированы скопления костей ЗСЗ — ВЮВ. Из вещей при них найдены только мелкие невыразительные обломки железных предметов и в одном случае (№ 13) небольшой обломок тонкой костяной обкладки с циркульным орнаментом. Находки совершенно недостаточные для определения времени захоронения. Очень мало для этого дают и стратиграфические наблюдения. Расчлененные погребения найдены на разной глубине и только одно (№ 14) находилось над полным захоронением. На этом основании можно лишь предполагать, что расчлененные относятся к более позднему времени, чем полные погребения. Возможно, что первые так же, как захоронения расчлененных костяков, обнаруженные на Верхнем Днестре и в Прикарпатье, датируются славянской эпохой.

В итоге, раскопанный нами курган дал интересный и важный материал для изучения культуры племен, живших на Среднем Поднестровье не только в скифскую, но и в значительно более позднюю эпоху.

Разведывательными раскопками на поселении в урочище Скрыпки у с. Селище в истекшем году положено лишь начало изучения памятника.

¹ М. Parducz. *Aszarmatacor emlékei Magyarországon*, Arch. Hungarica, XXX, Budapest, 1948, табл. II, табл. XII, 6, табл. XIX, 1, табл. XXVI, 3.

² М. Parducz. Указ. соч. Arch. Hungarica, т. XXV, табл. XVI, 2, а, б; табл. XIX, 1, а-с; XXI, 1, а, б, с; 9, а-б; XXV, 1, т. XXVIII, табл. 1, 2, а; 2, б; XVII, 8, а-б; XXIII, 7, а—7, в; XXXII, 1, а—1, б.

³ Там же, т. XXVI, табл. XVI, 29, 35; табл. XXIX, 28.

⁴ Хранятся в большом количестве в Керченском музее.

⁵ Например, в Пашковском могильнике (ГИМ), в Усть-Лабинском (ГИМ) и других.

⁶ Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Диссертация, 1951 г., Москва, стр. 67 сл.

⁷ М. Parducz. Arch. Hungarica, т. XXVIII, табл. XXIX, 28.

Поселение находилось на склоне неглубокого оврага, на дне которого в настоящее время протекает ручей. Размеры поселения небольшие: около 300 м в длину и около 80 м в ширину. В результате раскопок 1951 г.

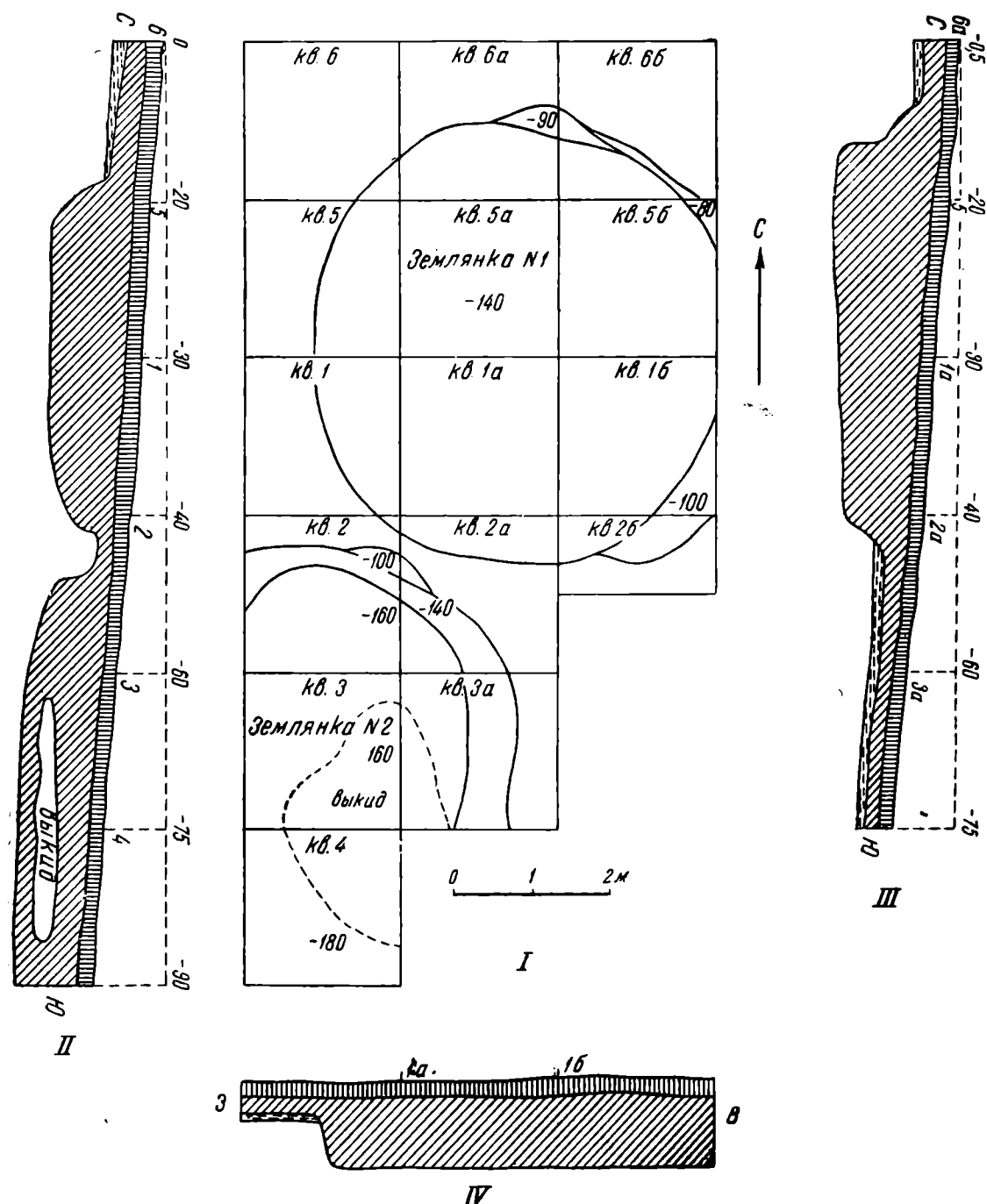

Рис. 31. Планы и профили землянок, раскопанных на поселении у с. Селища Кельменецкого района.

I — план; II — профиль землянок по линии СЮ; III — профиль землянки № 1 по линии СЮ; IV — профиль землянки № 1 по линии ЗВ.

вскрыты части двух землянок, или часть одной большой землянки, состоявшей из двух помещений, разграниченных неширокой перемычкой, вырытых в материковом лёссовидном суглинке. Дно одного из помещений находилось на глубине 1,4 м, второго на глубине 1,8 м от нулевой точки раскопа (рис. 31).

Землянка № 1, раскопанная почти целиком, представляла собой круглое в плане помещение диаметром около 5 м, с неширокими уступами по краям. Пол ее был абсолютно ровным, хорошо утрамбованным. Ни на полу, ни на стенках не обнаружено никаких следов деревянных конструкций для облицовки стен, как, например, в землянках Немировского городища. Не было найдено и следов от столбов, поддерживавших основу кровли. По всей вероятности, крыша была в виде простого настила, положенного на края землянки. Отсутствие очага заставляет предполагать, что он был за пределами помещения.

О форме и размерах второй землянки судить пока трудно, так как раскопками вскрыта только небольшая ее часть.

Заполнение землянок составлял гумированный слой, содержащий большое количество фрагментов посуды и кости животных. Найдены также глиняные пряслица и пуговицы, две бронзовых и костяная булавки, костяной наконечник стрелы, обломок костяной накладки с какого-то предмета и небольшая глиняная фигурка животного.

Материал, полученный главным образом из заполнения землянок, очень интересен потому, что он позволяет считать поселение одновременным со многими курганами, хорошо известными на соседней территории Западной Подолии. Кроме того, он свидетельствует о принадлежности жителей, обитавших на поселении, к одной и той же культурной и, очевидно, этнической группе, что и погребенные в курганах Западной Подолии. Среди находок керамики преобладают фрагменты грубых горшков баночной и тюльпановидной формы разных размеров, украшенных массивным наlepным валиком с пальцевыми зашипами и проколами под венчиком (рис. 32—20—23).

Из лощенной посуды встречены большие корчаги (рис. 32—16—18) близкие по форме найденным в кургане у с. Ленковцы и описанным выше; миски со слегка загнутым внутрь краем, часто украшенные проколами, заканчивающимися горошинами на наружной поверхности (рис. 32—19); чарки известных из курганов Западной Подолии типов, по форме тулова и ручки несколько отличающиеся от чарок, распространенных на территории Среднего Поднепровья (рис. 32—10—15). Кроме того, найдены небольшие мисочки на полых конических ножках с заглаженной серовато-коричневой поверхностью и маленькие баночные сосудики, не имевшие практического применения (рис. 32—7—9).

Весь комплекс керамики полностью соответствует набору сосудов найденных вместе с типичными скифскими предметами вооружения и конского убора в Западной Подолии¹, в курганах VI — первой половины V в. до н. э.

Аналогичные найденным горшки с массивным валиком под венчиком, миски и большие биконические корчаги были обнаружены на городищах Среднего Поднепровья, таких как Пастерское, Хотевское² и Шарповское³, в слоях, датирующихся VI — началом V вв. до н. э.

Пряслице и пуговицы (рис. 32—4, 5, 6) имеют вполне обычную для лесостепной Скифии форму.

Две бронзовые булавки (рис. 32—2) с маленькой конической головкой и слегка утолщенной шейкой подобны булавкам, найденным во многих курганах Западной Подолии⁴ и изредка встречающимся в погребениях, относящихся к высоцкой культуре⁵. Т. Сулимирский правильно считает их местным вариантом булавок, распространенным на территории лесостепной

¹ Т. Sulimirski. Указ. соч., табл. XIII—XVII.

² Материал хранится в Институте археологии АН УССР.

³ И. В. Фабрициус. Тясьминська експедиція, Археологічні пам'ятки, УРСР, II.

⁴ Т. Sulimirski. Указ. соч., табл. VIII, 2а; VIII, 1а, X, 16, 20; XI, 2.

⁵ Т. Sulimirski. Kultura wysocka, табл. XXV, 9, 11.

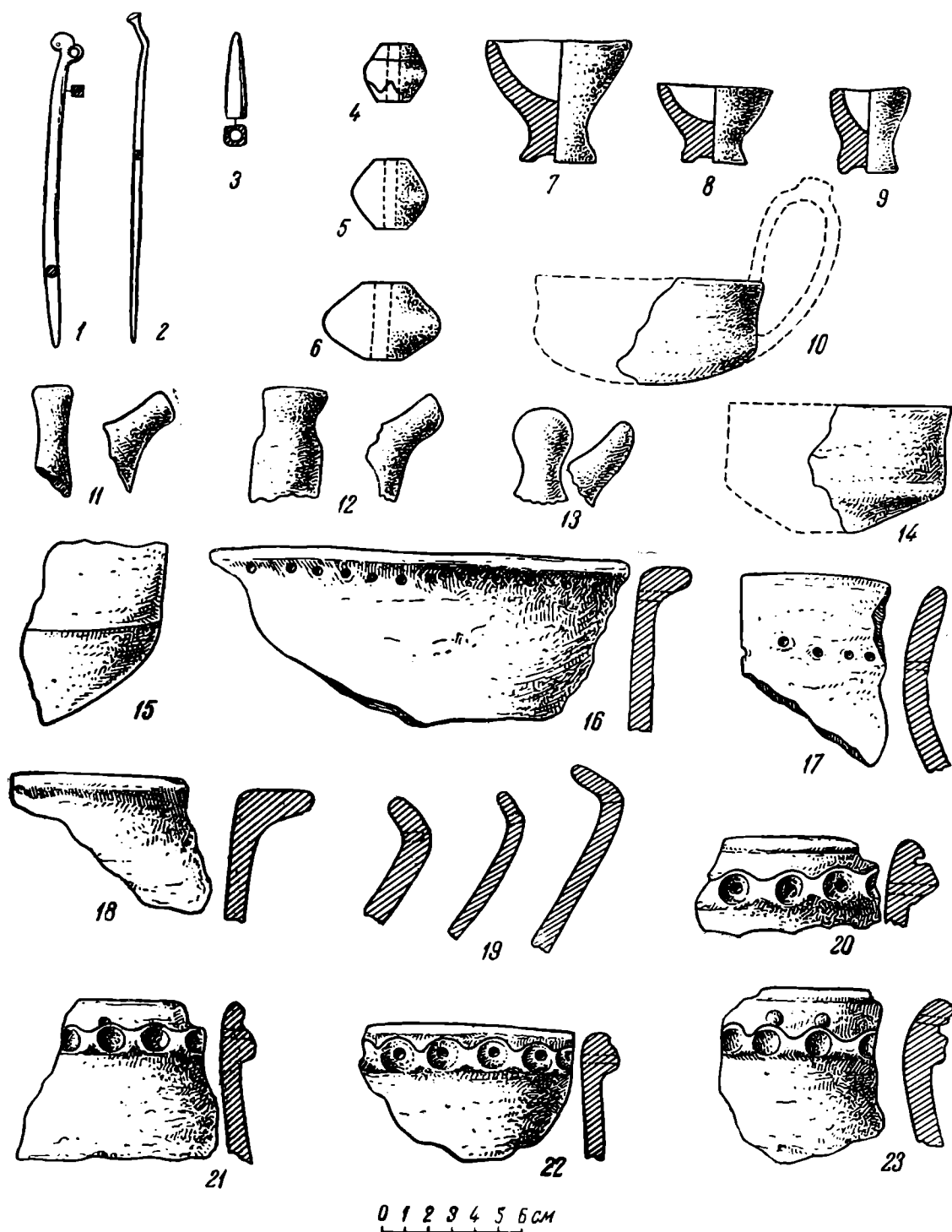

Рис. 32. Находки из заполнения землянки № 1.

Скифии. От среднеднепровских они отличаются отсутствием орнаментального рифления на шейке и формой головки.

Костяная булавка с головкой грифона или орла на конце (рис. 32—1) относится к числу редких находок. Мне известен только один обломок такой булавки, найденный в кургане VI у дер. Новоселки-Гримайловской Каменец-Подольской области¹.

Костяной четырехгранный наконечник стрелы (рис. 32—3) вполне аналогичен широко распространенным, особенно в VI в. до н. э., костяным

⁵ Т. Sulimirski. Scythowie, табл. XI, 1.

наконечникам скифских стрел, хорошо известным также по находкам в курганах Западной Подолии¹.

Фигурка животного, по всей вероятности коня, также может быть сопоставлена с подобными глиняными фигурками, найденными на ранних городищах Среднего Поднепровья — Бельском², Пастерском³, и в зольниках, обнаруженных М. Я. Рудинским на Полтавщине⁴.

Таким образом, все приведенные аналогии свидетельствуют о том, что поселение у с. Селища можно датировать в пределах VI — первой половины V в. до н. э. Учитывая некоторые особенности керамики, его, вероятно, следует относить к концу или второй половине VI — началу V в. до н. э. и считать близким по времени к Шарповскому городищу. Однако только последующие раскопки дадут возможность определить точную дату и выяснить характер хозяйства и быта обитавшего здесь населения.

В процессе разведок Трипольской экспедиции 1951 г. по маршруту вдоль правого берега Днестра вверх от с. Перебыковцы Заставнянского района Черновицкой области (конечного пункта разведок 1950 г.) до с. Крещатик Обертинского района Станиславской области обнаружено лишь одно поселение (у с. Мисуривка Заставнянского района), давшее характерную для лесостепи керамику, датируемую скифской эпохой.

В этом же маршруте были обследованы три поселения в Заставнянском районе Черновицкой обл., два у с. Дорешинцы в урочищах Щовб и Городище и одно у с. Репужинцы в урочище Поселок, где была обнаружена лощеная, часто украшенная каннелюрами керамика, которую польские исследователи считают характерной для культуры фракийского гальштата⁵.

Разведочные раскопки, проведенные на одном из них у с. Дорошинцы в урочище Щовб с целью определения мощности культурного слоя, дали лишь очень невыразительный керамический материал, не позволяющий внести какие-либо дополнения в существующее представление об этой культуре Поднепровья, тесно связанной с Закарпатьем и Дунайским бассейном.

Продолжая сплошную разведку в Кельменецком районе Черновицкой области, Трипольская экспедиция в 1951 г. обследовала еще 14 поселений, относящихся к интересующему нас времени. Это — небольшие открытые селища, как и обнаруженные в прежние годы, расположены поблизости от воды, на мысах, или по склонам оврагов, и представляют собой, по всей вероятности, родовые поселки, в которых жило оседлое земледельческо-скотоводческое население.

Собранный керамический материал вполне аналогичен найденному на селищах, обследованных в этом же районе в 1949—1950 гг. По-прежнему здесь не было встречено ни одного фрагмента греческой керамики. Вся

¹ Т. Sulimirski. Scythowie, табл. XI; табл. IX и др.

² Материал хранится в ГИМ.

³ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г., КСИИМК, XXXI, стр. 158, рис. 44.

⁴ М. Я. Рудинский. Мачухська експедиція інституту Археології, 1946 г., Арх. пам'ятки УРСР, т. II, Київ, 1949.

⁵ Аналогичная керамика известна по коллекциям Львовского исторического музея с поселений у с. Голиграды, городища Городок и др. Т. Сулимирский, Л. Козловский и др. считают их предскифскими, относящимися к VIII—VII вв. до н. э. См. Sulimirski. Die thrakokimmerische Periode in Südostpolen, Wien 1938; Leon Kozłowski. Zapys pradziejow polski potudniowo-wschodniej, Lwow, 1939. Однако эти поселения еще очень плохо изучены. Поэтому нельзя считать решенным вопрос об их датировке, а также об этнической и культурной принадлежности жившего на них населения.

Сотрудником Черновицкого историко-краеведческого музея Б. А. Тимошуком поселения с близкой керамикой были открыты под Черновицами, в Кицманском районе Черновицкой обл. и на р. Серете (материал хранится в Черновицком музее).

местная посуда сделана от руки более или менее тщательно, в зависимости от формы сосудов. Массовая керамика очень близка хорошо известным керамическим материалам, с поселений и из курганов Среднего Поднепровья и Побужья, датирующихся концом VII — первой половиной V в. до н. э. Для лощеной посуды характерны черты, отмеченные еще Т. Сулимирским¹ при анализе посуды из курганов Западной Подолии, отличающие области Среднего Поднестровья от Среднего Поднепровья. На поселениях не обнаружено круглотелых небольших сосудов, украшенных резным орнаментом, затертым белой пастой, столь характерных для территории Среднего Поднепровья. Среди собранного нами материала нет также обычных для поселений и курганов киевской группы богато орнаментированных черпаков. Следует отметить, что керамика с резным и штампованным орнаментом, широко распространенная в лесостепном Приднепровье и в современной Молдавии, представлена здесь незначительным количеством фрагментов. Вместе с тем, на обследованных поселениях чаще, чем на памятниках других областей лесостепной Украины, встречаются фрагменты посуды, по форме и орнаментации близкие к сосудам, бытовавшим в это же время на территории соседних высоцкой, лужицкой и гальштатской культур.

Керамические комплексы, так же, как и встреченные ранее, можно разделить на три группы: к первой относятся комплексы, где имеется преимущественно лощеная керамика, близкая к найденной при раскопках 1950 г. на поселении у с. Ленковцы². Для нее наиболее свойственны слегка лощеные горшки тюльпановидной и баночной формы, украшенные сквозными проколами под венчиком и невысоким валиком с защипами, расположенным или под венчиком или в нижней части шейки. Чарки еще не имеют формы, характерной для скифской эпохи, а близки к известным с поселений эпохи поздней бронзы, типа Белогрудовки и Краснополки на Уманщине. Тулово их лишь слабо профилировано, а ручки сделаны в форме простой петли. Кроме того, встречаются чарки с полусферическим туловом, по форме очень близкие к лужицким, миски со слегка загнутым внутрь краем, часто украшенные желобками или косо расположенными валиками на перегибе, большие биконические корчаги типа вилановы. Отдельными фрагментами представлены сосуды, украшенные резным и штампованным орнаментом.

Поселение у с. Ленковцы по керамике, кремневым серпам, костяному наконечнику стрелы датируется переходным к скифскому времени, в пределах конца VIII—VII вв. до н. э. Следовательно, близкие к обнаруженному на поселении у с. Ленковцы керамические комплексы можно отнести к этой же эпохе. В 1951 г. открыто пять поселений с такой керамикой³.

Во вторую группу объединяются комплексы, отличающиеся от первых главным образом тем, что в них встречаются фрагменты чарок с высокой ручкой, украшенной шишечкой на перегибе, т. е. характерные для скифской эпохи. Эти комплексы посуды можно сравнить с керамикой Немировского городища и датировать VII — первой половиной VI в. до н. э. В 1951 г. такая керамика найдена на четырех поселениях в Кельменецком районе⁴. Наиболее полный набор сосудов этого типа был собран в 1949—1950 гг. на поселении у с. Мерешовка Атакского района Молдавской ССР.

Третью группу составляют комплексы фрагментов посуды, близкие к найденному при раскопках на поселении в урочище Скрыпки и описанному

¹ Т. Sulimirski. Scythowie, стр. 22.

² Материал хранится в ИИМК.

³ Село Берново, урочище Селище; с. Волчино, около маленького ярка; с. Вороновца, урочище Галач; с. Кельменцы, урочище Громивка; с. Ленковцы, урочище под лесом.

⁴ Село Берново, урочище Гряда; с. Волчино, урочище Клино; с. Ленковцы, урочище Подгородино и урочище На горбике.

выше. Для них наиболее характерны грубые горшки с массивным налепным валиком и сквозными проколами под венчиком и лощеные миски с загнутым внутрь краем, часто украшенные проколами и горошинами под венчиком. Обнаружено шесть поселений с такой керамикой¹. Выше уже было сказано о вероятной дате поселения в урочище Скрыпки — вторая половина VI — первая половина V в. до н. э. На этом основании можно предполагать, что аналогичные найденным при раскопках керамические комплексы датируются последующим по отношению ко второй группе керамики перисодом времени. Однако сейчас еще нельзя решить вопрос о том, когда посуда, выделенная нами в третью группу, прекращает существовать на рассматриваемой территории Среднего Поднестровья. До сих пор нами не найдено керамики, которая в IV в. до н. э. сменила на правобережье лесостепного Приднепровья посуду, широко распространенную и очень близкую к описанной, относящуюся к более раннему времени. Это обстоятельство, а кроме того, находка в двух курганах, раскопанных Т. Сулимирским в Западной Подолии², вместе с гончарными сосудами III — II вв. до н. э. обычной лепной и лощеной керамики, совершенно исчезнувшей к этому времени с территории Среднего Поднестровья, дает основание предполагать, что существенной смены керамических комплексов в позднескифскую эпоху здесь не происходило. Однако утверждать этого пока нельзя, так как материала, определенно датирующегося концом V—III вв. до н. э., еще слишком мало.

В заключение следует заметить, что благодаря работам Трипольской экспедиции ИИМК на правобережье Среднего Днестра и исследованиям экспедиции Института археологии АН УССР на левом берегу, на территории Каменец-Подольской области, значительно увеличилось количество данных, необходимых для изучения материальной культуры племен, живших в скифскую эпоху в северо-западной части Среднего Поднестровья. Эти сведения позволяют дополнить и в значительной степени изменить существующие до сих пор представления об этой культуре, основанные главным образом на исследовании Т. Сулимирским курганов Западной Подолии. Вместе с тем нельзя не признать, что для всесторонней характеристики хозяйства, быта и культуры населения указанной области данных еще недостаточно. Необходимы широкие систематические раскопки поселений и курганов скифской эпохи. Одной из важнейших задач является также выяснение роли племен Среднего Поднестровья и их культуры в этногенезе славян. В связи с этим необходимы поиски и изучение памятников, относящихся к позднескифскому времени, до сих пор еще очень плохо известных на Среднем Днестре.

¹ Село Бурдяги, урочища Панское поле и На дубках; с. Янауцы, урочище Долинка; с. Ливенцы, урочище Нора; с. Мушинец, урочище Ленковское поле; с. Мисуривка Заставнянского района.

² T. Sulimirski. Scythowie, стр. 82 и 95.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В БАШКИРИИ

В 1951 г. в Караидельском районе Башкирской АССР были произведены археологические исследования, целью которых являлось изучение памятника, расположенного на левом берегу р. Уфы, в километре выше впадения в нее р. Юрюзани.

Караидельский район примыкает к северо-восточной границе Башкирской республики. Он расположен на Уфимском плато, сложенном из палеозойских известняков и представляющем собой невысокое плоскогорье, изрезанное глубокими оврагами и речными долинами. Среди мощных известняковых гряд, составляющих коренные берега рек, в сравнительно глубоких и узких долинах протекают реки Уфа, Юрюзань, Ай¹.

В археологическом отношении Караидельский район относится к числу почти неизученных. Исследованиями на территории Башкирии охвачены лишь западные ее районы. Разведки, произведенные в Караидельском районе, являлись продолжением работ Южно-Уральской экспедиции ИИМК 1937—1939 гг., в верховьях Юрюзани на территории пограничной с Башкирией Челябинской области².

В 1948 г. в Караидельском районе, на левом берегу р. Уфы, были обнаружены три местонахождения древних памятников, среди которых пункт, расположенный в устье р. Юрюзани, обратил на себя внимание многочисленным и разнообразным подъемным материалом, состоящим из кремня и керамики. Кратковременность разведки, однако, не дала возможности выяснить, каково же взаимоотношение найденных обломков керамики позднего времени с кремневым материалом явно неолитического облика.

В 1951 г. памятник был подвергнут частичным раскопкам. Он расположен на террасе левого берега р. Уфы, возвышающейся на 6 м над уровнем реки. Терраса сложена глинами. В основании ее лежат синие глины, над ними залегает пятиметровая толща желтой глины, выше переходящей в гумусированный суглинок, покрытый на поверхности темным слоем дерна.

С северной стороны, т. е. со стороны наиболее сильных и частых ветров, терраса защищена грядой гор, несколько отступившей от берега реки.

Площадка террасы свыше 200 м длины и 7—8 м ширины занята культурным слоем (рис. 33—А, Б). Резкое несоответствие длины и ширины, а также концентрация находок у обрыва свидетельствуют о том, что сохра-

¹ Х. Н. Тахаев. Башкирия. М., 1950, стр. 47—60.

² С. Н. Бибилов. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII, М., 1950, стр. 95 сл.

нившаяся площадь около 800 кв. м является лишь частью большого поселения.

Памятник оказался двуслойным. Верхний культурный слой, лежащий непосредственно под дерном, принадлежал поселению эпохи бронзы. Этот

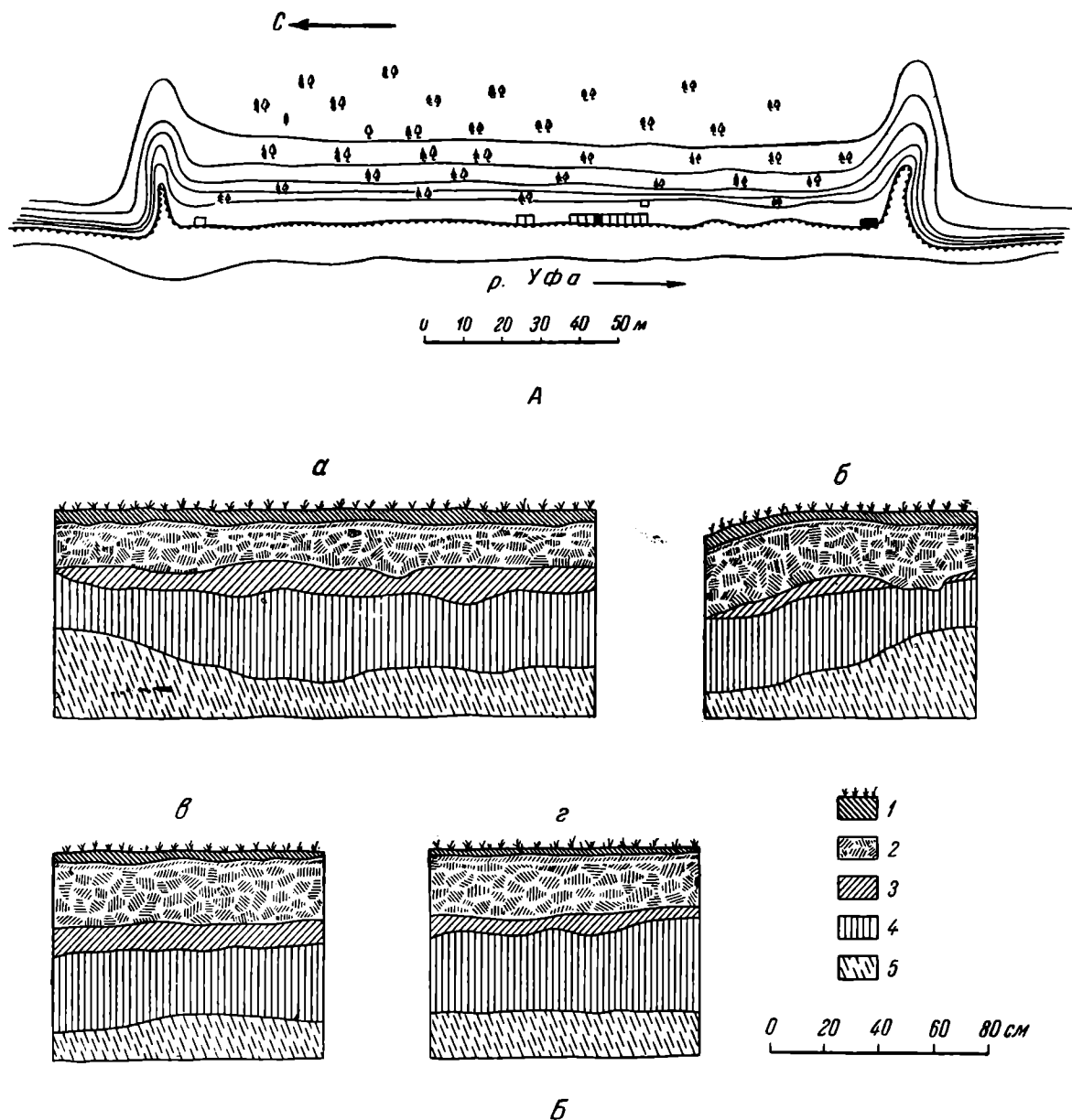

Рис. 33. План Усть-Юрюзанской стоянки (А) и разрезы наслоений (Б):

а — разрез восточной стенки шурфа II; б — разрез северной стенки шурфа II; в — разрез северной стенки квадрата 7; г — разрез восточной стенки квадрата 7; 1 — дерн; 2 — верхний культурный слой; 3 — суглинок с единичными находками; 4 — нижний культурный слой; 5 — материковая глина.

слой по всей раскопанной площади в 66 м² залегал ровной полосой в 0,5—0,55 м толщины без каких-либо западин и углублений. Ниже шла прослойка суглинка, содержащая единичные находки кремня. Всего найдено пять отщепов на площади в 12 м². Толщина прослойки 0,25—0,30 м. Она отделяла верхний слой от нижележащего, относящегося к неолитическому времени. Толщина нижнего слоя доходит до 0,60—0,65 м. Он залегает в желтой глине и чрезвычайно сильно насыщен культурными остатками. Ниже лежит материковая глина (рис. 33—б).

Находки в верхнем слое распределялись на площади неравномерно. Подавляющее большинство их обнаружено вдоль обреза берега. Участки, удаленные от берега, содержали значительно меньше изделий, а на участках, примыкающих к подножию горы (шурф № 1), найдены лишь единичные мелкие фрагменты керамики.

Основную массу находок верхнего слоя составляли обломки сосудов. Кроме них найдены: два куса распиленных длинных неопределимых костей животных, небольшой медный брусок, крупное каменное орудие и незначительное количество изделий из кремня, в том числе скребок, тонкая ножевидная пластина и несколько предметов (как, например, скребков) из окатанного кремня, резко отличающегося по своему характеру от кремня нижнего слоя памятника. Остальные находки являются отщепами и отбросами.

Керамический материал с поселения весьма разнообразен и легко может быть разделен на несколько групп, резко отличных друг от друга по характеру глиняного теста, форме и размерам сосудов и их орнаментации.

Наибольшую группу составляют сосуды из мелкозернистой глины, с незначительной примесью органических веществ, оставивших пустоты и выщербины, отчетливо прослеживаемые по внутренней и внешней поверхности сосуда.

Другую, значительно меньшую группу, составляют тонкостенные сосуды из глиняного теста с примесью слюды, напоминающего слюдянистое тесто, употребляемое для изготовления керамических изделий в эпоху неолита и бронзы на поселениях Восточного Зауралья.

Наконец, наименьшую группу характеризуют сосуды из теста с сильной примесью дресвы.

По форме и размерам, преобладающую группу составляют большие толстостенные сосуды. Диаметр их по венчику — 22—28 см. Венчик прямой или незначительно отогнут. Плечики выпуклы, днище, сохранившееся у одного сосуда, округлой формы. Отделка стенок производилась заглаживанием травой, соломой или щеткой, оставившими на внутренней и внешней поверхностях полосы, беспорядочно направленные в разные стороны.

В другую группу входят небольшие сосуды, с диаметром по венчику 11—13 см. Один из них имеет форму невысокой миски с уплощенным дном. Венчик слегка отогнут.

Многочисленны также обломки венчиков и стенок, по которым форму сосудов в целом установить невозможно. Следует лишь указать, что некоторые из них, судя по размерам венчика, должны были занимать по величине промежуточное положение между сосудами первой и второй групп. Необходимо также отметить разнообразие в форме края сосудов — от почти прямого до сильно отогнутого.

Характерной чертой орнаментации сосудов является расположение узора по венчику и почти полное отсутствие его на стенках (исключение составляют единичные обломки стенок, покрытых редкими неглубокими ямками, имеющими, однако, некоторую закономерность в своем расположении). Орнаментация по венчику разнообразна. Здесь применялись различные штампы для комбинированных узоров, в которых видное место занимают ямки. Однако, несмотря на разнообразие орнамента, можно выделить ряд основных орнаментальных групп.

Большую группу составляют сосуды, орнаментированные одним рядом ямок, расположенных у венчика, иногда на равном одна от другой расстоянии, иногда сгруппированных по две и по три (рис. 34—1). Очень часто ямки являются лишь частью более сложного узора.

В другую группу следует включить сосуды, узор на которых состоит из комбинации ямок и различных штампов. Преобладает штамп подтреугольной или овальной формы. Им нанесены параллельные горизонтальные

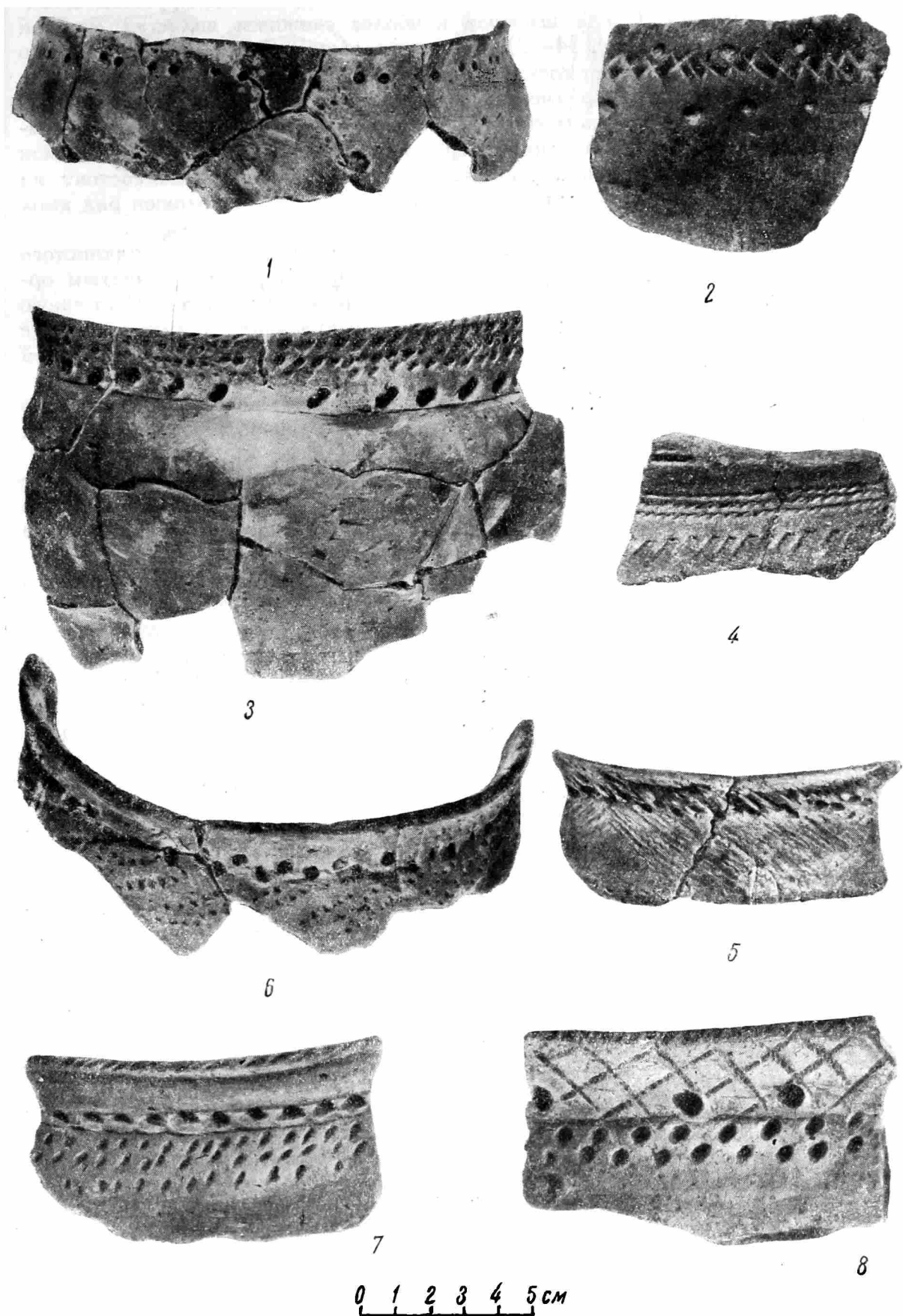

Рис. 34. Керамика из верхнего слоя Усть-Юрюзанской стоянки.

ряды, причем один ряд вдавлений обычно оттиснут более крупным штампом (рис. 34—7). Среди штампов наиболее сложным является двойной овал с перемычкой (рис. 34—3). Орнамент, выполненный им в несколько рядов по венчику, придает сосуду нарядный вид.

Небольшое место в орнаментации занимают отпечатки веревки и гребенчатый штамп. Последним нанесены три вида орнамента, представляющие различные комбинации из линий гребенчатого штампа и рядов ямок (рис. 34—6, 8). Узор, нанесенный перевитой веревочкой, обычно состоит из нескольких параллельных линий, ниже которых опять расположен ряд ямок (рис. 34—4).

В особую группу можно выделить обломки сосудов из слюдянистого теста, украшенные образующим перекрещивающиеся ряды струйчатым орнаментом, характерным для керамики некоторых памятников Восточного Зауралья (рис. 34—5). Орнамент из перекрещивающихся линий в виде знака умножения известен по керамике из верхнего слоя Бурановской пещеры (рис. 34—2).

Таким образом, для керамики Усть-Юрюзанского поселения характерно преобладание крупных толстостенных сосудов, разнообразие формы края и орнаментации.

Следует также остановиться на находке массивного каменного молота с ясно выраженным желобком для прикрепления к рукоятке. Он аналогичен молотам, обнаруженным на некоторых поселениях эпохи бронзы на Урале (Грязное, Гремячий Ручей, Садчиковское поселение)¹.

На основании анализа керамического материала можно высказать некоторые предположения о дате поселения. Значительная часть керамики с Усть-Юрюзанского поселения имеет некоторое сходство в преобладающей форме крупных сосудов и в ряде орнаментальных мотивов с керамикой ранних городищ Башкирии (Кара-Абыз, Воронки, Петер-Тау). Сходство это особенно сильно с керамикой, которую А. В. Шмидт относит к «башкирскому варианту ананьинской культуры»². Это элементы наиболее поздние в керамике Усть-Юрюзанского поселения. Они, однако, не являются единственными, и поэтому относить селище ко времени ранних городищ было бы неверным.

Усть-Юрюзанская керамика содержит и более древние элементы — к ним в первую очередь относятся отдельные фрагменты сосудов, аналогичные керамике из верхнего слоя в Бурановской пещере, а также часть сосудов с гребенчатой орнаментацией. Поэтому в предварительном плане дату Усть-Юрюзанского поселения правильно было бы определить концом периода бронзы, непосредственно предшествующим времени ранних городищ X—VIII вв. до н. э. Как указывалось выше, отдельные группы сосудов имеют сходство с керамикой некоторых памятников Восточного Зауралья, как, например, Макушинское селище (верхний слой), селище Толстик (окрестности г. Свердловска)³.

Караидельский район Башкирии примыкает к территории распространения шигирской культуры — к ее юго-западной границе, которая установлена достаточно определенно. Однако отдельные элементы, характерные для этой культуры, повидимому, проникали в смежные области.

Часть керамики с Усть-Юрюзанского поселения отличается в то же время определенным своеобразием⁴. Прямые аналогии ей неизвестны оче-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, № 21, стр. 158, рис. 8.

² А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Уфа, 1929, стр. 11—13.

³ Раскопки Е. М. Берс, коллекция Уральского гос. ун-та, № 6115, 687.

⁴ Раскопки П. А. Дмитриева, коллекция Уральского гос. ун-та, № 133.

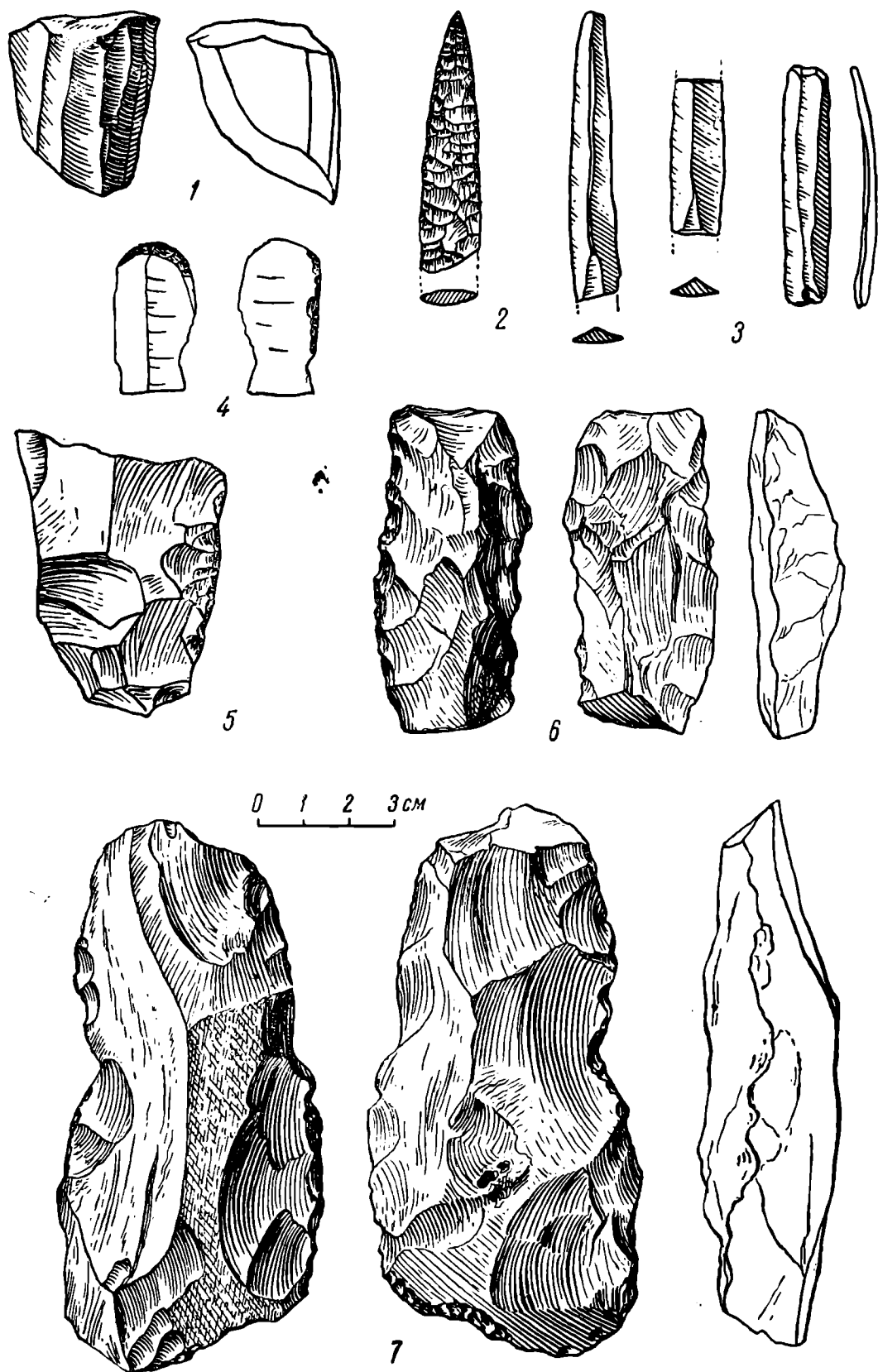

Рис. 35. Кремневые изделия из нижнего слоя Усть-Юрюзанской стоянки:

1 — призматический нуклеус; 2 — обломок наконечника стрелы; 3 — ножевидные пластины;
4 — концевой скребок; 5 — нуклеидное орудие; 6, 7 — заготовки долот и тесел.

видно вследствие того, что поселение окружают большие пространства, до сих пор неисследованные. Недостаточная изученность западного склона Урала не дает возможности для характеристики отдельных культур, существовавших здесь в эпоху бронзы, и установления их территориальных пределов. Однако, если сопоставить некоторые фрагменты керамики с верховьев Юрюзани (Бурановская пещера) с усть-юрюзанской, то легко можно усмотреть общие характерные черты, возможно составляющие ее местную основу.

Задачей дальнейших исследований должно явиться более широкое изучение всего района с тем, чтобы можно было установить местную основу материальной культуры на данной территории в эпоху поздней бронзы и взаимосвязи с культурами, распространенными в прилегающих районах.

Переходя к описанию нижнего слоя памятника, следует прежде всего отметить иной характер залегания культурных остатков. Здесь мы наблюдаем равномерную и сильную насыщенность слоя. На площади 4 м² было найдено до полутора ста кремневых изделий (всего вскрыто 12 м²). Скопления инвентаря, очагов, углублений культурного слоя не наблюдалось. В слое обнаружены лишь отдельные небольшие угольки. Находки представлены исключительно изделиями из кремня. Кремневый материал разнообразен по качеству самого кремня, по форме орудий, по степени и характеру их обработки. Керамика не обнаружена.

Для изготовления орудий применялся светлый, легкий кремнистый известняк, встречающийся в известняках, слагающих коренные берега реки, темносерый плотный кремень, выходы которого обнаружены в двухстах метрах от памятника, и светлый с вкраплениями яшмовидный кремень, напоминающий орскую яшму.

Кремневый инвентарь можно разделить на группы, из которых наибольшую составляют (не считая отщепов) разнообразные заготовки орудий. В особую группу можно выделить нуклеусы и поперечные сколы с них. Наконец, совсем небольшую группу составляют готовые орудия.

Заготовки крупных орудий — долот и тесел обнаружены в различной стадии обработки. Некоторые представляют собой крупные пластины, носящие следы только нескольких грубых сколов. Другие обработаны сплошь по всей поверхности, иногда намечен рабочий край. Обработка, имеющая совершенно определенный характер, делает заготовки похожими на примитивные орудия. Она заключается в обивке и отеске всей поверхности крупными сколами и незначительной подправке рабочего края. Тщательная, окончательная отделка орудия отсутствует (рис. 35—5—7).

Среди находок есть также заготовки скребков. Сколом, нанесенным поперек пластинки, подготовлен рабочий край, на котором, однако, вторичная обработка отсутствует.

К числу полуфабрикатов нужно отнести ножевидные пластины, найденные в большом количестве (78 экз.); на них нет никаких признаков употребления; обнаружен только один экземпляр с дополнительной ретушью по грани. Размеры их были различны и колебались от 2 до 8 см длины. Узкие и длинные пластинки имели параллельное огранение (рис. 35—3) и соответствовали по размерам и форме фасеткам на призматических нуклеусах, найденных в количестве 12 экземпляров (рис. 35—1). Встречены в большом количестве поперечные сколы с площадок нуклеусов. Подправленный таким образом нуклеус мог быть снова использован для отщепления пластинок.

Наличие заготовок, оставленных в различных стадиях обработки, полуфабрикатов в виде ножевидных пластин, серии нуклеусов и вместе с тем почти полное отсутствие готовых изделий, свидетельствуют о том, что здесь

находилась мастерская для изготовления орудий. Отсутствие керамики в данном случае может служить подтверждением того, что поселения здесь не было.

В инвентаре мастерской совершенно отсутствуют кремневые желваки и отщепы с поверхностной желвачной коркой. Таким образом, нужно думать, что в мастерской не происходило первичных процессов раскалывания кремня.

Орудия представлены двумя наконечниками стрел и тремя скребками. Последние различной формы; два из них имеют следы употребления в виде заполировки рабочего края. Наконечники стрел обработаны тщательной отжимной ретушью сплошь по всей поверхности (рис. 35—2). Однако найдены только обломки пера, поэтому форма наконечников в целом неясна. Удлиненное, тонкое, тщательно оформленное перо напоминает наконечники стрел серовского типа в Прибайкалье.

Мы располагаем небольшим количеством данных, позволяющих определить дату памятника. Мало выразителен в этом отношении сам кремневый инвентарь, отсутствуют территориально близкие аналогии. Среди полуфабрикатов и заготовок труднее выделить формы, которые могли бы быть датирующими или указывали бы на локальные своеобразия.

Целиком комплекс напоминает инвентарь кремневых мастерских различных областей (как например Подкаменная Тунгуска¹, Верхняя Волга²). Это сходство является еще одним доказательством того, что перед нами мастерская для изготовления орудий.

При попытке определить возраст мастерской следует принять во внимание форму наконечников стрел и характер их обработки, наличие шлифованного долота³ и заготовок таких же орудий.

Все это позволяет отнести мастерскую к неолитическому времени, а не к более раннему, о чем, казалось, могло бы говорить отсутствие керамики. Однако известно, что в подобных мастерских керамика зачастую почти полностью отсутствует.

В заключение следует указать на то, что наши знания неолита Башкирии еще крайне ограничены. В 1928 г. А. В. Шмидт, подводя итоги проведенной им в Башкирии экспедиции, писал: «Интересная и важная задача открытия каменного века в Башкирии остается будущим исследователям»⁴.

Действительно, спустя 10 лет памятники каменного века, в том числе и неолитические, в этих районах были открыты и до некоторой степени заполнили пробел⁵. Но все же обширные территории среднего течения р. Уфы и ее притоков остаются до сих пор неисследованными. На территории Башкирии пока неизвестно ни одного поселения неолитического времени. Ближайшей задачей поэтому должны явиться дальнейшие поиски и, в первую очередь, мест поселений. Разведочными работами, охватившими лишь ближайшие к памятнику участки, обнаружена на противоположном берегу р. Уфы еще одна мастерская, содержащая аналогичные формы кремневого инвентаря.

В этом районе были, очевидно, широкое разработки, связанные с выходами кремня на поверхность. Какова была культура населения, использовавшего эти мастерские, и где население обитало, остается пока неизвестным.

¹ Сборы Э. Гонсиоровского. Материал обрабатывается А. П. Окладниковым.

² Л. Я. Крижевская. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА, № 13, стр. 55—69.

³ Хранится в Уфимском краеведческом музее.

⁴ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 9.

⁵ С. Н. Бибииков. Указ. соч.

О. Н. БАДЕР

КАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В свой пятый полевой сезон в 1951 г. Камская археологическая экспедиция Молотовского университета развернула работы особенно широко, выполнив исследования, предусмотренные договором со строительством Камской ГЭС, а также задания Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского, Молотовского, Соликамского и Кунгурского музеев.

Краткий обзор работ экспедиции начнем с проведенных раскопок. Выбирая объекты для раскопок, мы старались сохранить для науки и охватить исследованиями памятники почти всех этапов первобытной истории Прикамья.

Древнейшим из памятников была Огурдинская стоянка, расположенная на правом берегу Камы ниже Усоля. Здесь, наряду с культурными остатками XII—XIV вв. (родановского типа) оказался кремневый инвентарь микролитического характера, близкий инвентарю Нижнеадищевской стоянки¹, но гораздо богаче. Обильные находки тонких ножевидных пластинок, концевых скребков, резцов и пр. дополняются здесь правильной крупной трапецией позднемезолитического, тарденуазского типа, с вогнутыми боковыми краями (рис. 36).

Мезолитический возраст Огурдинской стоянки не оставляет сомнений. Она является ценным дополнением к первой мезолитической стоянке у Нижнего Адищева. Открытые местонахождения позволяют утверждать существование камского локального варианта мезолитической культуры и предварительно определить некоторые его особенности: ярко выраженную микролитондность кремневого инвентаря, отсутствие наконечников стрел свидерского типа, наличие геометрических трапециевидных вкладышей.

Огурдинская стоянка является самым северным мезолитическим памятником Европы. Ближайших связей следует искать на юго-западе, в Среднем и Нижнем Поволжье, на юге.

Раскопки на поселении Бор I были наиболее крупными. Удалось в основном закончить начатое в 1947 г. изучение этого большого поселения. Оно состояло из 23 четырехугольных полуземлянок, подобных опубликованным ранее². Наблюдения, сделанные при изучении всех жилищ, позволяют реконструировать их как полуземлянки с низкими четырехугольными срубами,

¹ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на реке Чусовой. МИА, № 22, М., 1951.

² О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1949 г., КСИИМК, вып. XXXIX, стр. 89—95.

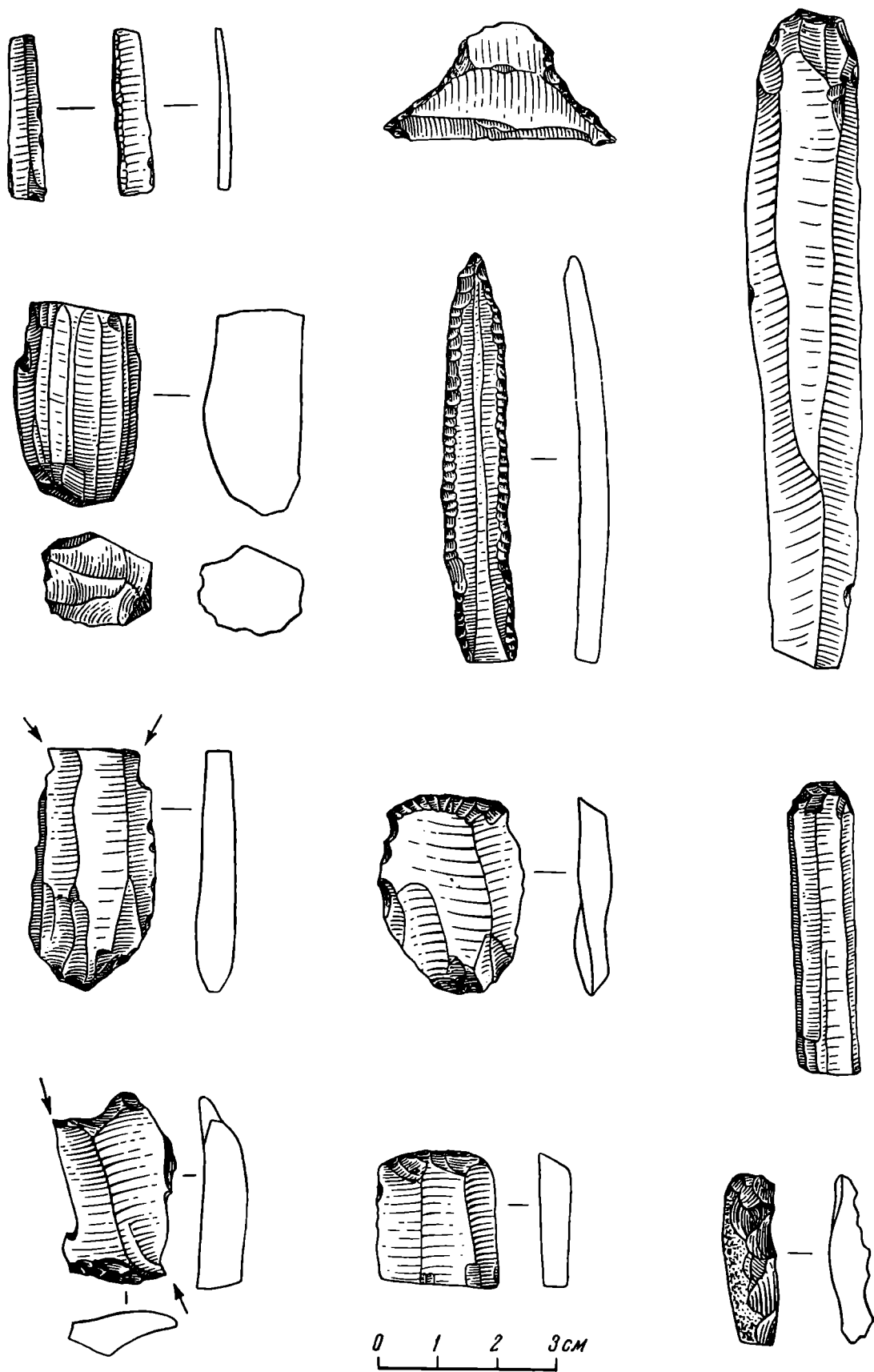

Рис. 36. Кремневый инвентарь Огурдинской мезолитической стоянки.

перекрытыми двускатной кровлей, поддерживавшейся в середине двумя продольными рядами столбов; по той же средней оси располагались очаги в виде простых кострищ; в некоторых более крупных жилищах, помимо обугленных стен, прослежены следы перегородок, деливших помещение на две комнаты. Характер культурных остатков позволяет высказать предположение о существовании в крупных жилищах мужской и женской половин.

Полуземлянки соединялись по две, три и четыре углубленными в землю коридорами. Не исключена возможность существования входов и через

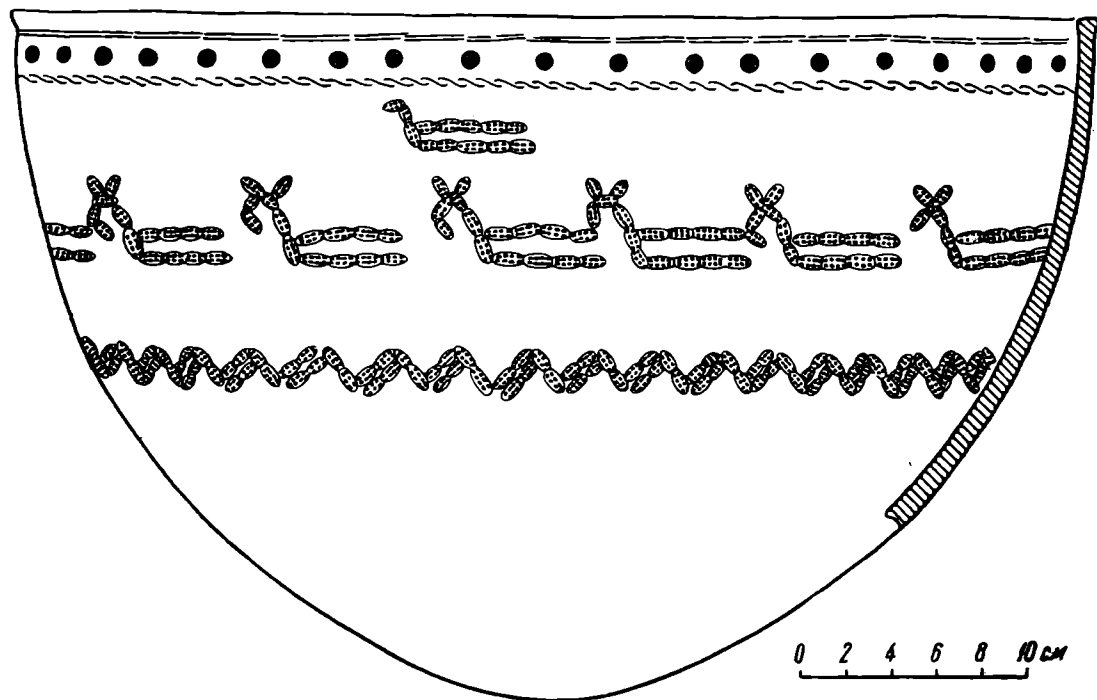

Рис. 37. Сосуд с изображением птицы (?) и лосей со стоянки Бор III на р. Чусовой.

крышу, в особенности у жилищ, отделенных от выходов одним или двумя другими помещениями.

По предварительным данным, все жилища поселения могли существовать одновременно; по крайней мере, обнаруженные на дне ям богатейшие находки относятся к одному культурно-историческому этапу в Чусовском Прикамье, а именно к гаринскому или астраханцевскому этапу турбинской культуры, заполняющему промежуток между левшинским и борским, т. е. к середине II тысячелетия до н. э. В конце III тысячелетия на площади северо-западной части поселения располагалась поздненеолитическая стоянка.

На соседней стоянке Бор II с целью окончательного решения вопроса о наличии здесь жилищ, не обнаруженных при раскопках в 1949 г., была дополнительно вскрыта смежная раскопу пологая впадина; но и в ней следов жилья не оказалось.

На стоянке Бор III исследованы остатки длинного жилища, аналогичного вскрытому на стоянке Боровое озеро VI и относящегося к тому же борскому этапу эпохи бронзы, т. е. к концу II тысячелетия до н. э.¹ Из отдельных находок на этой стоянке укажем сломанную глиняную скульптурную фигурку человека, небольшой целый сосуд, наполненный охрой, круп-

¹ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIX, стр. 93—99.

ный сосуд котлообразной формы, со шнуровым орнаментом вокруг шейки и фигурами животных (рис. 37). Два первых признака служат новыми аргументами в пользу генетической связи между памятниками борского этапа турбинской культуры и ананьинскими.

Пробные раскопки, проведенные в поисках могильника на высоком холме Шишке, господствующем над группой стоянок у дер. Гари, не дали результатов.

Существенный интерес представляет стоянка Базов Бор, открытая нами в 1951 г. в устье р. Иньвы, ибо это первая стоянка, исследованная в Верхнем Прикамье к северу от Чусовой. Здесь удалось вскрыть аналогичную гаринским полуземлянку с коридорообразным выходом. Собранные на площади стоянки находки относятся к разным этапам поздненеолитической и медно-бронзовой эпохи: к левшинскому, гаринскому, а также к раннеананьинскому времени, что напоминает по сложности картину, наблюдавшуюся А. В. Збруевой на Луговской стоянке близ Елабуги. Среди богатого каменного инвентаря с Базова Бора есть несколько медных предметов, в том числе очкообразная привеска (рис. 38—4). Раннеананьинский комплекс Базова Бора окончательно подтверждает вывод о принадлежности Верхнего Прикамья к области распространения ананьинской культуры.

Вскрыты также известные нам по рекогносцировочным работам площади на самом северном из известных до сего времени ананьинских могильников — в дер. Скородум Добрянского района, на берегу р. Полуденной и на соседнем могильнику селище.

На могильнике исследовано первое погребение на дне длинной четырехугольной ямы глубиной 0,7 м. Скелет не сохранился, но, судя по расположению вещей, он был обращен ногами к реке (рис. 39—1). Могильная яма сужалась в этом направлении. В погребении найдены: бронзовый кельт (рис. 39—3), накладная пластинка (рис. 39—2), остатки железной гривны и сосуда архаичного типа, без примеси раковины в глине, очень близкого ананьинской керамике Базова Бора.

Культурный слой селища в дер. Скородум состоит из прослоек почвы, суглинка, золы, угля во впадине (жилище?). Толщина слоя около 1,5 м; он очень богат находками и обещает существенные результаты при раскопках.

Керамика преобладает типично ананьинская, с «воротничками», но хорошо представлена и гляденовская, близкая керамике Турбинского селища¹ против устья Чусовой. Костяные, медно-бронзовые и железные находки на селище богаты и разнообразны (рис. 40), остатки фауны сильно разрушенные.

Дата памятника может быть предварительно определена как IV—II вв. до н. э. Поселение существовало, видимо, непрерывно в позднеананьинское и раннегляденовское время, что подтверждает преемственную связь между ананьинской и гляденовской культурами.

Несколько севернее проведены первые обширные раскопки городища ломоватовского типа, что особенно важно, так как слабая изученность поселений этого типа до сего времени является досадным пробелом в археологии Прикамья. Городище находится близ дер. Опутята, в бассейне р. Малого Туя и расположено на длинной площадке между двумя глубокими логами. Городище защищено с напольной стороны пятью валами. Валами частично защищены и края площадки городища, равной 18 000 м². С внутренней стороны одного из боковых валов раскопками обнаружены следы деревянных укреплений.

Культурный слой типичен для ломоватовских городищ слабой интенсивностью окраски и незначительной мощностью — всего 0,15—0,25 м;

¹ Н. А. Прокошев. Селище у деревни Турбино. МИА, № 1, 1940.

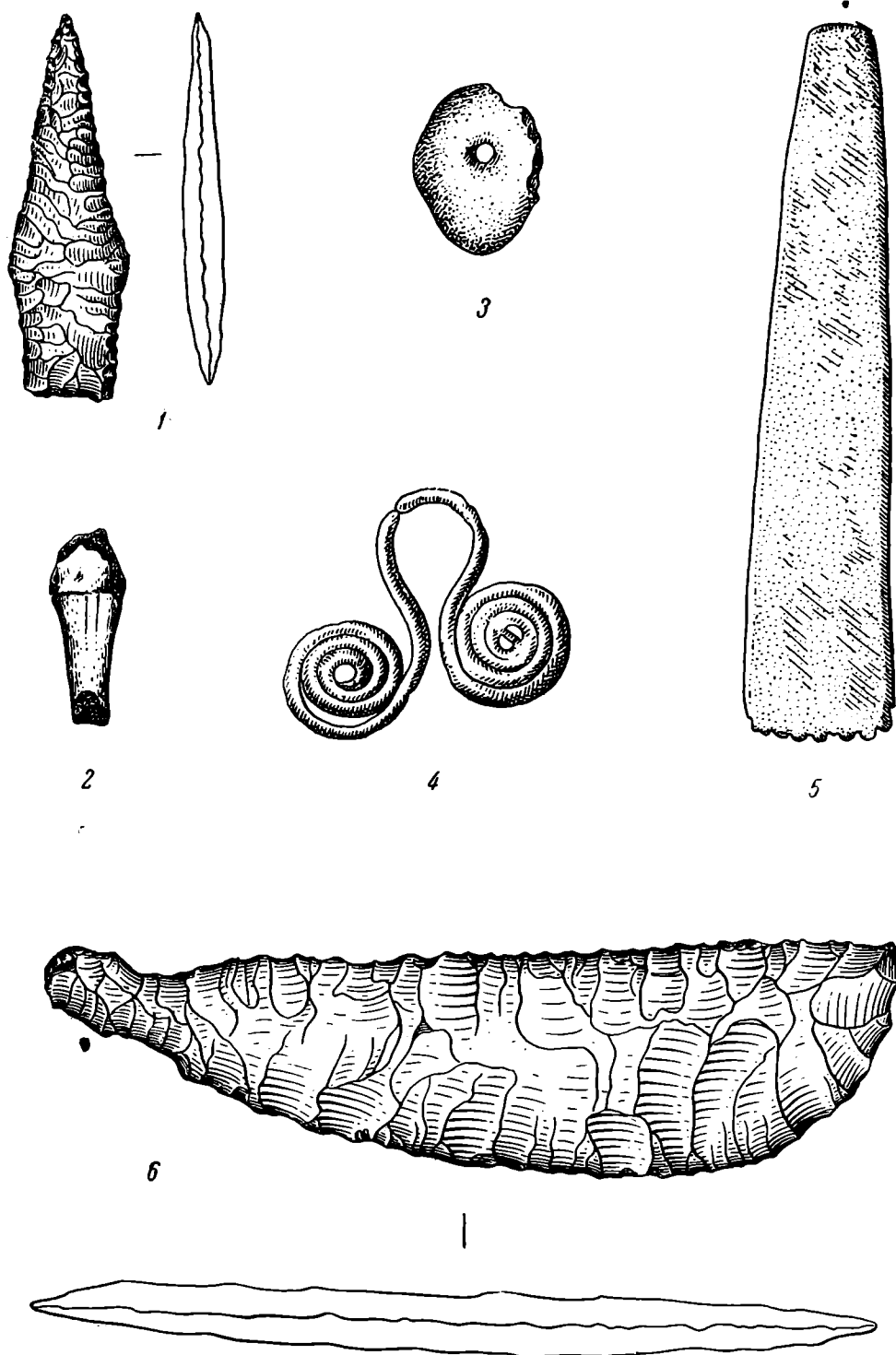

Рис. 38. Предметы со стоянки Базов Бор в устье р. Иньвы:

1 — кремневый наконечник стрелы; 2 — обломок костяного наконечника стрелы; 3 — подвеска из сланца; 4 — медная подвеска; 5 — зубчатый сланцевый штамп для нанесения орнамента на керамике; 6 — нож кремневый с черешком (нат. вел.).

только в пологих углублениях поверхности в центре городища культурный слой достигал 0,5 и даже 0,8 м. Жилищ не обнаружено; их не дают возможности реконструировать и многочисленные ямы от столбов, ибо рядом с ними не наблюдалось ни закономерного расположения очагов, ни соответствующих жилищам скоплений культурных остатков. Находки на горо-

дище вообще очень бедны: они состоят из немногочисленных обломков керамики, костяных, железных и медно-бронзовых предметов; остатки фауны также небогаты и плохой сохранности.

Представляется достаточно ясным, что, несмотря на значительные укрепления, городище не было местом поселения. Наиболее интересной его

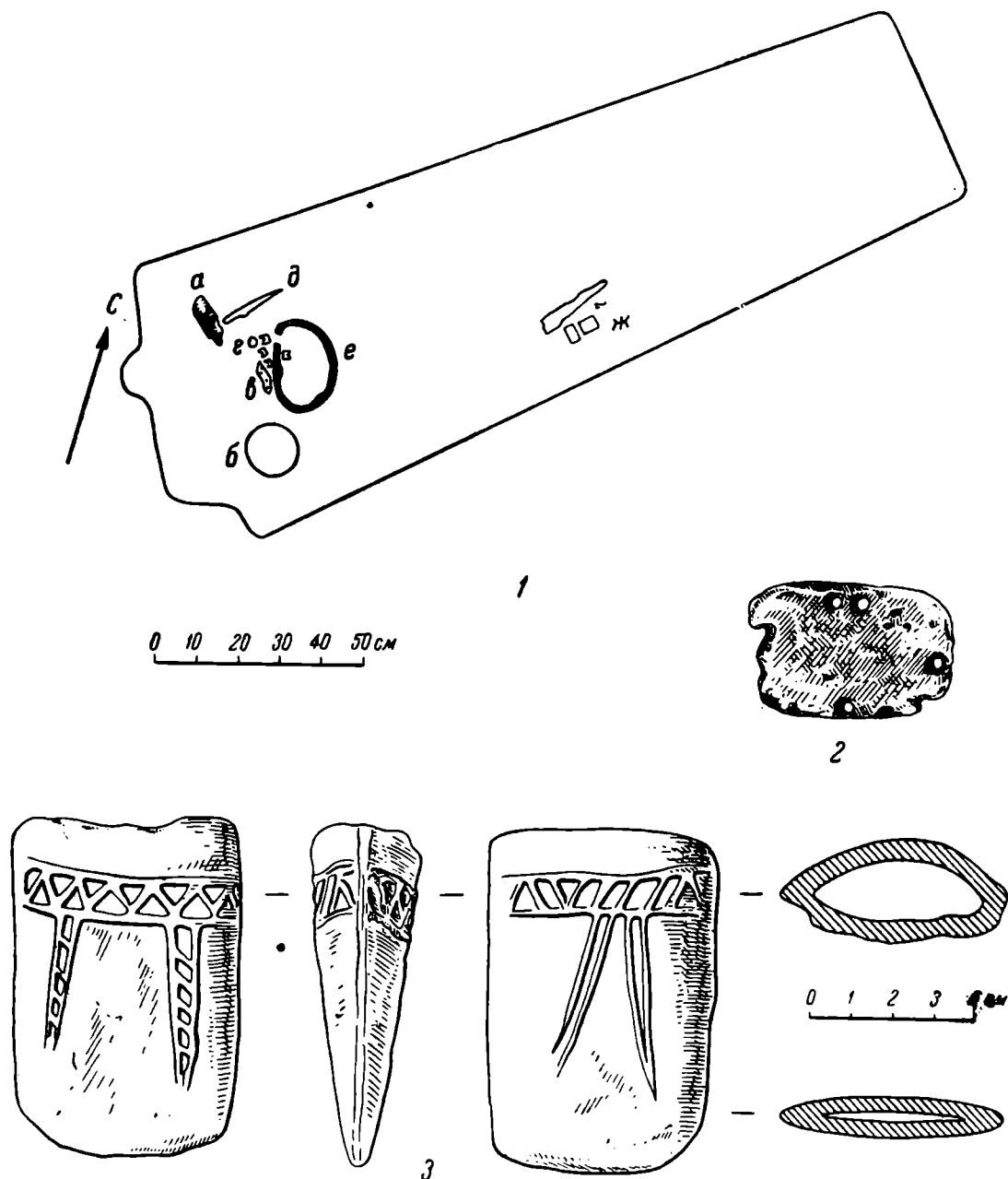

Рис. 39. Могильник у д. Скородум:

1 — очертания могилы и расположение вещей: а — кельт бронзовый с остатками рукояти; б — глиняный сосуд; в — пластинка бронзовая; г — остатки зубов; д — железный нож; е — гривна железная; ж — бронзовая пластинка; 2 — пластинка бронзовая (в); 3 — кельт бронзовый (а).

особенностью являются многочисленные ямы производственного назначения. Они могут быть подразделены по крайней мере на три типа. К первому принадлежат две подчетырехугольные ямы глубиной до 1,2 м, заполненные шлаком, кусками железной руды и кричного железа; на плоском дне ям — круглые углубления с котлообразным дном, соответствующим форме криц, найденных тут же. Эти ямы, повидимому, служили для выплавки железа.

Рядом с ними имеются остатки кострищ с сильно прокаленной глиной, небольшие четырехугольные ямы без находок, с кусками известнякового камня, служившие, быть может, для воды, и многочисленные ямки от столбов, которые могли поддерживать покрытия; возможно, это остатки кузниц, что подтверждается обилием найденных здесь железных шлаков.

Для ям второго типа характерны пятно сильно прокаленной глины на дне и прослойки угля и глины в нижних горизонтах. Назначение ям неясно. Судя по обилию керамики у одной из них, они могли иметь отношение к гончарному производству.

Третья группа ям аналогична второй, но здесь нет следов огня.

Установление назначения всех этих ям позволит выяснить назначение самого городища.

Особенно интересны две жертвенные ямы, обнаруженные недалеко от описанных. Каждая из них содержала крупные фрагменты двух-трех сосудов большого диаметра и кости, преимущественно черепа лошади и коровы.

Раскопки городища будут продолжены на больших площадях.

Были произведены также раскопки на одном из крупнейших памятников родановской культуры — Кыласовом городище (Анюшкар), защищенном мощным валом. Хорошая сохранность всей площади городища (16 000 м²) побудила экспедицию избрать его объектом многолетних раскопок, которые должны пополнить данные, полученные М. В. Талицким на Родановском городище. Проведенные работы показали, что выбор памятника был сделан удачно.

Сложные культурные напластования городища могут быть подразделены на два основных слоя. Верхний, толщиной до 1 м, содержит массу находок и различных деталей сооружений, зафиксированных на горизонтальных и вертикальных зачистках. У подножия вала, на краю площадки обнаружены два очага в виде больших пятен красной пережженной глины. Между ними стоял целый глиняный сосуд. В полуметре находилось большое скопление раковины рядом с кучей необожженной желтой глины. Около южного очага найдены еще два раздавленных сосуда. Южное очажное пятно, представлявшее вероятнее всего остатки развалившейся глинобитной гончарной (?) печи, было обрамлено бревенчатым срубом. Пространство между очажным пятном и срубом было заполнено гравием и щебенкой.

Северное очажное пятно более мощное; толщина слоя обожженной глины достигала до 0,7 м. Вокруг было найдено очень много железных шлаков и шлакированных криц. Со стороны площадки городища в подстилающем этот очаг слое прослежен вытянутый в одну линию с запада на восток ряд ямок, диаметром 8—10 см и глубиной 20—30 см — повидимому, следы изгороди, отделявшей плавильную и гончарную печи от остальных построек. Поодаль в том же слое, на краю площадки обнаружены остатки еще одной плавильной глинобитной печи, около которой найдены железные и медные шлаки, плавильный тигель и литейная форма.

В том же слое вскрыта и целиком исследована площадка глинобитного тонкого пола жилища. Судя по площадке, помещение было четырехугольной формы, размером 6 × 4 м, с узким глинобитным же выходом. По краям пола и у выхода — остатки бревен сруба. В южном конце дома, напротив входа, ближе к одному из углов, — остатки очага или печи (?) в виде слоя сильно обожженной глины толщиной 28 см. Под глинобитным полом сохранилась повторявшая его очертания прослойка сгнившего дерева. В полу и в подстилающем слое вскрыты два ряда столбовых ям, расположенных вдоль жилища по его середине, параллельно продольным стенам; столбы, несомненно, поддерживали двускатную крышу. Дом был наземным, с крытым коридорообразным выходом. Крыт он был корой, остатки которой найдены на глинобитном полу и над ним в культурном слое.

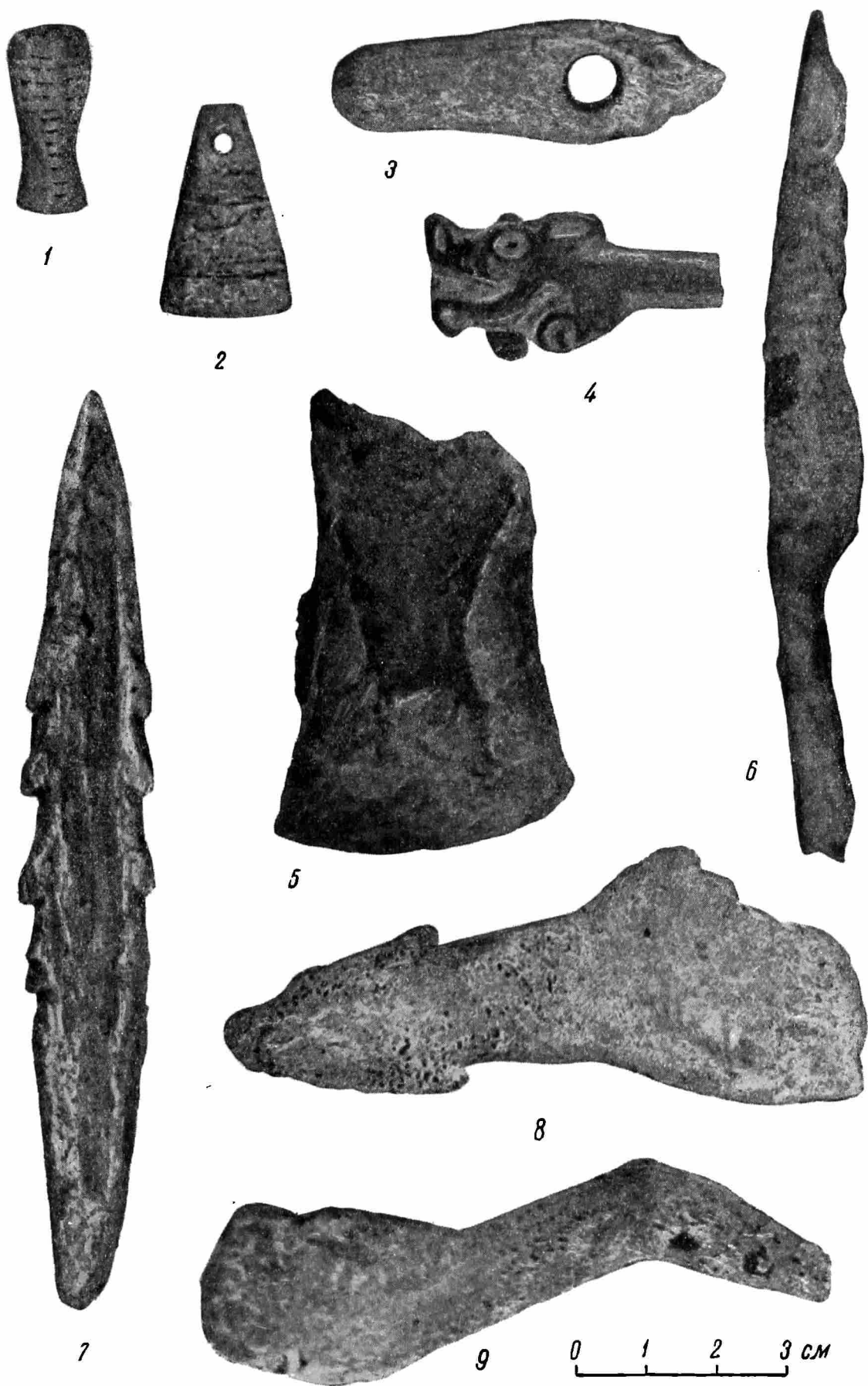

Рис. 40. Предметы из селища у д. Скородум:

1 — глиняная фигурка с орнаментом; 2 — костяная подвеска; 3 — обломок рогового предмета со сквозным отверстием; 4 — бронзовая накладка в виде головы дракона; 5 — железный втульчатый топор или тесло; 6 — железный нож; 7 — среднее зубчатое острие костяной остроги; 8, 9 — ручка костяной ложки (в двух планах), оформленная в виде головы животного.

Из находок на городище наиболее интересны круглые жернова, многочисленные железные и костяные стрелы, кочедыки, три из которых имеют тамги (одна из них аналогична тамге из Вакинского селища), а также овручское шиферное пряслице, янтарная бусина и остатки двух обугленных берестяных шкатулок с богатым набором женских украшений из разнообразных произведений болгарского ювелирного искусства и сердоликовых и хрустальных бус; находка является едва ли не богатейшей из всех находок этого рода в Прикамье.

Керамика верхнего и нижнего слоя — различна. В нижнем слое она крупнее, более толстостенная, с примесью крупнотолченой раковины в тесте; в верхнем — менее крупных размеров, встречается болгарская красноглиняная, есть сосуды с плоскими днищами. Среди находок датирующими для нижнего слоя могут считаться бронзовые колокольчики и подвески IX—XII вв.

В целом Анюшкар может датироваться X—XV вв.

В том же 1951 г. у дер. Баяны Добрянского района карьером был разрушен очень богатый могильник. Часть вещей удалось получить Молотовскому университету. Экспедицией проведены срочные охранные раскопки; изучены лишь остатки, вероятно, крупного могильника. Вскрыты семь могил глубиной 0,5—0,6 м, ориентированных на запад, восток и север. В каждой было по одному скелету, вытянутому на спине. В числе захоронений — погребение воина, сопровождавшееся железным копьем, ножом, стремянами, медными браслетами; богатое женское погребение, в котором обнаружены шумящие подвески, ожерелья из бус и кисть пронизок; детское, где найдены бусы и шумящая подвеска. Среди вещей, включая полученные из разрушенных погребений, много шумящих подвесок — коньковых, арочных и пр., браслеты, бусы медные и стеклянные; кожаные пояса с медными (?) бляшками, железные топоры, стремяна, удила, однолезвийные мечи и пр.

Баяновский могильник аналогичен Загарскому и относится к IX—X вв. Его богатый материал, а также материалы, известные прежде из ранних слоев обследованных городищ, позволяют уже достаточно полно выявить ранний этап родановской культуры, обладающей определенными чертами, связывающими ее с ломоватовской¹.

При разведочных работах, выполненных экспедицией для Кунгурского музея, у дер. Усть-Иргино, на левом берегу Сылвы (Суксунский район, Молотовская область) вскрыто два полуразрушенных и два находившихся под непосредственной угрозой разрушения погребения на вновь открытом могильнике ломоватовского типа. Полученный материал вполне аналогичен находкам из Неволинского могильника под Кунгуром, отличаясь от них лишь незначительными особенностями. Найденные монеты — сасанидские драхмы Хозроя II (590—628 гг.) и Хормазда IV (579—590 гг.) — подтверждают ту же, что и в Неволине, дату. Дальнейшее исследование Усть-Иргинского могильника интересно тем, что он занимает наиболее южное положение на р. Сылве и может дать материалы, необходимые для решения вопроса о связи ломоватовских памятников бассейна Сылвы с могильниками бахмутинского типа в бассейне Белой.

С теми же охранными целями произведены раскопки четырех погребений на восточном берегу оз. Селянина под Кунгуром, на могильнике, известном по раскопкам А. А. Спицына в 1901 г. и датированном им XII—XIV вв. Полученный богатый материал не позволяет относить памятник

¹ При исследовании памятников каменного и бронзового веков обязанности старших сотрудников (руководителей раскопок) выполняли Э. М. Медникова, Э. П. Соколова, Т. А. Медведева, И. С. Поносова, А. М. Ширинкина, В. П. Денисов, Б. Г. Тихонов, А. И. Чистин; при исследовании ананьинских и ломоватовских памятников — В. Ф. Генинг и В. И. Неприна, родановских — В. А. Оборин.

к родановской культуре и свидетельствует о распространении здесь в болгарское время племен со своеобразной культурой.

К этой же культуре следует отнести и городище Лобач у дер. Пеньки на Сылве, на котором также вскрыта лишь очень ограниченная площадь.

На площадке городища Лобач, защищенной мощным валом, имеется 26 ясно заметных и 13 нечетких впадин, расположенных преимущественно рядами и являющихся, очевидно, остатками жилищ-полуземлянок. Два из них, затронутые раскопками, дают возможность определить конструкцию, отличающуюся некоторым своеобразием: так, стены жилищ строились не из горизонтально положенных бревен сруба, а из вертикально поставленных столбов, промежутки между которыми еще не выяснено как заполнялись. Форма домов четырехугольная, размеры исследованных — $5,5 \times 3,5$ м.

Несмотря на обилие жилищ, культурный слой городища не отличается особой мощностью (может быть вследствие смыывания его с наклонной площадки) и не богат находками. А. В. Шмидт считал городище ломоватовским¹, вероятно, на основании типов бус, керамики и находимых здесь железных трехлопастных черешковых наконечников стрел. Перечисленные вещи, действительно, очень близки ломоватовским, в том числе и керамика (по форме и орнаменту). Но датирует памятник не эта архаичная керамика, а найденная здесь же болгарская: серая и в небольшом количестве красная; городище относится к болгарскому времени и предварительно может быть датировано X—XIV вв.

Керамика с городища Лобач отличается от ломоватовской большим количеством толченой раковины в глиняном тесте, тогда как в ломоватовской ее мало или совсем нет; по этому, как и по другим признакам, лобачская керамика тождественна керамике Селянинского могильника XII—XIV вв., что служит новым подтверждением даты существования городища.

Городище Лобач и Селянинский могильник, находящиеся в одном районе и датируемые одним временем, относятся к одной древней культуре. К ним могут быть причислены Селянинское селище, Копчиковское селище на р. Шакве и, вероятно, Кляповский могильник: перечисленные памятники дали при разведках однотипную керамику. Эта культура, которую можно назвать сылвенской, характеризуется наличием пережиточных ломоватовских черт (в керамике, железных поделках, бусах и пр.). Изучение ее поможет в решении проблем этногенеза народов Приуралья; вероятно, она связана с древними угорскими племенами, а в более позднее время с сылвенскими остяками, упоминаемыми в исторических источниках XVI века.

Наиболее крупной разведочной работой в 1951 г. был маршрут, в котором пройдено 570 км по берегам Камы от истоков до Гайн². Вместо 54 памятников, упоминаемых по этому отрезку Камы в работе И. А. Талицкой³, рукописью которой мы имели возможность воспользоваться, обнаружено всего 14. Кроме того, 18 известных ранее памятников оказались разрушенными, а остальные вообще не были найдены.

Все обследованные местонахождения — поздние. Наиболее интересно большое городище Шудья-Кар X—XI вв., вполне годное для раскопок. Оно принадлежит к числу городищ родановской культуры, отличаясь по материалу от чепецких и удмуртских.

¹ А. В. Шмидт. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. ПИМК, № 9—10, 1933.

² Маршрут проведен под руководством В. А. Оборина, при участии научного сотрудника Удмуртского научно-исследовательского института А. Ф. Трефилова, директора Музея Удмуртской АССР А. Н. Сутягина и др.

³ И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА, № 27, М., 1952.

Неподалеку от городища несколько лет назад найдено (и получено у находчика) массивное серебряное раннесасанидское блюдо с рельефным изображением льва.

Заселенность верховьев Камы в эпоху бронзы, а быть может, и в неолите, доказывается известными ранее находками отдельных каменных орудий у сел. Горлинского и Серьгина, а также находкой в 1951 г. ножевидной пластинки у дер. Щукино.

Результаты обследования привели к заключению, что мнение прежних исследователей верховьев Камы (например, Н. Г. Первухина) о густом заселении верховьев Камы в дорусское время следует считать ошибочным. Археологические памятники встречаются здесь редко. Расположены они двумя группами, что свидетельствует о существовании здесь двух древних центров заселения. Первый находится в Эюэдинском районе Кировской области — место расселения эюэдинских коми-пермяков, второй — в Гайнском районе Молотовской области. По сделанным в маршруте наблюдениям редкое заселение берегов Камы в значительной степени зависит от заболоченности больших участков широкой камской поймы. Следует искать поселения в стороне от современного русла, над поймой, на краю более древних террас, в низовьях небольших притоков Камы.

Поиски В. П. Денисовым древних стоянок в Соликамском районе были безрезультатны.

Из случайных находок очень интересно тонкое серебряное блюдо с позолотой, обнаруженное у дер. Бартым. Это уже пятая находка в одном пункте. На дне блюда изображены два льва, поддерживающие головной убор (?) с сасанидскими эмблемами. Наиболее вероятная дата находки VIII век¹. Интересно, что она обнаружена на краю селища с ломоватовской керамикой.

На месте найденной в 1947 г. чаши² обнаружен сорванный с нее серебряный поддон.

В ближайшие годы на многих из упомянутых памятников будут развернуты широкие раскопки, чтобы сохранить для науки богатейшие, но еще не изученные материалы этого интересного в археологическом отношении района Прикамья.

¹ О. Н. Бадер. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье. Сборник «Западный Урал» Молотовского краеведческого музея, 1952.

² О. Н. Бадер. Бартымская чаша. КСИИМК, вып. XXIX, стр. 84—91.

В. И. МОШИНСКАЯ И В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

ГОРОДИЩЕ АНДРЮШИН ГОРОДОК

Городище Андрюшин городок впервые стало известно археологам в 80-х годах прошлого века, когда с ним ознакомился работавший на южном берегу Андреевского озера И. Я. Слобцов. Его работы здесь носили разведочный характер и свелись лишь к обследованию городища небольшими шурфами и разрезом через ров и вал¹.

Позднее, уже в 20—30-х годах нашего столетия, когда многочисленные памятники на берегу Андреевского озера после длительного перерыва опять стали объектами внимания археологов, Андрюшин городок, непонятно, по каким причинам, выпал из поля их зрения.

В 1951 г., продолжая начатые нашей экспедицией разведки на южном берегу Андреевского озера и поиски мест работ И. Я. Слобцова, мы легко обнаружили близ 2-й Переймы оба городища, упоминаемые И. Я. Слобцовым под именами Андрюшина городка и Жилья. На Андрюшином городке нами произведены раскопки, а на городище Жилье мы были вынуждены ограничиться лишь разведками.

Городище Андрюшин городок расположено на южном берегу Андреевского озера метрах в пятидесяти от современного уреза воды. На нем еще и теперь хорошо различимы следы работ И. Я. Слобцова, и в частности, большая траншея, заложенная поперек вала и рва с северной стороны. Городище имеет овальную форму. Оно 70 м в длину и 43 м в ширину, считая по гребню вала, и состоит из основной части (55 м в длину) и небольшой пристройки подтреугольной формы, примыкающей с юго-запада. Городище укреплено глубоким рвом и валом, высота которого и теперь местами доходит до 4 м. С внутренней стороны вал поднимается над площадью городища не более, чем на 1 м. Такая конфигурация общего профиля Андрюшина городка объясняется тем, что для постройки была использована дюна, возвышавшаяся над окружающим участком берега.

Площадь городища густо заполнена подквадратной формы впадинами различной глубины и размеров, представляющими собой, как показали раскопки, остатки жилищ. Таких впадин можно различить не менее 36 (рис. 41—I). В расположении их усматривается вполне определенная закономерность. Один ряд впадин тесно примыкает к валу и образует, таким образом, овал, повторяющий форму городища, с разрывом в северо-восточной

¹ И. Я. Слобцов. О находках предметов каменного периода близ Тюмени в 1883 году. Записки Западносиб. отд. РГО, кн. VII.

стороне, где, судя по профилю рва и вала, находился въезд. В пределах овала впадины расположены тремя параллельными рядами, по 4—5 в каждом ряду. В подтреугольной пристройке хорошо различимы три впадины — две большие и одна поменьше. Размер впадин различен и колеблется от 4×4 м до 6×9 м.

Одновременно с обследованием городища и съемкой плана была проведена зачистка разреза, сделанного И. Я. Словцовым через ров и вал, которая позволила установить правильность предположения И. Я. Словцова о многократных подсыпках вала. Как отчетливо видно на профиле (рис. 41—II), каждый раз одновременно с подсыпкой вала и углублением рва происходило и некоторое его передвижение к периферии, что повторилось не менее четырех раз. Вместе с тем, профиль показал наличие, на расстоянии 5 м от последнего по времени (четвертого на профиле) рва, еще одного углубления.

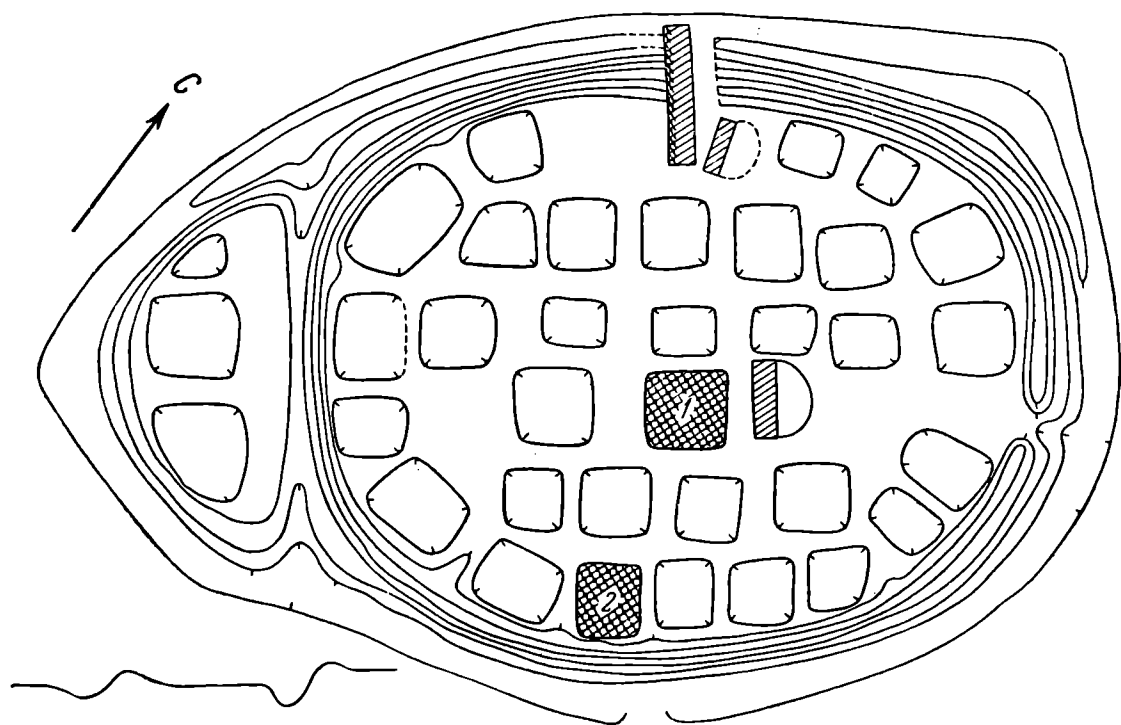
Весьма возможно, что со стороны озера городище было защищено дополнительным рвом (на профиле квадрат 0—1) и небольшим валом, расположенным между обоими рвами (на профиле 3 м). Оказалось справедливым и другое предположение И. Я. Словцова о том, что городище было построено на месте существовавшей здесь ранее древней стоянки¹.

Нами раскопано два жилища, помеченных на плане № 1 и 2. Первое представляло собой землянку размером 6×6 м; в средней части глубина ее равнялась 1 м, а у краев около 0,7 м. Как можно судить по профилю уменьшение глубины к стенам может объясняться наличием вдоль двух стен (с.-з. и с.-в.) широких земляных нар. В центре землянки обнаружено небольшое очажное пятно, вокруг которого встречено значительное количество керамики. В южном углу, на земляном возвышении находились остатки углового очага, имевшего глиняную обмазку. Рядом с ним можно было проследить углубление ниже пола землянки (в средней ее части), достигавшее 0,5 м глубины и несколько более 0,5 м ширины. Оно было вытянуто в направлении с СЗ на ЮВ и уходило за пределы землянки, в борт раскопа. Возможно, что здесь находился крытый выход, сообщавшийся с соседними жилищами. Это обстоятельство следует выяснить при дальнейших раскопках. В завале очажного возвышения обнаружен раздавленный сосуд. Приочажный слой состоял из золисто-углистых скоплений, большого количества костей животных², костей и чешуи рыб, а также многочисленных обломков сосудов. Ям, которые с достаточной уверенностью можно было бы считать за ямы от столбов, не обнаружено. Причина этого, вероятно, в рыхлости песчанистой интенсивно темного цвета почвы, плохо сохраняющей мелкие детали рельефа, а не в отсутствии каких-либо столбов в конструкции жилища.

Землянка бедна находками. Основная масса их, состоящая почти исключительно из обломков сосудов, обнаружена в завале кровли и в приочажных пространствах. Горизонт пола дал небольшое количество керамики, а возвышенные его части вдоль стен не дали почти никаких находок. По аналогии с другими исследованными нами жилищами, а также на основании этнографических данных, можно считать, что эти возвышения остались на месте земляных нар, для устройства которых при рытье землянки вдоль стен оставалась широкая полоса нетронутого материка. Естественно, что на нарах, в период обитания жилища всегда чем-либо покрытых, не могло образоваться культурного слоя, а встречаются лишь отдельные, случайно затерявшиеся вещи.

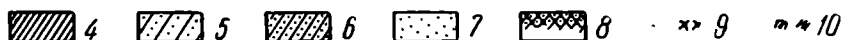
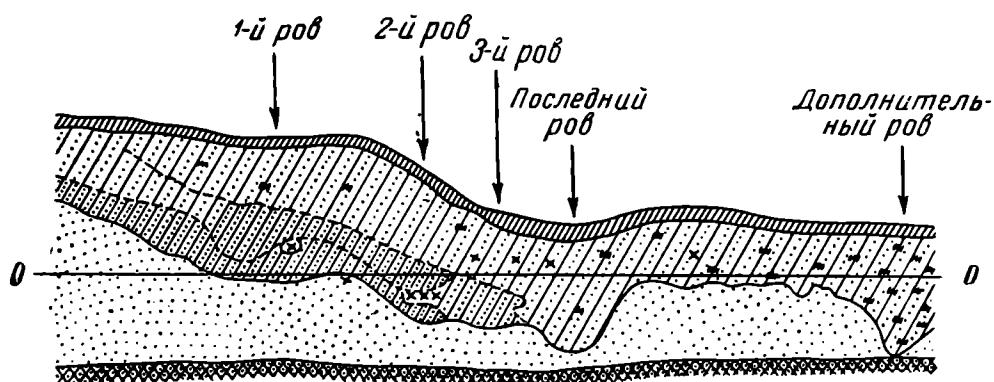
¹ И. Я. Словцов. Указ. соч.

² По определению В. И. Цалкина, кости принадлежат лошади. Кости, судя по сохранности, были сырые и сваренные.

I

0 5 10 15 м

II

Рис. 41. План городища Андрюшин городок (I) и разрез через ров и вал (II).

Зачистка разреза, сделанного И. Я. Слобцовым в 1897 г.

I — раскопки 1951 г. (цифрами 1 и 2 на чертеже помечены номера жилищ); 2 — раскопки И. Я. Слобцова в 1885—1887 гг.; 3 — ямы землянок; 4 — современный дерновый слой; 5 — мелкий иловатый темноокрашенный современный дюнный песок; 6 — то же, более темного цвета; 7 — мелкий светлый песок; 8 — крупнозернистый песок с железистыми натекми; 9 — фрагменты керамики; 10 — примазки угля.

Во второй землянке наблюдалась та же картина, что и в первой. В с.-з. углу обнаружены остатки большого очага, по конструкции приближавшегося к угловому очагу первого жилища. Расположение горизонтов находок аналогично наблюдавшемуся в первой землянке.

Керамика Андрюшина городка в общем идентична керамике с городища из обломков круглодонных сосудов, по форме близко напоминающих ананьинские. Орнаментированы они все без исключения лишь в верхней части. По орнаментации керамику можно разбить на две основные группы: к первой относятся сосуды, преобладающим элементом орнамента которых является шнур; оттиски его образуют широкий пояс вокруг шейки сосуда в сочетании с ямками и в нескольких случаях с оттисками крупнозубой гребенки. Вторая группа характеризуется присутствием в орнаменте оттисков фигурных штампов — крестообразных розетт и решетчатых ромбов, образующих треугольные композиции, располагающиеся на плечах сосудов (рис. 42).

Керамика Андрюшина городка в общем идентична керамике с городища Потчеваш, разница наблюдается лишь в соотношениях указанных орнаментальных групп. В Андрюшином городке керамика первой группы представляет основную массу материала, в городище Потчеваш преобладает вторая группа.

На основании общности керамики, равным образом как и на сходстве в других отраслях материальной культуры, Андрюшин городок, вероятно, может быть отнесен к наметившейся, в результате работ последних лет, культуре эпохи раннего железа таяжных районов Среднего Прииртышья, которую по основному представляющему ее памятнику следует назвать потчевашской. Различия в орнаментации керамики, очевидно, зависят от географического положения обоих памятников.

Городище Потчеваш расположено в непосредственной близости с территорией распространения лесных культур зеленогорского типа, керамика которых, близкая к потчевашской по форме, характеризуется широким развитием фигурных штампов, из которых составляются треугольные композиции, располагающиеся на плечиках сосудов. В орнаментах керамики зеленогорского типа полностью отсутствует шнур. Андрюшин городок, в орнаментации керамики которого явно преобладает шнур, близок к границе территории распространения памятников так называемого зауральского ананьина, да и к территории собственно ананьинской культуры лежит ближе, чем городище Потчеваш. Как известно, для керамики, относимой к ананьинской культуре, характерна шнуровая орнаментация; фигурные штампы отмечены А. В. Збруевой лишь на сосудах с Конецгорского селища — на одном из самых восточных среди известных памятников ананьинской культуры.

Таким образом, перечисленные особенности позволяют нам установить постепенность перехода форм орнаментации керамики в длинной цепи родственных между собой культур Западной Сибири, Зауралья и Прикамья. Отмеченное сходство с зеленогорской и ананьинской культурами в известной степени определяет и общую дату потчевашской культуры, одним из памятников которой является Андрюшин городок. Уточнить же датировку самого городища можно пока лишь до известных пределов. Время существования обильного разнообразным материалом Потчевашского городища занимает, как теперь можно с уверенностью говорить, всю вторую половину I тысячелетия до н. э. Несомненно, что длительность обитания Андрюшина городка была значительно меньшей, доказательством чего может служить незначительная мощность и слабая насыщенность культурного слоя. В орнаментации керамики из Андрюшина городка чаще встречаются мелкие архаического вида фигурные штампы, что не позволяет дати-

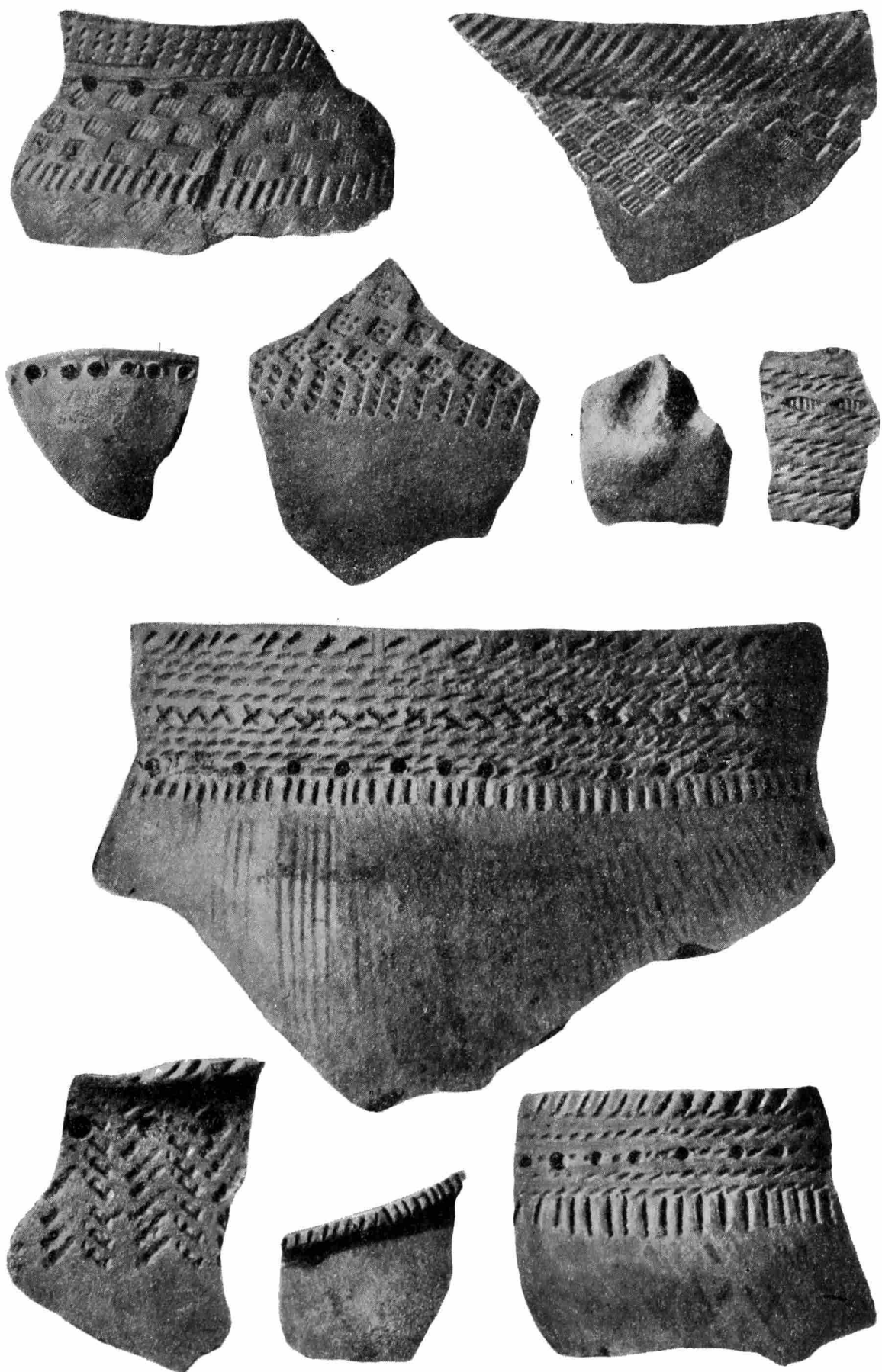

Рис. 42. Образцы керамики с городища Андрюшин городок.

ровать городище поздним этапом потчевашской культуры. Об этом же свидетельствует и большое сходство керамики Андрюшина городка с ананьинской. Таким образом, полагаем, что время существования Андрюшина городка следует отнести к ранним периодам потчевашской культуры, т. е. к V—III вв. до н. э. Конечно, эта дата является весьма ориентировочной и, возможно, в каких-то пределах будет изменена в результате дальнейших работ.

Под горизонтом пола землянок, а также в бортах раскопов, за пределами стен, и в небольшом количестве в завале кровли, обнаружена керамика, резко отличающаяся от городищенской. Аналогичная была встречена и при зачистке траншеи И. Я. Словцова (проведенной через ров и вал) в горизонте, подстилающем первый ров на четвертом метре (см. рис. 41—II). Она имеет много общего с керамикой из стоянок 2-й Андреевской, Липчинской, Сазоновской и с материалами, полученными нами из пункта № 6 разведок на берегу Андреевского озера, в окрестностях городища. Датировка, намеченная для этих стоянок П. А. Дмитриевым¹, нами никоим образом принята быть не может. Оставляя пока в стороне детальный разбор ее, поскольку материал выходит за пределы настоящей статьи, отметим лишь, что памятники эти, как уже было правильно отмечено К. В. Сальниковым², следует относить к эпохе бронзы и датировать серединой II тысячелетия до н. э.

Несомненно, что дюна, на которой был построен Андрюшин городок, обиталась, притом неоднократно, и ранее. Остатки одного из поселений или стоянок, с которыми связана только что указанная керамика, к моменту постройки городища залегали в поверхностных слоях дюны, сложенных тонким песком, насыщенным мелкими частицами озерного ила, придающего темную окраску. Признаки еще одного, более раннего культурного слоя обнаруживаются глубже, в слое эолового, тонкого, светлоокрашенного песка, на глубине 1,5—2 м от современной поверхности. Встреченные здесь немногочисленные фрагменты керамики принадлежат толстостенным, орнаментированным крупнозубой гребенкой сосудам, тесто которых содержит обильную примесь слюды. Возраст этого, самого раннего культурного слоя на дюне, остается пока неясным.

¹ П. А. Дмитриев. Липчинская неометаллическая стоянка. ТСА РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 61 и сл.—Его же. Вторая Андреевская стоянка. Сборник статей по археологии СССР. М., 1938, стр. 93 и сл.

² К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, стр. 99.

Н. В. АНФИМОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМИБРАТНЕГО ГОРОДИЩА

Семибратнее городище, расположенное в низовьях р. Кубани, представляло в древности крупный городской центр восточной части Синдики в период ее самостоятельного существования. Для изучения истории и культуры синдов исследования городища имеют первостепенное значение, особенно, если принять во внимание, что раскопки столицы Синдики — Горгиппии в настоящее время весьма затруднены в связи с тем, что это городище находится под современным городом, и ранние античные слои, как показали разведочные раскопки¹, сильно нарушены. Систематические исследования Семибратнего городища были начаты Краснодарским музеем краеведения в 1938 г. Прерванные войной, они возобновились в 1949 г., когда было начато изучение оборонительных сооружений в северо-восточной части городища². В 1950—1951 гг. экспедициями, организованными Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем, работы были продолжены³. В 1951 г., кроме исследования крепостных стен, экспедиция ставила перед собой задачу изучения исторической топографии города, в связи с чем начат новый раскоп в западной части городища.

Раскоп «Е», расположенный в СВ углу городища по линии крепостных стен, за два последние года был продолжен на север и несколько расширен к западу, в связи с изменением направления крепостной стены. Общая площадь, вскрытая за два года, равнялась 273 м². Мощност культурных слоев достигала 3,1—3,3 м. В хронологическом отношении культурные наслоения делились на четыре слоя. Первый, самый верхний слой, датируется второй половиной III — началом II в. до н. э., второй — концом IV — первой половиной III в. до н. э., третий — IV в. до н. э. и последний, нижний слой — концом VI—V в. до н. э.

К первому слою относятся остатки крепостной (первой) стены III—II вв. до н. э. Стена обнаружена в 1949 г. в южной части раскопа. Далее, к северу, она оказалась совершенно выбранной, и только в раскопе 1951 г. на площадях «XV» и «XVI» выявились отдельные квадры и часть наружного панциря. На площади «XV» от стены сохранились два крупных

¹ В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 245—248.

² Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 238—243.

³ В 1950 г. в экспедиции участвовали: Н. В. Анфимов, Б. В. Козубо, Ф. В. Навозова и Е. И. Чайкин; в 1951 г. — Н. В. Анфимов, Ю. Д. Бацура, Б. В. Козубо и А. К. Коровина.

блока, лежавших в одну линию с ЮВ на СЗ (с отклонением в 5° к З). Они залегали на очень небольшой глубине, под тонким слоем земли, почти выходя на современную поверхность. На расстоянии 5,8 м к СЗ от них сохранился участок наружного панцыря стены, сложенный из плит раковинного известняка и песчаника. Плиты средней величины и обработаны лишь грубой отеской. Наружный панцырь сохранился только на два ряда кладки, на высоту 0,4—0,5 м и в длину на 3,25 м. Плиты нижнего ряда выступали на 0,2 м из-под верхних и являлись, повидимому, фундаментом. Стена I, на вскрытом участке, имела то же направление, что и более ранняя крепостная стена.

В первом слое среди находок преобладали фрагменты остродонных амфор и простой красноглиняной посуды. Из амфорных клейм найдены пять фасосских, три гераклеийских и два синопских. Обломков сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, встречено немного, что, впрочем, отмечено и для остальных слоев. Найдены также фрагменты лепных сосудов, преимущественно горшков, и в меньшем количестве мисок. Фрагментов чернолаковых сосудов найдено сравнительно мало. Необходимо отметить находку небольшой терракотовой протомы Деметры или Кору и мужской гротесковой головки с очень выразительным лицом, со слегка приоткрытым ртом, толстыми губами, оттопыренными щеками, небольшой бородкой и складками на лбу, переносице и у углов глаз. Головка эта полая внутри, нижний край хорошо заглажен (носит законченный характер); на затылке имеются два небольших отверстия. Кроме того, найдены бронзовый рыболовный крючок, глиняный пирамидальный грузик и фрагменты черепицы.

Второй слой — суглинисто-золенный; в нем прослеживались мощные золенные прослойки с обожженной глиняной обмазкой, возможно от разрушившихся и сгоревших строений. В золистом грунте встречены фрагменты керамики, подвергшиеся сильному действию огня. Местами эта прослойка перекрывала кладку крепостной стены V в. до н. э. Следы пожарища должны быть, повидимому, связаны с окончательным разрушением ранних крепостных стен.

Обнаружены остатки двух глинобитных печей, залегавших одна над другой. От них сохранились в основном поды, сложенные из крупных фрагментов остродонных амфор, сверху покрытых глиняной обмазкой. В плане они круглые, диаметром в 1 м. Печи имели, повидимому, куполообразный свод и служили для приготовления пищи и, возможно, выпечки хлеба. К этому же слою относится и завал камней от разрушившегося строения, обнажившийся вдоль западного борта площади XII на глубине около 1 м. Прослеживается он на протяжении 6,5 м и состоит из мелких и средней величины кусков раковинного известняка неправильной формы, среди которых встречаются отдельные более крупные плиты. Характер и назначение постройки возможно будет выяснить при вскрытии соседних площадей.

В золистом грунте встречено много находок, в основном фрагментов простых остродонных амфор. Преобладающими являлись фасосские и гераклеийские, причем обнаружено несколько ручек и горл с клеймами (пять фасосских, три гераклеийских). Найдены обломки простой красноглиняной посуды: одноручных кувшинов, мисок, плоских тарелочек, рыбных блюд, лутериев, кастрюлек и крышек от них. Необходимо отметить довольно часто встречающиеся фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых красной краской (одноручных кувшинов, мисок) и сосудов, покрытых жидким коричневым «лаком» (краской). Фрагменты сероглиняных сосудов — одноручных кувшинов и мисок с несколько загнутым внутрь краем, — изготовленных на гончарном круге, составляют очень незначительный процент по отношению к остальным находкам. Значительно больше встречается

обломков лепных сосудов, представляющих в подавляющем большинстве кухонную посуду — горшки с закопченной наружной поверхностью, средних размеров, со слегка отогнутым наружу венчиком или с прямым краем и выпуклыми боками, большие глубокие миски и миски средней величины. Тесто этих сосудов, как правило, перемешано с толченой ракушкой, что является вообще характерным для лепной керамики Семибратнего городища V—III вв. до н. э. Чернолаковая посуда представлена фрагментами от небольших сосудов-киликов, канфаров, котил, асков, лекифов и др. Кроме того, найдены обломки простых светильников, терракотовая женская протома, пирамидальные грузики, глиняные пряслица, бронзовая пластинка от чешуйчатого пандыря, каменная ступа, зернотерка, обломки черепицы.

К третьему слою относится второй строительный период ранних крепостных стен, который более или менее четко прослеживался только во второй башне, и остатки стены какого-то здания, построенного почти вплотную ко второй куртине. Стена эта, ориентированная с ЮВ на СЗ, сохранилась на протяжении 5,6 м на высоту 0,4 м (двух-трех рядов кладки). Южным концом она подходит вплотную к крепостной стене V в. до н. э., а северным — несколько отклоняется к западу от линии крепостных стен. Сложена она из плоских, средней величины плит раковинного известняка, среди которого попадает песчаник. Плиты подвергнуты только грубой отеске. Незначительные остатки стены, разобранные еще в древности, не дают возможности в настоящее время судить о назначении и планировке постройки.

В этом слое, на всем протяжении раскопа, прослеживались зольные прослойки — следы крупного пожарища. Особенно ясно они выявились во внутреннем помещении первой башни. Необходимо также отметить, что зольные прослойки со скоплениями обожженной глиняной обмазки на этом же уровне прослеживались и в западном раскопе. Следы пожарища указывают на то, что, повидимому, город на грани V и IV вв. до н. э. подвергся нападению и разорению. Вернее всего, что в это же время частично была разрушена и ранняя крепостная стена. Отголоском происходивших крупных военных столкновений в конце V — начале IV в. до н. э. между синдами и соседними меотскими племенами является известный рассказ Полиена о меотянке Тиргатао¹.

К третьему же слою относятся ямы, прорезывающие нижележащий слой и наполненные суглинисто-зольным грунтом — мусором, и остатки глинобитной печи, совершенно аналогичной печам, вскрытым во втором слое. Находки по характеру близки находкам из вышележащего слоя и отличаются в основном типами привозной керамики (амфор, чернолаковых сосудов). Обнаружены амфоры нескольких разновидностей — большие с горизонтальными плечиками, с широким и высоким горлом, с круглыми в сечении ручками и с удлиненной массивной ножкой («колпачковой»), амфоры с широким венчиком (типа Солохи), амфоры с короткой, утолщенной ножкой и др. Чернолаковые сосуды представлены фрагментами аттических киликов со штампованным и резным орнаментом, канфаров, скифосов, рыбных блюд, лекифов, краснофигурных асков с изображением пантеры, светильников и др. Продолжала встречаться и простая окрашенная керамика. Необходимо отметить находку большого пирамидального чеобоженного грузика, представляющего интерес в том отношении, что он дает бесспорные данные для выяснения местного типа керамической глины и указывает на развитие местного производства. Кроме того, найдены бронзовые трехгранные втульчатые наконечники стрел, железное

¹ Полиен. Военные хитрости, VIII, 55.— Тиргатао, ВДИ, № 2, 1948, стр. 218.

зубило, бронзовый киаф, бронзовая спиральная подвеска и др. В мусорно-зольном грунте найдена терракотовая статуэтка, изображающая спокойно стоящую женскую фигуру, несущую на левом плече меньшую фигурку, поддерживая ее правой, поднятой к голове, рукой; от меньшей фигуры сохранились только ноги (рис. 43а). Статуэтка сплошная, обратная

Рис. 43а. Терракотовая статуэтка:

Вторая половина IV в. до н. э.

сторона несколько вогнута и не обработана. Подобные фигуры, держащие на левом плече вторую меньшую, известны из Керчи, Тамани и Беотии¹. Стефани, издавший аналогичную статуэтку, найденную в 1875 г. в гробнице на Митридатовой горе², трактует основную фигуру как изображение богини Деметры, держащей на плече Каллигенейю. В зольных прослойках найдены в довольно большом количестве обуглившиеся зерна ячменя, мягкой пшеницы³ и проса.

Четвертый слой, который датируется концом VI—V вв. до н. э., соответствует времени возникновения и первому столетию существования города. К этому слою относится ранняя крепостная стена, сравнительно хорошо сохранившаяся и открытая на всей площади раскопа (южный отрезок ее раскопан в 1949 г.). За последние два года работ было закончено вскрытие второй куртины, полностью раскопана третья куртина, открыта вторая башня и частично третья. По характеру кладки исследованный участок крепостной стены ничем не отличается от ранее открытой⁴. Кладка состоит из таких же плит раковинного известняка с применением глины в качестве связующего и заполняющего промежутки материала. Стена сохранилась не везде одинаково. Средняя высота куртин равняется 1,5 м (11—12 рядов кладки), северный же конец второй куртины оказался выбранным еще в древности почти до основания; здесь сохранились только один-два ряда кладки.

Длина второй куртины (расстояние между первой и второй башнями) равняется 15,7 м. На месте второй башни стена преломляется и несколько меняет направление, отклоняясь к СЗ. Третья куртина (между второй и третьей башнями) сохранилась на высоту 1,35—1,55 м, имея общую протяженность 18 м. Ширина ее не везде одинакова: вначале — 2,4 м, а на расстоянии трех метров сужается до 2,25 м.

С внутренней стороны куртины, на расстоянии 8,2 м от второй башни, пристроена каменная лестница (рис. 44—1), что увеличивает толщину стены до 4,3 м. Кладка лестницы продолжается до конца куртины, т. е.

¹ Winter, стр. 144, рис. 5.

² ОАК за 1875, стр. XXVII.

³ Определены А. В. Кирьяновым.

⁴ Н. В. Анфимов. Указ. соч., стр. 239—240.

до третьей башни. Длина ее 9,8 м, высота 0,8—1 м, ширина 1,8 м. От лестницы сохранилось семь ступенек (на высоту 0,85 м); каждая из них состоит из двух плоских плит грубой отески, но с хорошо сглаженной поверхностью, что указывает на продолжительное пользование лестницей. Ширина ступенек в среднем равняется 0,20—0,25 м, высота колеблется от 0,11 м до 0,15 м. Лестница была сложена впритык с третьей куртиной и по характеру кладки совершенно аналогична и одновременна с ней. По

Рис. 436. Терракотовая статуэтка V в. до н. э.

отношению к внутреннему панцырю третьей куртины основание лестницы находилось на 0,4 м выше фундамента последнего. Северо-восточная сторона лестницы, примыкавшая к куртине, сильно осела, и в настоящее время ступеньки имеют наклон в 20—23°. У с.-з. конца, примыкавшего к башне, кладка третьей куртины оказалась значительно выбранной, что дало возможность выяснить приемы строительной техники крепостных стен.

Оказалось, что стена V в. до н. э. на всем своем протяжении, вне зависимости от пристройки лестницы, сохраняет и внутренний панцырь. В верхних горизонтах установить это не всегда удавалось, так как во второй строительный период (в начале IV в. до н. э.) кладка основной стены и лестницы производилась уже в переплет. Таким образом, устанавливаются следующие конструктивные особенности в строительстве крепостных стен: первоначально возводилась стена, толщиной в 2,40—2,45 м, которая являлась основной; затем с внутренней стороны каждой куртины пристраивалась лестница, увеличивавшая мощность крепостной стены до 4,30—4,35 м, причем утолщение ее происходило далеко не на всем протяжении и не на всю высоту, так как по мере поднятия лестницы кладка укорачивалась. Таким образом, частичное увеличение мощности крепостных стен не преследовало прямых целей усиления обороноспособности, поэтому за основную толщину их надо принимать первоначальную — 2,40 м.

Выяснение архитектурных приемов в строительстве стен позволяет нам подойти и к разрешению вопроса о первоначальной высоте их. Поскольку установлено, что утолщение крепостной стены происходило исключительно

путем пристройки лестницы, а длина основания лестницы у двух куртин, высота и протяженность известного количества сохранившихся ступенек нам известны, то нетрудно, путем простого математического вычисления, найти и первоначальную высоту лестницы. Так как она вела непосредственно на стену, то высота стены будет близка высоте лестницы. При этом

1

2

Рис. 44. Лестница у третьей куртины (1) и башня вторая со стороны города (2).

необходимо, конечно, учитывать, что ступеньки не подходили вплотную к башне, а лестница наверху несомненно образовывала площадку, длина которой нам остается неизвестной. Это не дает возможности вычислить высоту абсолютно точно, но весьма близкую цифру мы получить можем: высота крепостной стены V в. до н. э. на исследованном участке устанавливается около 6 м.

За последние два года раскопок, как упомянуто выше, открыты две башни. Одна из них (вторая¹ — рис. 44—2), являлась угловой² и находилась между второй и третьей куртинами. Она была прямоугольной формы (длина 7,65 м, ширина 7,35 м) и выступала за линию оборонительных стен на 3,25 м. Стены ее, относительно тонкие (0,85—0,90 м), были сложены из плоских плит раковинного известняка, среди которого встречался плотный песчаник. Камни, составлявшие кладку, — средней величины, неправильной формы и грубой отески. Стены башни были сложены между собою в переплет, а с примыкающими к ним участками куртин — впритык. Сохранились они в высоту 1,5—1,7 м (11—13 рядов кладки). Наружная стена в более позднее время (в начале IV в. до н. э.) была усилена наращиванием с внутренней стороны нового панцыря, который залегал на 0,2—0,3 м выше основания стен. Этот панцырь увеличивал толщину стены вдвое (до 1,70 м), усиливая обороноспособность башни. По характеру кладки внутренний панцырь резко отличался от основных стен и был сложен с ними впритык. Состоял он из более крупных блоков раковинного известняка, подвергнутых только черновой отеске. Сохранился он на высоту 0,5—0,8 м (два-три ряда кладки).

Во внутреннее помещение башни вел со стороны города вход, с хорошо сохранившимся дверным проемом (ширина 1,2 м). Помещение первоначально было 5,70 × 4,15 м; с пристройкой же внутреннего панцыря ширина его сократилась до 3,25 м. В помещении, в северной его части, находилось небольшое подвальное сооружение (длиной 1,5 м, шириной 1,05 м, глубиной 0,7 м) с земляным полом и со стенками, выложенными камнем. Одной стороной оно примыкало к внутреннему панцырю наружной стены башни. При расчистке его от завала камней и грунта найдены: небольшой лепной горшочек, фрагменты амфор и обломков чернолакового сосуда первой половины IV в. до н. э. С западной стороны обнаружена стоящая *in situ* и частично врытая в пол амфора, датируемая IV в. до н. э. Напротив ее в западной стене башни была устроена ниша, путем выборки части камней кладки. В южном углу на уровне пола, соответствующего второму строительному периоду (IV в. до н. э.), сохранились остатки пода глинобитной печи, сложенного на фрагментах остродонных амфор. Так как этот угол еще в древности почти полностью разобран, печь оказалась сильно разрушенной. Под верхним подом прослежены остатки второй, более ранней печи, отделенной от первой прослойкой грунта, толщиной 0,05 м. Необходимо напомнить, что аналогичная печь обнаружена и в первой башне. Весь описанный выше комплекс находок во внутреннем помещении относится ко второму строительному периоду крепостных стен и должен быть датирован IV в. до н. э.

На площади, ограниченной выступами поперечных башенных стен, перед входом в башню, вскрыты две, частично сохранившиеся, каменные вымостки. На запад от южного угла башни, на расстоянии 0,8 м, обнаружены остатки глинобитной печи; под ее сложен на обломках остродонных амфор. Рядом с подом открыта небольшая ямка, в которой лежали 27 округлых галек. Эта находка, в непосредственной близости от печи, дает

¹ Первая башня была раскопана в 1949 г.

² Северный угол башни разрушен в 1942 г.

право предполагать, что раскаленные гальки употреблялись для нагревания воды.

Третья башня, расположенная у с.-з. конца третьей куртины, оказалась почти полностью уничтоженной современным рвом. Сохранился только ее южный угол. По своей форме и размерам она была, повидимому, совершенно аналогична двум остальным башням. Так как крепостная стена на месте башни не делает изгиба, то поперечной (восточной) стеной служит здесь с.-з. фас третьей куртины. Повидимому, только на участке, выступающем за линию крепостных стен, была возведена поперечная стена. Кроме того, от башни сохранилась часть внутренней продольной стены, на протяжении 2,25 м и на высоту 0,6 м (четыре рядов кладки).

Находок в четвертом слое значительно меньше, чем в вышележащих. Керамика представлена в основном обломками остродонных амфор, простой красноглиняной посуды и лепных сосудов. Преобладающими типами амфор являются хиосские пухлогорлые амфоры, некоторые с широкими красными полосами по тулову и коричневыми кружками на горле; встречены также фрагменты сероглиняных амфор с круглыми в сечении ручками (V в. до н. э.), небольших амфор (того же времени) красной глины с блестками и некоторых других типов. Простой красноглиняной посуды найдено сравнительно немного, зато фрагменты лепных сосудов встречались в большом количестве. Лепные сосуды из четвертого слоя по типу несколько отличаются от обнаруженных в верхних слоях; как правило, они имеют тщательно сглаженную наружную поверхность, часто хорошо залощенную. На некоторых горшках нанесен орнамент в виде ямкообразных вдавлений, идущих вдоль верхнего края. Из находок чернолаковых сосудов необходимо отметить обломки краснофигурного стамноса с изображением женской фигуры, датирующегося последней четвертью V в. до н. э. Найдены три терракоты. Первая представляет верхнюю часть большой статуэтки, изображающей сидящую на высоком троне богиню (рис. 43 б). По своему стилю она должна быть отнесена к первой половине V в. до н. э. Вторая — аналогична статуэтке, найденной в предыдущем слое. От нее сохранилась верхняя часть основной женской фигуры и почти полностью меньшая фигура, сидящая на плече. На меньшей фигуре надета высокая стеганая шапка, из-под которой выбиваются длинные волосы, ниспадающие до плеч. Статуэтка покрыта белой заглазурью, на которой местами сохранились следы красной краски. По стилю она должна быть датирована более ранним временем, чем аналогичная ей первая статуэтка. Третья терракота представляет собой крупную женскую голову, с невысокой стеганой шапкой на голове. Она также покрыта белой заглазурью, но сильно обгоревшей. Кроме того, найдены фрагменты светильников, железный ножичек, железный болт, свинцовое пряслице.

Во всех слоях встречались кости домашних животных — свиньи, овцы, коровы, лошади, собаки, а также остатки рыбы (чешуя, кости, «жучки» осетровых). Остатки рыбы в большом количестве были встречены в зольных прослойках и в мусорно-зольных ямах второго и третьего слоев. По предварительному определению В. Д. Лебедева, среди рыб — судак, сазан крупных размеров (весом до 16 кг), осетры, крупная тарань и сом.

* * *

Второй задачей экспедиции являлось изучение исторической топографии города. Раскопки, произведенные по линии крепостных стен (северо-восточный раскоп 1949—1951 гг., северный раскоп и раскоп «В» 1940 г.) показали, что верхние слои датируются здесь III — первой половиной II в. до н. э. Более поздних материалов не найдено. Между тем, при вскрытии

здания в раскопе «А» (1938—1940 гг.) верхний слой, достигавший мощности одного метра, относился к I в. н. э. Уже эти данные указывали на то, что территория города в разные периоды его существования была не одинакова. Для окончательного разрешения вопроса необходимо было произвести раскопки в разных частях города.

В 1951 г. заложен западный раскоп в с.-з. части городища, на невысокой холмообразной возвышенности, сильно расплывшейся и с неясными контурами. От западной границы городища он расположен на расстоянии 45 м, от северной — 40 м. Была вскрыта площадь в 50 м². Толщина культурного слоя в южной части раскопа достигала 2,75—2,80 м, к северу она несколько уменьшалась. Стратиграфия культурных напластований полностью совпадала со стратиграфией северо-восточного раскопа. Здесь также можно было выделить четыре хронологических слоя, охватывающих промежуток времени с конца VI—V в. до II в. до н. э. Верхние три слоя архитектурных остатков не содержали. К третьему слою относилось несколько ям хозяйственного назначения, которые прорезывали нижележащий слой, углубляясь в материк. В большинстве они были наполнены суглинисто-зольным грунтом. Первая яма находилась в ю.-в. углу раскопа и уходила в его борта. В верхней части границы ее были неясны, и только в материке контуры обозначались более четко (длина ямы по южному борту раскопа равнялась 1,35 м, по восточному — 0,8 м). Дно находилось на глубине 3,54 м от современной поверхности. В нижней части ямы обнаружено довольно много остатков рыбы. Найденный в яме материал датировался в основном IV в. до н. э. Вторая яма конусовидной формы была расположена почти в центре раскопа. Глубина ее равнялась 2,4—2,5 м. Стенки ее хорошо сглажены, но никаких следов обмазки не носили. Материал из этой ямы относился ко второй половине IV в. до н. э. Наконец, третья яма несколько более раннего времени вскрыта в ю.-з. углу раскопа. Границы ее в горизонтальной плоскости совершенно не прослеживались, и выявлялась она по вертикальному сечению и более рыхлому грунту, заполнявшему ее. Яма довольно значительных размеров, имела прямоугольную форму. Полностью она не исследована, так как уходила в западный и южный борта раскопа. Длина ее (по западному борту) равнялась 2 м, ширина 1 м. В северной половине ямы обнаружена стоящая *in situ* фасосская амфора, в качестве подставки под которую была использована нижняя часть другой амфоры. Несколько южнее найдена вторая сильно фрагментированная амфора, лежащая вверх дном.

На границе слоя V и IV вв. до н. э., на глубине 1,6—1,7 м, прослеживались по всей вскрытой площади прослойки золы с включениями угля, обожженного сырца и мелких кусков глиняной обмазки, представляющие, по видимому, следы пожаров.

К нижнему слою V в. до н. э. относятся остатки стены, открытой вдоль восточного борта раскопа. Стена сложена из известняковых плит средней величины, неправильной формы, грубо обработанных и не имеющих следов подтесов. Кладка сложена на глине, заполняющей пространство между камнями. Направление стены — с юга на север с некоторым отклонением к востоку, вследствие чего южный конец ее обнажился в раскопе на ширину 1,1 м, между тем как северный отрезок целиком уходит в нераскопанную часть площади и кладка прослеживается здесь только по восточному профилю борта раскопа. Общая протяженность стены 8 м. Сохранилась она на высоту одного-двух рядов кладки (0,36 м). В ю.-в. углу раскопа стена оказалась разрушенной проходящей здесь вышеописанной ямой IV в. до н. э. Кладка представляет собою, по видимому, фундамент стены здания, которое можно датировать V в. до н. э., вероятно второй его половиной.

Находки, сделанные на западном раскопе, тождественны находкам из северо-восточного. Преобладающим материалом здесь также оказались фрагменты остродонных амфор и простой красноглиняной посуды. Некоторым отличием является нахождение в верхних слоях сравнительно большого количества обломков черепицы. Типы черепицы довольно разнообразны и происходят, повидимому, из разных центров производства, в том числе, и с Боспора. Необходимо отметить керамиды без боковых высоких бортов, как например, у боспорских, синопских и других. Они слегка вогнуты и края у них скошены наружу. Глина светлокрасная с небольшой примесью кварцевого песка. Этот тип черепицы составляет довольно значительный процент по отношению к общему количеству находок и был встречен на западном раскопе и на северо-восточном, а также в подъемном материале с юго-западной части городища близ предполагаемого местонахождения главных городских ворот, где на поверхности замечено большое скопление обломков черепицы.

Калиптеры попадались в основном двух типов: с горизонтальной верхней поверхностью и со слегка скошенными наружу боковыми гранями (иногда же вертикальными) и желобчатые. Амфоры по типам чего-либо нового в сравнении с северо-восточным раскопом не дают. В верхних слоях западного раскопа найдены двуствольные ручки амфор II в. до н. э., фрагменты синопских, родосских амфор (последние в незначительном количестве) и амфор второй половины IV—III вв. до н. э. с расширяющейся на конце ножкой; преобладающими же являлись обломки фасосских и гераклейских амфор. Среди найденных амфорных клейм одно родосское II в. до н. э., два синопских III в. до н. э. (1-й и 2-й хронологических групп по Б. Н. Гракову), одно гераклейское конца IV — начала III в. до н. э., три фасосских IV в. до н. э. (одно клеймо на горле), одно херсонесское и одно клеймо неизвестного центра производства. В слое IV в. до н. э. наравне с фасосскими встречены фрагменты больших амфор солохского типа с широким венчиком, амфор IV в. до н. э. с высоким горлом, горизонтальными плечиками, с ручками, круглыми в сечении и с утолщенной на конце ножкой («колпачковой») и др. В слое V в. до н. э. преобладающими являлись пухлогорлые хиосские амфоры, кроме того, найдены фрагменты сероглиняных амфор.

Простая красноглиняная посуда из слоев IV — начала II вв. до н. э. представлена обломками кувшинов, мисок, кастрюлек, тарелочек, лутериев, рыбных блюд. На одном из фрагментов дна рыбного блюда имеется *graffiti* III. Необходимо отметить также фрагмент красноглиняной мисочки со сквозными отверстиями в дне и стенках, служившей, возможно, для приготовления сыра. В слое V в. до н. э. обломки красноглиняной посуды попадают в единичных экземплярах. Кроме простой посуды, в слоях IV—III вв. до н. э. довольно часто встречаются фрагменты красноглиняных окрашенных сосудов (красного и коричневого цветов), в основном кувшинов, мисочек с прямым или загнутым внутрь краем, тарелочек. Обломков сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, найдено сравнительно мало — так же, как и на северо-восточном раскопе. В основном они встречаются в слое IV — первой половины III в. до н. э. Во всех слоях в довольно большом количестве обнаружены фрагменты лепной кухонной посуды; в большинстве это обломки горшков. В верхнем слое найдены обломки мисок, по форме подражающих кастрюлям с горизонтальными ручками. В слое V в. и отчасти IV в. до н. э. большинство лепных сосудов — лощеные; отдельные фрагменты имеют великолепно лощенную, блестящую черную поверхность; некоторые из них — от больших сосудов грушевидной формы, с расширяющимся в средней части туловом, сужающимся к устью и дну (типа скифских корчаг). Так же, как

и на северо-восточном раскопе, в слое V в. до н. э. встречены фрагменты горшков с прямым краем и с орнаментом под ним в виде ямкообразных вдавлений. Обломки чернолаковых сосудов — рыбных блюд, киликов, канфаров в основной массе датируются VI—III вв. до н. э. (на донцах некоторых из них нанесен штампованный орнамент в виде пальметок, кружочков, ободков из черточек).

На западном раскопе найдены также следующие глиняные предметы: пряслица, одно из которых на основании имеет различные значки, нанесенные еще по сырой глине; пирамидальные грузики от ткацкого станка; пробка от амфоры из темносерой глины, грубой работы. Из прочих находок следует упомянуть железные ножички, один с костяной рукояткой; рукоятку от ножа из рога оленя; рога оленя со следами отпилов. Во всех слоях встречались кости домашних животных: свиньи, коровы, овцы, козы, лошади, собаки, а также остатки рыбы (кости, чешуя).

Таким образом, раскопки в западной части городища показали, что наиболее поздним культурным слоем, так же как и на северо-восточном раскопе, является слой конца III — первой половины II в. до н. э. Напластований более позднего времени — первых веков нашей эры здесь совершенно нет: в этот период территория города, повидимому, сюда не простиралась. Незначительная вскрытая площадь не дает еще возможности полностью представить жизнь в этой части города в разные периоды его существования. Во всяком случае, в верхних слоях каких-либо явных остатков жилищ установить не удалось. Обнаружены только обломки черепиц и мелкий бутовый камень. Возможно, что более крупный камень от фундаментов и строений, существовавших здесь, мог быть еще в древности выбран и использован для других целей. Только в нижнем слое открыты остатки здания, которые полностью расследованы не были. В материальной культуре каких-либо отличий от остальной территории города не наблюдалось.

В 1951 г. была раскопана каменная гробница, находившаяся на ЮЮЗ от городища на расстоянии 900 м (рис. 45). Гробница обнаружена на совершенно ровном поле на глубине 0,2 м. Она прямоугольной формы (длина 2,50 м, ширина 1,35 м, высота 1,40 м), сложена из четырех массивных, хорошо отесанных плит раковинного известняка и сверху была прикрыта такой же плитой¹. В продольных стенках сделаны пазы, в которые входили поперечные плиты. Пол гробницы, ориентированной с СВ на ЮЗ, был земляной с некоторым наклоном к западу (в сторону ног погребенного). В момент исследования верхняя плита оказалась сдвинутой и гробница наполнена землей, что указывало на ограбление, повидимому, еще в древности. На дне гробницы обнаружена нижняя часть человеческого скелета, лежащего на спине и ориентированного на СВ. Из инвентаря сохранились два красноглиняных сосуда — флакончик вытянутой формы и небольшой одноручный кувшинчик с трехлепестковым горлом (типа энохой). Флакончик типичен для эллинистического времени и позволяет датировать гробницу III в. до н. э. Аналогичные гробницы, по словам местных жителей, неоднократно встречались на Ю и ЮВ от городища. Необходимо отметить, что на этой же территории на З от городища, несколько южнее исследованной нами гробницы, расположены курганы, раскопанные в 1878 г. Тизенгаузеном². Это дает возможность наметить приблизительную территорию некрополя, окружавшего город с южной и западной сторон.

¹ Размеры плит гробницы следующие: продольных — длина 2,50—2,55 м, высота 1,10—1,15 м, толщина 0,20—0,22 м; поперечных — длина 0,95 м, высота 0,85—1,15 м, толщина 0,15 м.

² ОАК за 1878, стр. VII—VIII.

Подводя краткие итоги проделанной работы, необходимо отметить следующее. В 1951 г. закончено исследование оборонительных сооружений северо-восточного угла города. Ранняя крепостная стена была вскрыта на протяжении около 60 м, причем на этом участке открыто три башни и полностью расчищены две куртины. Впервые удалось установить высоту стен. Более поздняя стена оказалась почти целиком выбранной и сохранилась только на незначительных участках. В южной части раскопа направ-

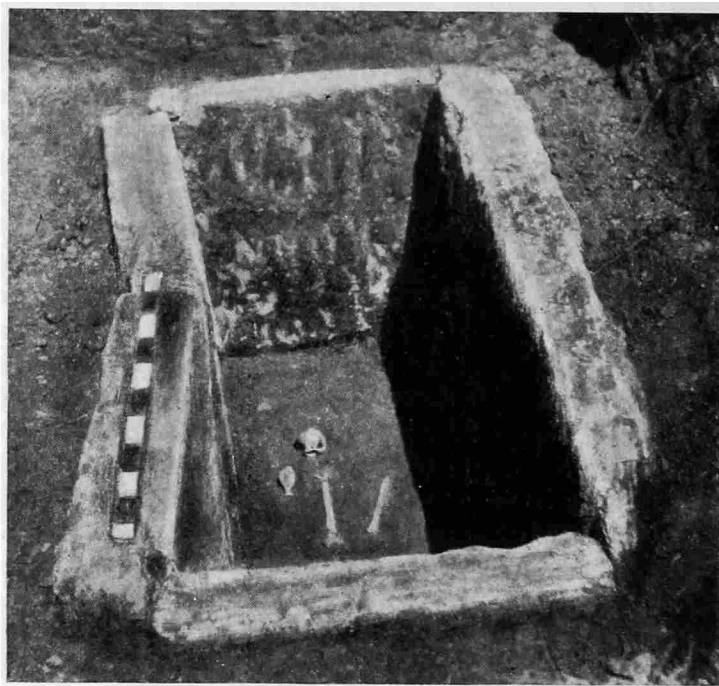

Рис. 45. Каменная гробница, открытая близ Семибратнего городища.

ление ее не совпадало с ранней стеной, и только после поворота, где должна была, повидимому, находиться несохранившаяся угловая башня, стена шла по линии крепостных стен V—IV вв. до н. э. Раскопки подтвердили также ранее сделанные выводы о датировке оборонительных сооружений. Первая крепостная стена была выстроена в первой половине V в. до н. э. На грани V и IV вв. до н. э., когда город подвергался нападениям вследствие происходивших войн с соседними меотскими пле-

менами, стена оказалась частично разрушенной, после чего снова восстановлена (второй строительный период). Повидимому, в самом конце IV в. до н. э. стена уже не существовала. Мы не знаем причин, приведших к этому; возможно, что они также связаны с какими-либо военными столкновениями, сведения о которых до нас не дошли. После разрушения крепостные стены уже не были восстановлены и на их месте через некоторый промежуток времени была выстроена новая стена. При ее строительстве кладка более ранней стены, повидимому, частично разобрана, площадь подвергалась нивелировке, причем местами была произведена подсыпка суглинистого грунта, тщательно утрамбованного, образовавшего своего рода субструкцию, на которой и возведена новая оборонительная стена. По своей мощности она уступала более ранней, достигая всего только 1,9 м. Время сооружения ее должно относиться к III в. до н. э. О времени же, когда эта стена перестала выполнять оборонительные функции, судить пока трудно, так как исследованный участок ее слишком незначителен.

Стены Семибратнего городища в основном повторяют известные античные приемы строительной техники оборонительных сооружений. В этом отношении наиболее близкой является мирмекийская крепостная стена IV в. до н. э.¹, соответствующая второму строительному периоду стен Семибратнего городища. Кладка мирмекийской стены состоит из таких же

¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1938 гг. ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 301.

известняковых плит грубой отески, сложенных с применением глины в качестве вяжущего и заполняющего промежутки материала. Глубоких фундаментов она также не имела. Толщина ее (2,15—2,50 м) соответствует мощности семибратних стен. Наконец, совершенно тождественны и башни, имеющие ту же форму и почти те же размеры. Основным отличием стен Семибратнего городища являются каменные лестницы.

Участок городской территории, примыкавший к стенам, исследован на сравнительно узкой площади, что не дает возможности полностью представить картину жизни в этой части города в различные периоды его существования. Открытие глинобитных печей, довольно большого количества хозяйственного назначения и прослоек обожженной глиняной обмазки от сгоревших строений дает право предполагать, что в отдельные периоды здесь были небольшие дома, скорее всего турлучные, после разрушения которых не осталось каких-либо архитектурных деталей.

Исследования в западной части городища дали важные результаты по исторической топографии города. Как выше уже отмечалось, слоев позднее II в. до н. э. здесь не прослежено. Аналогичную картину мы имеем и для всех трех раскопов по линии крепостных стен. Существовал ли вообще город в первые века нашей эры? Только вскрытие в более широких масштабах городской территории и выяснение стратиграфии культурных наслоений в разных ее частях позволят окончательно разрешить этот вопрос.

Раскопки последних лет дополнили также наши сведения по экономике и культуре города. Получены новые данные о земледелии, скотоводстве, рыболовстве и торговле. Многочисленные находки привозной посуды позволяют установить торговые связи с момента возникновения города в конце VI в. до н. э. Для раннего периода характерным является импорт с Хиоса (судя по амфорным обломкам), затем из Аттики; в IV—III вв. до н. э. преобладающим становится ввоз с Фасоса и из Гераклеи; синопский импорт сравнительно незначителен. Необходимо также отметить, что товары попадали сюда и из Херсонеса, Коса, Родоса и некоторых других центров. Боспорские изделия, в частности черепицы и амфоры, среди керамических находок составляют незначительный процент. Объяснение этому надо искать в том, что такие материалы, как черепица, доставлялись, повидимому, из более близких центров производства, каким могла, например, являться Горгиппия. Не исключена возможность, что при более детальном исследовании найденных на Семибратнем городище черепиц, удастся выделить и местный тип. То же в известной степени относится и к амфорам. Но это ни в коем случае не означает слабое развитие торговых связей с Боспором. Основной торговый путь, в особенности после присоединения Синдики к Боспорскому царству, шел из Фанагории, которая доставляла не только импортные товары, но и предметы собственного производства.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ИТОГИ РАБОТ ОЛЬВИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Работы Ольвийской экспедиции 1951 г. составляли непосредственное продолжение исследований, производившихся в Ольвии в течение ряда последних лет и имевших целью планомерное изучение центральной части города. Вместе с тем были возобновлены раскопки и на территории, со времен Б. В. Фармаковского не подвергавшейся сколько-нибудь значительному исследованию; они произведены в районе римской цитадели — южной, особо укрепленной в первые века н. э. части города. Как и в прежние годы, в экспедиции участвовали сотрудники Ольвийского заповедника при ближайшем участии сотрудников ЛОИИМК¹.

Исследование участка «Е», расположенного к югу от так называемого Зевсова кургана, началось сравнительно недавно, в 1946 г., и проводилось ежегодно в очень ограниченных масштабах вплоть до 1950 г. Из всех участков, подвергавшихся раскопкам в послевоенные годы, участок «Е» несомненно дал наиболее значительные результаты. Раскопки 1946—1949 гг. выяснили, что на этой территории с V по II вв. до н. э. находилась центральная городская площадь, агора, где была сосредоточена общественная жизнь города. Не останавливаясь на характеристике открытых в предыдущие годы частей площади с выходящими на нее сооружениями², считаю нужным обратить внимание на общее значение производимых на участке «Е» исследований. Речь идет не только об изучении определенного городского района. Открытие общественного центра позволяет определить характер и других прилегающих частей города, дает представление об общей его планировке, общем облике; именно здесь естественно ожидать интересных комплексов, важных для истории и истории культуры Ольвии.

В 1951 г. на участке «Е» исследовались два пункта: 1) крайняя северо-восточная часть участка, ограниченная с востока склоном к лиману Буга,

¹ Начальник экспедиции Л. М. Славин, его заместитель и начальник ленинградского отряда Т. Н. Книпович; основные участки исследовались под руководством сотрудников ЛОИИМК — Т. Н. Книпович (участок «М»), Е. И. Леви и А. Н. Карасева (участок «Е»), С. И. Капошиной (участок «А»). Небольшие работы на территории цитадели проведены научным сотрудником Ольвийского заповедника Ф. М. Штителман (участок «Л»).

² О них см. Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXVII, стр. 177 сл. См. также Т. Н. Книпович, Ольвийская экспедиция, КСИИМК, XXVII, стр. 22 сл.; Е. И. Леви. Основные итоги Ольвийской экспедиции, КСИИМК XXXV, стр. 98 сл.

с севера — небольшой балкой, отделяющей участок от соседнего участка «А»; 2) раскопки к западу от предыдущего, около дороги, направление которой совпадает с направлением главной уличной магистрали Ольвии.

Последний раскоп дал особенно интересные результаты. Общая картина залегания культурных напластований оказалась очень сложной вследствие значительных перестроек, изменений и разрушений, происходивших в течение античной эпохи. Обнаруженные остатки относились к длинному периоду — с VI в. до н. э. по начало нашей эры; но наиболее характерный материал (и в отношении строительных сооружений и находок) принадлежит главным образом эллинистическому времени.

Большой интерес представляют частично исследованные остатки здания, отличавшегося исключительной монументальностью. Каменные кладки стен не сохранились, но план здания четко прослеживается по подстилавшим фундаментам слоевым субструкциям, а встретившиеся здесь архитектурные фрагменты дают представление о характере строительства. Здание имело мощные внешние стены (толщиной 2,5—2,6 м) и более тонкую внутреннюю перегородочную стенку (1,3 м); сохранившиеся архитектурные фрагменты указывают на то, что здание было построено из известняка, в дорийском ордере. Оно ориентировано с северо-запада на юго-восток. Пока открыто одно, южное, помещение и часть прилегающего к нему с севера второго, уходящего за пределы раскопа. Время сооружения, судя по стратиграфическим данным и по сопутствующему материалу, — вторая половина IV в. до н. э. Здание существовало, очевидно, и в III в., в позднеэллинистический период, было разрушено и частично перекрыто вымосткой из щебня.

Монументальный характер строения и ряд интересных находок, о которых речь будет впереди, привлекают особое внимание; поэтому проведение исследования сооружения совершенно необходимо.

Период, предшествующий бытованию открытого нами здания, характеризуется находками, относящимися к довольно продолжительному отрезку времени — с первой половины VI в. до н. э. по IV в. н. э. К VI в. до н. э. относятся две ямы в северо-западной части раскопа, заполненные обильным и характерным материалом; среди найденных здесь предметов следует особо отметить расписной ионийский стамнос. Прекрасные образцы архаической керамики были также обнаружены в южной части раскопа, где в одном месте прослежен выход слоя VI—V вв. до н. э.; среди находок интересны обломок ионийского расписного сосуда с изображением оленей, принадлежащего еще к первой половине VI в. до н. э., и обломок аттического чернофигурного сосуда с изображением Геракла (рис. 46—1).

К V и IV вв. до н. э. относятся остатки вымостки из каменных плит и два больших плоских камня прямоугольной формы; у одного из них в центре — прямоугольное углубление, залитое свинцом; под свинцом ничего не обнаружено. Наиболее вероятно, что камни эти служили постаментами для статуй или для памятников с надписями.

К периоду после разрушения монументального здания, близкому началу н. э., относится комплекс девяти ям, круглых в сечении, расположенных близко одна от другой. Ямы содержали много бытового материала. Среди находок особенно характерны амфоры, постоянно одной и той же формы, повторяющей известный тип косских амфор; обнаружены многочисленные обломки простой керамики, особенно лепной. В одной из ям, в зольной засыпи, вскрыты два человеческих захоронения.

Наиболее важной является находка десяти фрагментов мраморных плит с греческими надписями. Из них особенно интересен один — часть мраморной плиты с фронтоном, на тимпане которого — рельефное изображение двух венков; ниже — 18 строк греческой надписи, хорошо читаемой и в большей части сохранившейся. Назначение документа ясно. Это почетный

декрет, в котором упоминаются заслуги по отношению к Ольвии херсонесца Аполлония, сына Евфрона¹, и его сыновей и указываются присужденные им почести. Общая конструкция надписи повторяет тип, обычный для документов такого рода; но имеется ряд деталей, вызывающих к памятнику особый интерес. В настоящей краткой публикации едва ли уместно подробное рассмотрение надписи: ей будет посвящено специальное исследование Е. И. Леви. Ограничусь лишь общей характеристикой.

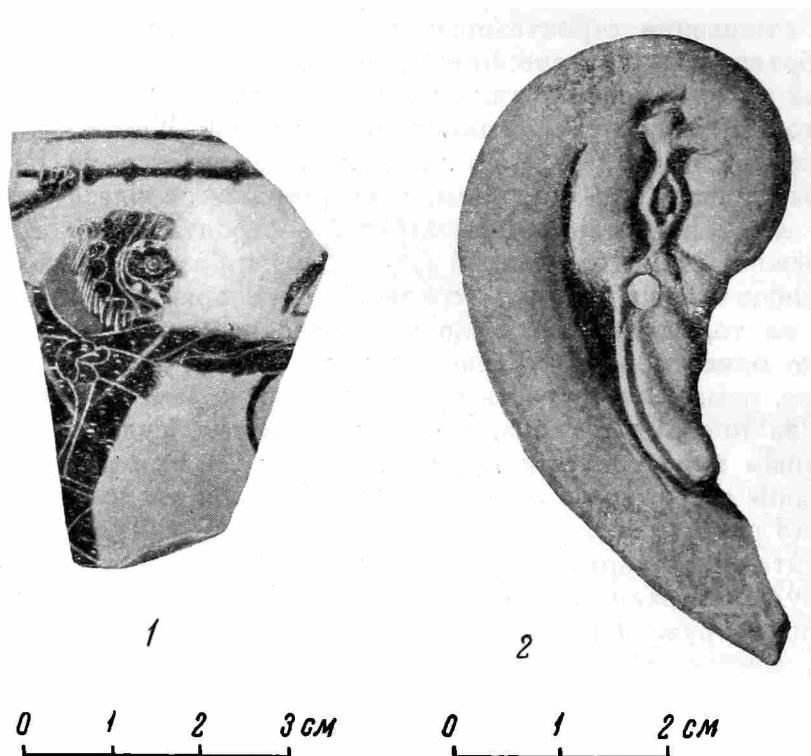

Рис. 46. Находки из Ольвии:

1 — обломки черняфигурного сосуда (участок Е); 2 — обломок костяной пластины (участок А).

По палеографическим признакам декрет должен быть отнесен к III в. до н. э. Речь в нем идет о помощи, оказанной Ольвии херсонесцем Аполлонием и его сыновьями; таким образом, мы получаем еще один документ, говорящий о связи Херсонеса или херсонесцев с Ольвией². Помощь была оказана городу в трудное для него время — так, повидимому, надо понимать слова строки 11-й: διὰ τὴν κοινὴν ἀσθενίαν. Из мероприятий, в которых участвовали упомянутые в надписи лица, указываются какие-то действия военного характера; в строке 9-й читаем: τάξεις ἐποίησαντο, в строке 12-й: δουρεταγμένοι. В качестве наград упомянуто увенчание венками, ранее имевшее место по отношению к отцу, позднее — к сыновьям; отец был награжден также бюстом или статуей (εἰκόν). В последних сохранившихся строках встречаем указание на торжественное публичное провозглашение присужденных почестей. Наконец, отмечу новую деталь из области государственного строя Ольвии; докладчиками (ἐπὶ πόντες)

¹ В начале, в строке 2-й, сохранилось только отчество; но в строке 13-й сыновья названы Ἀπολλωνίου υἱέες.

² О других документах, устанавливающих связь Херсонеса с Ольвией, см. ВДИ, 1951, № 1, стр. 147 сл.

являются *σύμβροι* — должность, до сих пор встречавшаяся в Ольвии только в документах значительно более позднего времени¹.

Даже и сейчас, до специального изучения надписи, ясно, что обнаруженный документ существенно обогащает коллекцию эпиграфических памятников Ольвии. Интересен факт ее находки на территории агоры, вблизи выходящей на площадь центральной городской улицы. Приблизительно на том же месте в 1951 г. найдено еще девять фрагментов плит с надписями. Все они представляют значительно меньшие части надписей; но и некоторые из них бесспорно интересны.

Три обломка, найденные в различных местах того же раскопа, сошлись и составили часть надписи, небольшую, но дающую ясное представление о памятнике. Это фрагмент нижней части надписи, говорящей о каком-то постановлении (*ψήφισμα*), которое решено вырезать на белом камне и выставить в храме Аполлона; сохранившиеся упоминания об издержках (*ἀνάλωσις*), об архонтах, заключительное слово *τέμψαι*, заставляющее предположить отправку куда-то копии надписи — все свидетельствует, что и это — типичный официальный документ, очевидно, почетный декрет. Надпись несомненно, значительно позднее первой, о чем можно судить по особенностям шрифта, отличающегося рядом признаков, и, повидимому, относящегося ко времени не ранее II в. до н. э.² Особый интерес придает упоминание в ней храма (или святилища *ἱερόν*) Аполлона.

Остальные эпиграфические находки, сделанные на том же раскопе, представляют менее значительные части надписей. Большинство их, судя по письму, датируется III и II вв. до н. э. Древнее только один обломок, отличающийся ранним шрифтом, с характерным расположением букв *στοιχίδου* (рис. 47); он относится ко времени не позднее первой половины IV в. до н. э.

Настолько обильный эпиграфический материал — вообще единственный за многие годы раскопок городов северного Причерноморья, во всяком случае за весь советский период. Интересен этот материал и в связи с изучением ольвийской агоры: известно, что сосредоточение надписей в определенной ее части характерно для античных городов. Следует вспомнить, что, помимо найденных в 1951 г. десяти фрагментов, на территории ольвийской агоры в 1947 г. (участок «Е») был обнаружен обломок посвятительной надписи Полимеда, а в 1949 г. — декрет в честь херсонесца Дионисия, сына Тагона³.

Вторым пунктом работ 1951 г. на участке «Е» была его северо-восточная часть, ограниченная с востока склоном к лиману Буга, а с севера — небольшой балкой. Здесь производилось исследование здания V—IV вв. до н. э., изучение которого началось еще в 1949 г.⁴, и площади с напластованиями черепяной вымостки. Исследование здания в 1951 г. было закончено. Выяснилось, что дом состоял из четырех помещений, следующих одно за другим, в направлении с востока на запад. Интересны некоторые специфические для Ольвии особенности строительства. Вход в здание был со склона, с востока; дальше помещения оказались как бы полуподвальными,

¹ Определенное упоминание должности *σύμβροι* встречалось до сих пор в надписи Jos PE I² № 43, начала III в. н. э. На основании этой надписи, В. В. Латышев восстанавливает то же слово в надписях Jos PE I² № 44 и 47, принадлежащих приблизительно тому же времени.

² Насколько можно судить по прорисовке с эстампажа в Jos PE I², стр. 217, шрифт рассматриваемой надписи очень близок шрифту ольвийского списка граждан Jos PE I² № 201; при сходстве письма, в надписи, найденной в 1951 г., отсутствуют некоторые ранние начертания букв, встречающиеся в списке граждан наряду с поздними (например, тэта с точкой посередине, а не с поперечной чертой); возможно, наша надпись позднее.

³ См. ВДИ, 1951, № 1, стр. 142 сл.

⁴ Е. И. Леви. Указ. соч., стр. 179 сл.

частично углубленными в землю. Стены были сырцовые, возведенные на каменном цоколе, сложенном из прекрасно отесанных больших плит известняка. Напомню выяснившиеся еще в 1949 г. детали внутреннего оформления некоторых помещений: сырцовые стены облицованы штукатуркой белого, красного, черного и розового цветов. Сырцовые кладки местами хо-

Рис. 47. Обломок мраморной плиты с греческой надписью (участок «Е»).

рошо сохранились, особенно и одной стены, высотой 0,7 м, с дверным проемом шириной 0,9 м.

С юга ко второму (считая с востока) помещению примыкает помещение подвальное, со стенами, сложенными из хорошо отесанных удлиненных известняковых плит. Внутри его вырыта большая яма, глубиной 3,7 м от уровня пола; в яме оказался обильный материал V — начала IV в. до н. э. Судя по технике постройки, это помещение не связано непосредственно с домом V—IV вв.

С севера от дома V—IV вв. частично расследовано здание III в. до н. э., с той же ориентацией, как и у первого. Стены его не сохранились, обнаружены лишь субструкции, служившие фундаментом. Пока раскрыто крайнее западное помещение и часть соседнего, восточного.

Все остальные строительные остатки, обнаруженные на том же раскопе, очень фрагментарны, их я касаться не буду.

Изучение на территории раскопа черепяных напластований подтвердило наблюдения о длительном существовании здесь площади. На основании прежних работ срок существования определялся периодом с V по II в. до н. э. включительно; наблюдения, сделанные в 1951 г., дают возможность отнести возникновение площади на конец VI в. до н. э.

* * *

В центральной части Ольвии в 1951 г. исследовался также и участок «А», расположенный вблизи Зевсова кургана.

Как постоянно приходится отмечать, специфической особенностью участка «Е» является малое количество обычного бытового материала, что заставляет исследователей рассматривать открываемые здесь строения как здания общественного назначения, а не как жилые дома. В противополож-

ность этому, на участке «А» бросается в глаза обилие бытового материала, характерное для жизни густо заселенных кварталов. Такая картина наблюдалась и в 1951 г. Основной работой на участке «А» было дальнейшее раскрытие большого дома, исследуемого с 1947 г. Дом находится к северу от пересекавшей участок в направлении с востока на запад узкой улицы. В здании расчищен большой и глубокий подвал (размеры — $4,58 \times 3,07$ м; глубина 3,6 м), построенный в IV в. и просуществовавший в течение какой-то части III в. Подвал подвергался повторным перестройкам; первоначально он служил для хранения продуктов, в частности, в амфорах, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь 14 днищ врытых в пол остродонных амфор. Засыпь подвала отличалась обилием культурных остатков, особенно различного рода бытовой керамики, среди которой оказались интересные образцы местных расписных сосудов.

Намеченное в плане экспедиции исследование нижних наслоений участка «А» было только начато из-за очень трудоемких работ по расчистке подвала. Но даже и очень небольшие проведенные работы свидетельствуют о необходимости изучения именно этой части участка. Обнаружены остатки строений V в. и даже VI в. до н. э. с обильным и характерным материалом. Особо следует отметить углубленное в материк помещение размерами $1,60 \times 1,51$ м, три стороны которого представляют обрез материка, а с четвертой (южной) к матерiku приставлена прекрасно сохранившаяся сырцовая кладка, высотой 1,05 м. Помещение было заполнено типичным архаическим материалом.

Вновь встретились обломки ранней местной орнаментированной керамики — один датируется эпохой бронзы, два — с инкрустированным орнаментом — раннескифским временем. Из других находок следует отметить набор костяных оружия, обнаруженных в ранних наслоениях; часть костяной пластинки с рельефным изображением головы птицы (рис. 46—2); несколько интересных аморфных клеев.

* * *

Последним районом, исследовавшимся в 1951 г., была территория римской цитадели — треугольной южной части верхнего города, представлявшей собой особо укрепленный участок города первых веков н. э.

Производившиеся здесь Б. В. Фармаковским работы дали, как известно, много интересного — вспомним оборонительные сооружения у «Заячьей балки», находки и архитектурные остатки, связанные с предположительно находившимся здесь храмом Аполлона Простата. В то же время исследования Б. В. Фармаковского не дали материалов для характеристики района города в целом, его улиц и зданий; неразрешенным остался и вопрос о стратиграфии наслоений в южной части городища Ольвии. Б. В. Фармаковский характеризовал многие части территории цитадели, в сущности, как однослойное поселение: по его представлению, остатки догетского периода были в этих частях целиком снесены сооружениями II—III вв. н. э., от раннего времени остались только ямы. В связи с этим, а также ввиду наличия в ольвийском материале особенно показательных находок именно с территории цитадели было решено продолжить исследования этого района; первые работы состоялись в 1951 г.

Раскоп, обозначенный буквой «М», заложен у так называемой «Первой поперечной балки», являвшейся северной границей цитадели, ближе к западному ее концу. Здесь в 1905 г. Б. В. Фармаковским на совсем небольшой площади (15×6 м) были проведены разведочные раскопки; участок «М» расположен у юго-восточного угла раскопа 1905 г., к востоку и юго-востоку от него.

Поскольку уже на глубине 1,2—1,5 м на большей части раскопа обнаружены интересные сооружения, работы глубже 1,5 м от дневной поверхности почти не велись. Только на небольшой площади, в юго-восточном углу раскопа 1905 г., с целью выяснения стратиграфии культурных наслоений углубление было доведено до материка.

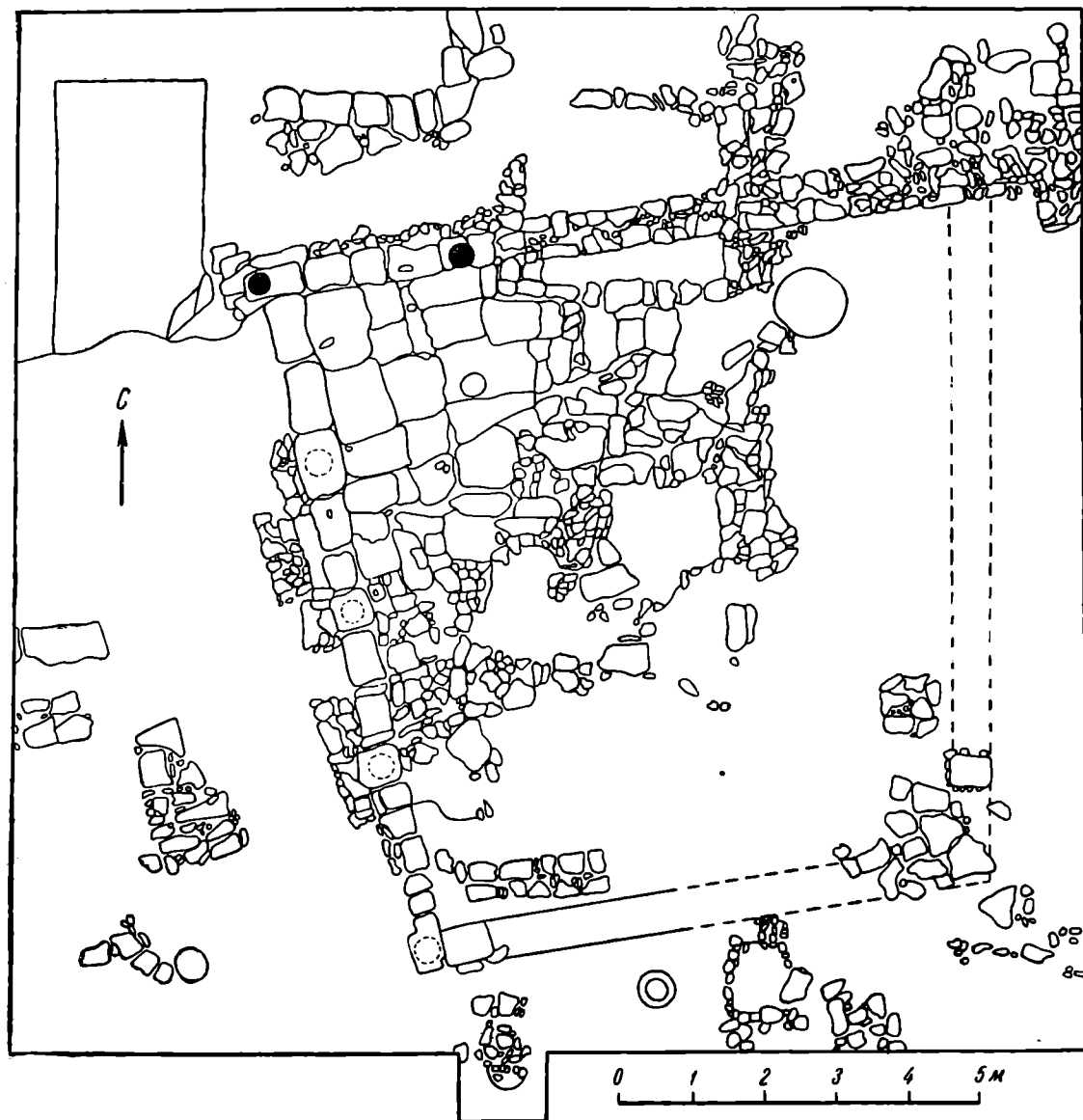

Рис. 48. Участок «М.» План.

Черными кружками обозначены барабаны колонн, пунктирными — следы колонн стилобата.

До глубины 1,2 м, местами несколько глубже, залегал хорошо выраженный слой, относящийся к первым векам нашей эры. Встречавшийся здесь материал может быть датирован периодом с конца I до III в. н. э., единичные находки относятся к IV в. нашей эры. Обнаруженные остатки строений позволяют установить два основных строительных периода, из которых первый падает на конец I — начало II в. нашей эры, второй — на конец II и III в. н. э., причем второй период характеризуется больше перестройкой старых, чем возведением новых сооружений.

Главным из исследованных объектов был двор, неправильной четырехугольной формы, мощеный большими каменными плитами и окаймленный стилобатом с стоявшими на нем колоннами (рис. 48 и 49).

Стилобат сохранился полностью только с западной стороны, с других обнаружены лишь части его; однако очертания двора восстанавливаются полностью — западная его сторона была протяженностью 10,45 м, северная 10,5 м, южная 8,19, восточная 9,98 м. Два барабана колонн обнаружены *in situ* на стилобате северной стороны; на плитах сохранившегося с западной стороны стилобата — отчетливые следы пяти колонн, на единственной сохранившейся на востоке плите — след прямоугольной формы, возможно, от пилястра.

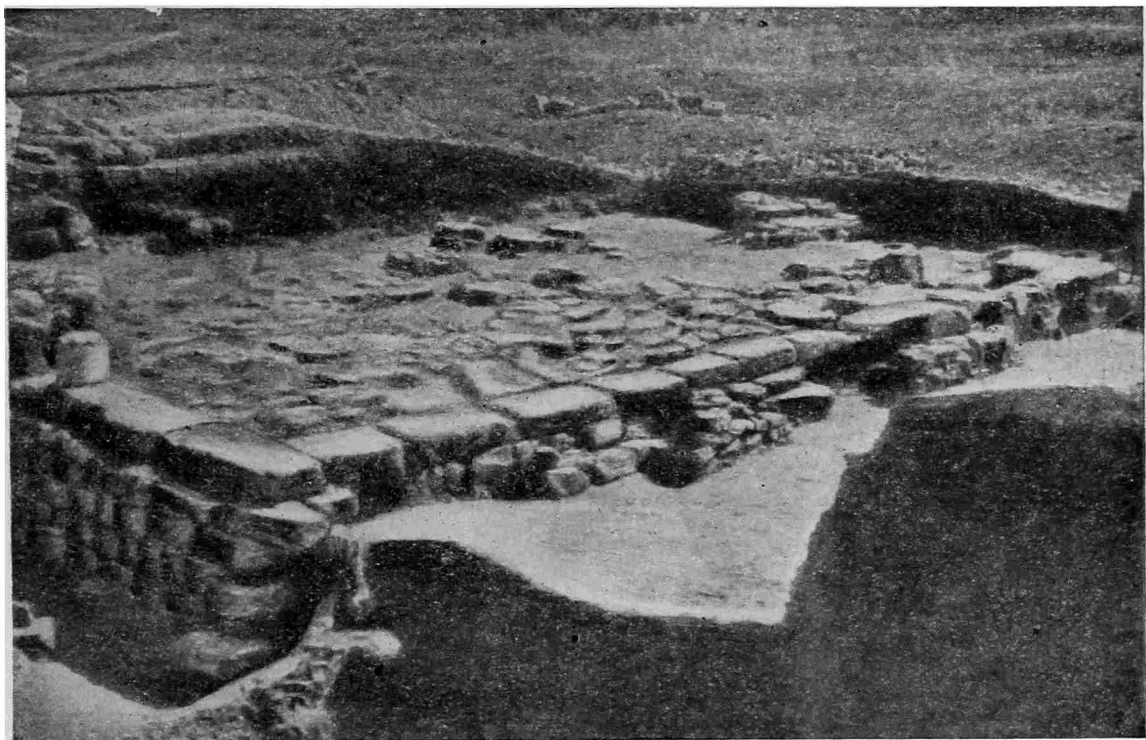

Рис. 49. Участок М. Общий вид с северо-запада.

Открытый двор дает представление о типе здания. Это, несомненно, перистильный дворик, по форме и размерам близкий тем, которые встречаются в Ольвии эллинистического времени, и особенно — дворику известного дома в Нижнем Городе. Сохранились ли хоть в какой-то степени окружающие помещения — пока неизвестно. Обилие черепицы к западу от двора делает вероятным наличие здесь крытого портика, характерного для домов данного типа.

Дата сооружения двора устанавливается на основании сопровождающего материала. Он целиком входит в состав наслоений первых веков н. э.: более ранние находки начинались ниже уровня вымостки. Приобретает особый интерес возможность проследить здесь некоторые приемы, свойственные строительной технике именно первых веков н. э. Так, плиты стилобата не имеют того однородного характера, который отличает стилобат эллинистического дома в Нижнем Городе: большинство их — вторичного употребления, о чем ясно свидетельствуют многочисленные вырезы, углубления и т. д.; черепица — не эллинистического, а римского типа; в большом количестве встречались вместе со строительным камнем облицовочные плитки из мрамора, частью белого, частью цветного, в чем также проявляется черта, свойственная строительству первых веков н. э.

Более точная датировка устанавливается находками, сделанными при расчистке вымостки: здесь встречались обломки сосудов из бесцветного

стекла, характерных для начала II в. н. э., и обломки краснолаковой керамики конца I — начала II в. н. э. Близко к рубежу I и II вв. н. э. и возник, очевидно, рассматриваемый строительный комплекс. Открытие его представляет несомненный интерес. Мы вообще плохо знаем дома Ольвии этого времени; отдельные архитектурные детали уже раньше давали исследователям возможность высказывать мнение о живучести в Ольвии первых веков н. э. традиций эллинизма. Теперь эти предположения получают яркое подтверждение на основании установленного случая постройки здания, в принципе того же типа, что и тип эллинистический, но имеющего ряд специфических деталей. Вообще тип дома с перистильным двором известен и в римское время; но для северного Причерноморья факт этот является новым.

Рис. 50. Мраморные обломки с греческими надписями (участок «М»).

В III в. н. э. дворик имеет уже иной вид. На севере стилобат разобран, остается только западная его часть — дальше к нему пристраивается новое помещение, около которого располагается хранилище остродонных амфор, содержавшее свыше 30 сосудов. На вымостке двора строятся новые сооружения, от которых сохранились отдельные кладки; воздвигаются две печи; подвергается переделке и ремонту вымостка. Фрагментарность всех этих остатков не дает возможности составить ясное представление о возникших строениях; но бросаются в глаза иные технические приемы, сказывающиеся в обильном применении глины, в употреблении в качестве строительного материала всевозможных остатков прежних сооружений.

* * *

Произведенное, хотя и на ограниченном пространстве, углубление ниже вымостки дворика дало возможность сделать следующие наблюдения.

Под вымосткой оказался эллинистический слой с характерными находками, относящимися к III — II вв. до н. э., — обломками амфор с клеймами,

особенно родосских, типичной эллинистической керамикой и т. д. Мощность этого слоя около 1 м. В слое обнаружены четко выраженные строительные остатки, из которых наиболее интересна лежавшая под стилобатом северной стороны и одинаково с ним ориентированная стена, прекрасно сложенная на две стороны; она сохранилась до 1 м высоты, протяженность открытой части около 11 м. Под эллинистическими кладками местами обнаружены слоевые субструкции.

Ниже оказался слой V—IV вв. до н. э. мощностью 1,70—1,75 м, а под ним — слой мощностью около 0,8 м с характерными образцами архаической керамики VI в. до н. э.

Попытка определить стратиграфию наслоений дает возможность внести существенную поправку в представление Б. В. Фармаковского о территории цитадели как однослойном поселении, где почти все более ранние остатки снесены строительством II и III вв. н. э. Наличие мощных наслоений более раннего времени, присутствие в них строительных остатков приводят к выводу о необходимости включения исследования этого участка в число важнейших очередных задач.

Из находок на территории цитадели остановимся лишь на наиболее интересных. Это — три мраморных фрагмента с частями надписей: двух греческих, одной латинской. Все три обломка найдены выше уровня вымостки, с чем сходится и их дата: по палеографическим признакам они относятся ко II и III вв. н. э. Один из фрагментов (рис. 50—1) принадлежит монументальному памятнику; слова $\psi\gamma\varphi\iota\sigma\mu\alpha$ и $\tau\epsilon\lambda\alpha\mu\acute{\omega}\nu$, а также восстанавливаемое указание на помещение памятника на одном из наиболее почетных мест города, свидетельствуют о том, что и здесь мы имеем дело с почетным постановлением; время его — не ранее конца II в. н. э. Еще моложе второй фрагмент греческой надписи с характерным угловатым шрифтом и обилием лигатур, свойственных III в. н. э. (рис. 50—2). Обломок с частью латинской надписи представляет кусок плиты из желтоватого мрамора с рельефом; сохранилось изображение ноги животного.

В небольших масштабах были проведены работы на территории римской цитадели на участке «Л», расположенном в южной части верхнего города. Здесь вскрыты наслоения первых веков н. э. На северо-западе участка частично раскрыта печь; в прилегающем к ней районе оказалось значительное количество обломков железных изделий, кусков железного шлака; обломок литейной формы; здесь же находились два каменных корыта. Наблюдавшими за работами Л. М. Славиным и Ф. М. Штительман было высказано предположение, что обнаруженный материал представляет остатки железоделательного производства; это предположение должно быть проверено дальнейшими работами.

При ознакомлении с итогами Ольвийской экспедиции 1951 г. выясняются и очередные задачи предстоящих раскопок. На первое место выступает участок агоры, на котором оказались обильные эпиграфические находки, ценные сами по себе и вместе с тем важные в связи с изучением общественного центра догетской Ольвии, вследствие чего дальнейшее раскрытие именно этой части агоры становится настоятельно необходимым. Второй важной задачей является продолжение исследования территории римской цитадели. Уже предпринятые в 1951 г. работы существенно дополнили наши сведения о строительстве Ольвии первых веков н. э.; они заставили нас вместе с тем обратить особое внимание на изучение ранних наслоений в этой части городища, сейчас рисующейся нам в ином виде, чем прежде.

М. М. КОБЫЛИНА

РАСКОПКИ ФАНАГОРИИ

Раскопки Фанагории в 1951 г. были организованы Институтом истории материальной культуры АН СССР и Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина¹.

Экспедиция продолжила исследование восточного некрополя Фанагории и начала раскопки юго-восточной части городища.

В 1950 г. Фанагорийская экспедиция производила раскопки на холме «И», к востоку от холма «Е», исследованного в 1948 г.² и отделенного от него небольшой ложбиной. Здесь был обнаружен античный некрополь. На площади 120 м², снятой сплошь до материка, открыто 57 могил. Материк представлял собою желтый, ниже — белый песок, а в северной части раскопа имел каменистую корку, выходящую на поверхность бесформенными глыбами. В 1951 г. вскрыто 100 м² площади и раскопано еще 53 могилы.

Сохранность могил — различна. Многие более поздние были врезаны в ранние могилы. Поэтому очень многие из ранних погребений оказались разрушенными. Большинство отдельных находок в грунте относится к IV—I вв. до н. э., и связано с поврежденными еще в древности захоронениями.

Некрополь на холме «И» принадлежал массовому населению города, в его обильном инвентаре очень мало драгоценных вещей (только в нескольких могилах были найдены листки погребальных венков, сделанные из золотой фольги). Украшения (кольца, браслеты), а также фибулы, пряжки — в громадном большинстве бронзовые и лишь очень редко попадаются серебряные. Правда, есть отдельные вещи, отличающиеся высоким качеством исполнения, например, бронзовая серьга с женской головкой и бронзовое кольцо-печать (могила № 39)³, подвеска в виде головы барана из стеклянной массы (№ 75).

Материалы некрополя являются важным источником для суждения о составе населения города III в. до н. э. — III в. н. э., о его культуре и значительно дополняют собранные ранее данные.

¹ Работы производились под руководством М. М. Кобылиной. В состав экспедиции входили: заведующая экспедиционным отделом ГМИИ И. Д. Марченко и научные сотрудники музея: Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова, Ю. Е. Чистяков, А. Ф. Виноградова. В работе принимал участие научный сотрудник Краснодарского музея Н. В. Анфимов. Доцент Е. А. Столяревский сделал топографическую съемку городища и ближайших к нему холмов некрополя.

² М. М. Кобылина. Раскопки Фанагории. КСИИМК, XXXIII, стр. 89—95.

³ В дальнейшем в скобках даются номера могил.

За исключением одной подбойной (№ 128), все могилы простые грунтовые. Только в тех случаях, когда могила была впущена в материк, удавалось проследить ее дно. Оно имело обычно форму вытянутого прямоугольника, иногда с немного скругленными углами; могила воина с мечом (№ 57) расширялась в одном конце. Могилы, крытые соленами, как на холме «Е», не встретились, но найдены фрагменты вертикально стоящих соленов (у головы или ног). В большинстве случаев дно выстилалось камкой, которую находили и сверху на костяке; очевидно, погребение закрывалось камкой.

В некоторых могилах обнаружены подстилка из серой материковой глины (например № 102, 113 и др.) и засыпка погребения тонким слоем в 2—3 см такой глины (№ 83, 124 и др.).

В некоторых погребениях сохранились следы или незначительные остатки деревянных гробов. Как и на холме «Е», были открыты захоронения младенцев в разбитых глиняных сосудах, амфорах или плоскодонных кувшинах, накрытых большими обломками других сосудов (№ 3, 9, 41 и др.).

Обычным является труположение на спине; конечности вытянуты. Обнаружено лишь два скорченных погребения: одно сопровождалось небольшим одноручным сосудом эллинистического типа (№ 92), другое без инвентаря (№ 24). Кроме того, в могиле II в. н. э. (№ 48) костяк лежал со скрещенными в нижней части голеней ногами (левая голень сверху).

Ориентация могил различна. Сохранность костей очень плохая. Подбор сопровождающих вещей разнообразен и характерен. В могиле II в. до н. э. (№ 14) в погребении юноши, кроме медной монеты, одноручного сосуда и ножа с костяной ручкой, обнаружен железный стригиль, свидетельствующий о занятиях молодого фанагорийца физической культурой. При мужском захоронении I в. до н. э. (№ 37), кроме медной монеты, светильника и одноручного сосуда, лежал железный меч с рукояткой без перекрестия. В погребении мальчика (№ 61) найден большой сосуд, в котором находились остатки шкатулки, игрушки (астргалы), а также железный ножичек, клык собаки, глиняная чашечка, кусочек пемзы.

Особенно хорошо представлены разнообразнейшие по формам сосуды: леканы, пелики, одноручные сосуды, флаконы, светильники, чаши. Большинство их сделано из фанагорийской глины, многие расписаны акварельными красками. Эта керамика довольно тонкой выделки и, в большинстве случаев, античных форм.

В погребальном обряде особую роль играли тризны, обнаруженные над погребениями и в стороне от них в виде остатков костра с обломками посуды и обожженных костей животных (барана, лошади) и птиц.

Помимо значительного количества нарушенных мест тризны, очевидно, поврежденных более поздними могилами, встречены и хорошо сохранившиеся; например у детской могилы (№ 23), которая датируется мегарской чашкой II в. до н. э.

В погребении (№ 130) без инвентаря у ног костяка обнаружены череп и четыре копыта лошади.

Кроме таких элементов негреческого обряда погребения, заслуживают внимания надгробные памятники смешанного греко-синдского характера, также свидетельствующие о смешанном греко-синдском населении Фанагории. Раскопки некрополя «И» в 1950—1951 гг. дали целый комплекс каменных изваяний — надгробных памятников, концентрированных в могилах, расположенных вдоль восточного края холма. Найдено 10 изваяний различного качества и стиля — от грубых схематических антропоморфных изображений до пластических, в форме бюстов или целых фигур. Два антропоморфных камня обнаружены в могилах II в. до н. э. (№ 81, 98), статуя женщины в гиматии найдена в закладе могилы (№ 128) I в. н. э.

(рис. 51); камень с фронтонообразным завершением и отверстием для возлияний был обнаружен у могилы II в. до н. э. (№ 23). Другие изваяния принадлежат разрушенным могилам, вероятно того же времени.

Рис. 51. Известняковая статуя женщины из заклада могилы I в. н. э.

Могилы II—III вв. н. э. некрополя «И» дают яркую картину сарматизации Фанагории. Основным инвентарем в них является сарматская посуда — сероглиняные лощеные одноручные сосуды с полосами сетчатого орнамента, исполненного лощением, несколько различные по форме, но в общем однотипные. Встречаются сарматские зеркала. В то же время сохраняется и старый эллинизированный тип инвентаря. Об этом свидетельствует женское погребение III в. н. э. (№ 18). Оно ориентировано на восток; в изголовье найден изящный вытянутый флакон с воронкообразным горлом; около кисти руки — стеклянная пронизь с изображением Афродиты-Анадиомены; у черепа — стеклянные с позолотой бусы, а у пояса — часть бронзовой фибулы.

В 1951 г. начато исследование юго-восточной части городища (рис. 52 а, б), где ранее были сделаны важные находки, относящиеся к местному фанагорийскому производству. В 1929—1931 гг. на поверхности в этой

части городища была обнаружена и раскопана гончарная печь IV в. н. э. хорошей сохранности¹. Недалеко от печи, уже за пределами городища, к востоку, на ближайшем холме, в 1939—1940 гг. экспедицией под руководством В. Д. Блаватского была выявлена свалка керамики, давшая очень ценный материал для суждения о местном керамическом производстве IV в. до н. э. Здесь были найдены сосуды типа энохи из местной глины с клеймами (рельефным изображением канфара и буквами «ФА» в круге)² и обломок сосуда с великолепным рельефным штампом (изображением в круге головы силена и букв «ФА»)³. Эти находки служат доказательством высокого развития фанагорийского гончарного ремесла в IV в. до н. э.

В 1947 г. в 50 м к юго-востоку от печи, в тощем загородном слое, открыт комплекс терракотовых статуэток — явный выброс фанагорийской мастерской⁴, давший обильные материалы для суждения о местном производстве терракот.

Все эти находки вызвали необходимость изучения юго-восточной части городища. Раскопки, произведенные здесь в 1951 г., невелики. Целью их было изучение стратиграфии культурных слоев. Площадь раскопа в 16 кв. м примыкала с севера к раскопу 1930—1931 гг. и немного врезывалась в него в юго-западной части.

Обнаружен городской культурный слой мощностью 3,8 м. Общий характер находок свидетельствует об освоении этого участка с IV в. до н. э. К этому времени относится основная масса находок, хотя в самом нижнем слое есть и отдельные обломки посуды V и даже VI в. до н. э. С IV в. до н. э. город существовал здесь в течение восьми веков и с V в. н. э., повидимому, эта часть города была заброшена.

В слое III в. н. э., втором сверху, на глубине 1,8—1,9 м обнаружен развал печи и примыкающая к ней вымостка. Сохранились остатки сырцовой кладки в один слой. Она проходила с востока на запад, слегка закругляясь к северу. Сырцовые кирпичи (0,1×0,2 м) кладки лежат на подстиле из камней среднего и мелкого размера (известняк, плитняк, песчаник, булыжник). На выкладке открыт завал (0,94×0,52), поднимающийся на 0,15 м. Среди обломков плотно лежащих сырцовых кирпичей есть куски сырцовой обмазки, покрывавшей, очевидно, стенки печи и шлакированной вследствие высокой температуры. Завал уходит в северный и западный борт раскопа, в толщу нераскопанной соседней площади.

Находки в рыхлом золистом грунте, сопровождающем остатки печи, свидетельствуют и о времени ее функционирования, и о характере производства. Профилированные ручки сосудов определяют дату печи III в. н. э. Судя по находкам, печь служила для обжига разнообразных глиняных изделий. Здесь найдено много обломков черепицы, среди них один с неровной нижней поверхностью, повидимому, брак; несколько поздних грузил — вытянутых, плоских, с врезанным орнаментом и одно круглое; обломок колеса терракотовой повозочки с неправильным направлением отверстия (брак); фрагменты сероглиняных лощеных сосудов с линейным орнаментом и плоскодонных простых кувшинов, среди которых есть расслоившиеся, вздувшиеся от сильного обжига; фрагменты амфор, две подставки и пр.

Ввиду того, что завал был вскрыт лишь частично, полная расчистка не производилась, остатки печи и примыкающая к ней вымостка сохранены

¹ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 52.

² В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. МИА, № 19, стр. 218, рис. 16.

³ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 111, рис. 15—3.

⁴ ВДИ, 1939, № 2, стр. 109.

на месте. Дальнейшие раскопки велись к югу от вымостки на небольшой площади, книзу еще более уменьшенной уступами — контрофорсами, оставленными у очень непрочных, рыхлых вследствие большого количества золы, стенок раскопа; самая нижняя площадь раскопа равнялась $1,3 \times 1,5$ м. По

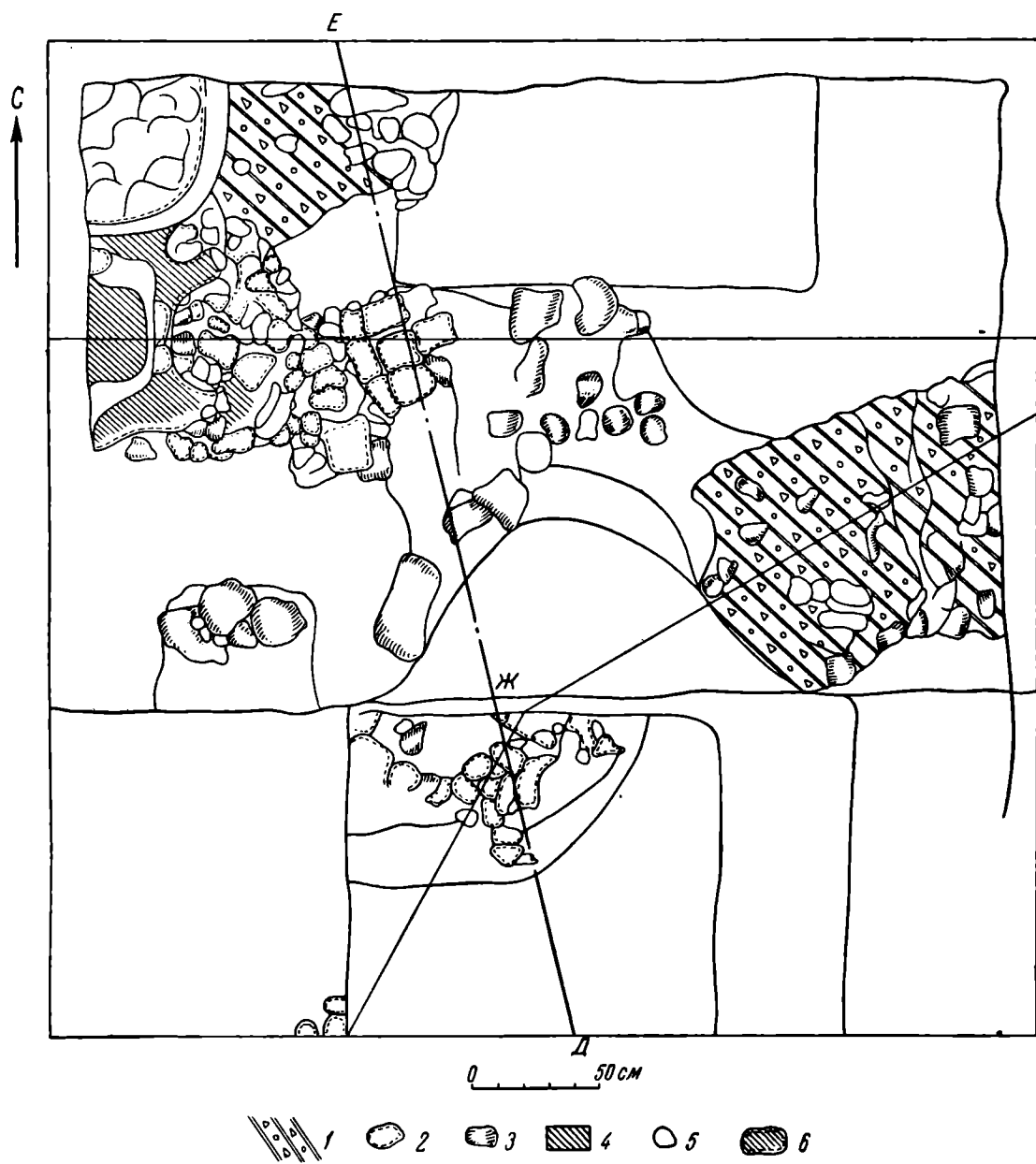

Рис. 52а. План раскопа „Керамик“ в юго-восточной части городища Фанагории.
Остатки сооружения:

1 — вымостка 2 — зола; 3 — камни; 4 — глина; 5 — черепки; — сырец.

мере углубления, ниже вымостки характер находок постепенно менялся. На глубине 2,28—2,80 м выявился третий слой мощностью 0,52 м. Он датируется краснолаковой керамикой I—II вв. и все более увеличивающимся количеством эллинистических находок (фрагментами амфор и чернолаковых сосудов). В слое встречались большие куски шлакированного сырца и масса обломков посуды. Ниже обнаружен слой III—I вв. до н. э. Мощность этого четвертого слоя — 0,6 м.

Нижний слой (пятый) толщиной в 0,55 м залегает на материке — зеленовато-желтой глине. Он представляет собою влажный суглинок с массой обломков керамики; среди них фрагменты амфор V—IV вв. и чернолаковой посуды VI—IV вв. до н. э., куски сырца, мелкие камни. В этом слое открыты остатки сырцового сооружения, очевидно, печи; расчисткой выявлена кладка на протяжении с В на З — 1,05, с С на Ю — 0,55 м из мелких

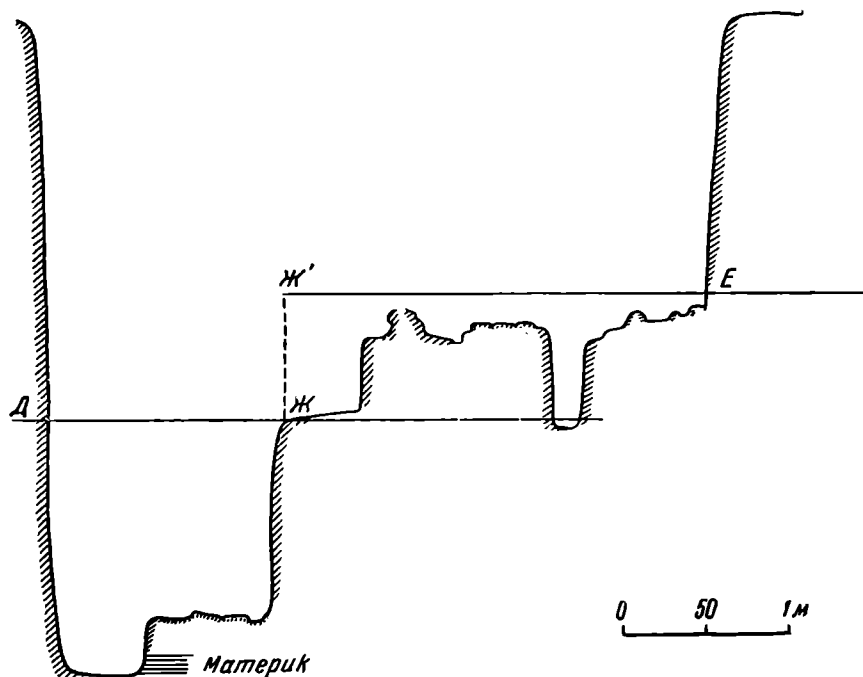

Рис. 526. Разрез раскопа «Керамик».

Точка *Д* лежит на южном борту на расстоянии 1,7 м от юго-восточного угла на глубине 2,5 метра от поверхности; точка *Ж* лежит на 1,17 м от южного борта и на 2,07 м от восточного борта; точка *Е* лежит на северном борту на расстоянии 1,2 м от северо-западного угла на глубине 1,8 м от поверхности.

сырцовых кирпичей (длиной 0,10—0,15 м), лежавших слоем толщиной 0,55—0,10 м; с с.-з. стороны видны пять сырцовых кирпичей; с ю.-в. — четыре. Один из кирпичей был полукруглой формы. Отдельные сырцы лежали к югу и востоку от кладки; к ним примыкал завал золы и расслоившихся сырцов. Остатки печи уходят под вымостку.

Таким образом, на исследованном участке обнаружен район города античного периода. Остатки печи и общий характер сопровождающего сооружения культурного слоя, обильно насыщенного золой, кусками сырца, множеством обломков посуды (среди которых много брака) и других глиняных изделий, говорят о том, что на участке с IV в. до н. э. находились мастерские ремесленников-гончаров. По всей вероятности, выбор места для «Керамика» определялся наличием здесь залежей глины.

Дальнейшее исследование должно дать новые важные материалы для выяснения производства глиняных изделий в Фанагории.

М. А. НАЛИВКИНА

РАСКОПКИ В ЕВПАТОРИИ

Археологическое изучение античных городов северо-западного Крыма, выяснение их роли в истории древнего Крыма и северного Причерноморья — одна из важных задач, стоящих перед советскими археологами. Открытые еще в дореволюционный период, а затем уже в наше время, особенно в результате систематических раскопок за 1948—1951 гг., археологические памятники в Евпатории и в Черноморске, в сочетании с имеющимися письменными источниками, позволяют выяснить ряд существенных сторон экономики и культуры двух городов северо-западного Крыма — Керкинитида и Калос Лимен в античную эпоху.

Настоящая статья является кратким предварительным изложением основных результатов раскопок, производившихся в 1951 г. в Евпатории. В 1880 г. П. О. Бурачков, в поисках местоположения Керкинитиды, произвел пробные раскопки по всему северо-западному побережью Крыма. На пространстве от б. Карантина (Евпаторийского городища) до Майнакского озера, ближе к последнему, на «Плане городища близ Евпатории»¹, дважды переизданном Н. Ф. Романченко², примерно на месте исследованного в 1950—1951 гг. памятника, показаны следы каких-то древних фундаментов, которые исследователь определял как крепостные стены; виденные же остатки круглых построек он принял за башни. Следы крепостной стены и башен, а также фундаменты других построек, отмеченные П. О. Бурачковым в 1880 г., сохранялись на поверхности и во время раскопок Археологической комиссии под руководством Н. Ф. Романченко в 1895—1897 гг.

Исследованный в 1950—1951 гг. памятник находится в дачном районе Евпатории на расстоянии 2,5 км от Евпаторийского городища, где локализуется Керкинитида, упоминаемая в херсонесских надписях и древними авторами. Раскоп расположен на ровном месте, там, где в 1941 г. на углу 5-й Продольной улицы и 7-й линии, были обнаружены и подвергнуты частичной зачистке рустованные камни³. В 1950 г. здесь начаты небольшие разведочные раскопки⁴. Исследованный в 1951 г. раскоп II своей южной частью упирается в одно из зданий, на севере захватывает часть 5-й Продольной улицы, на западе вплотную подходит к жилой и хозяйственной

¹ ЗООИД, т. XII, стр. 242, табл. III.

² Археологические известия и заметки, т. II, 1894, стр. 9; ИАК, вып. 25, стр. 172.

³ В Евпаторийском музее хранятся схематический план и фотографии обнаруженных в 1941 г. рустованных камней.

⁴ КСИИМК, XLV, стр. 114 сл., рис. 52.

постройке, принадлежащей тому же зданию; с востока раскоп может быть увеличен до выхода на 7-ю линию. Общая площадь раскопа за два года работ достигла 255 м².

В 1951 г. окончательно выяснена стратиграфия слоев исследуемого участка. Под верхним песчаным слоем, толщиной 0,5—0,6 м, залегал слой чистого песка 0,3 м толщиной и слой погребенной почвы 0,4—0,5 м толщиной. Раскоп доведен до материковой известняковой скалы.

В результате двухлетних раскопок открыто круглое каменное сооружение (рис. 53). Диаметр его, включая толщину стен, равен 6,2 м, внутренний — 5,5 м. Открыто 12 рустованных снаружи камней нижнего ряда

Рис. 53. Круглое каменное сооружение IV—III вв. до н. э.
(вид с северо-востока).

кладки сооружения (размеры камней нижнего ряда: длина 0,9—1,1 м, высота 0,7—0,73 м и толщина 0,6 м) и два камня второго ряда (в с.-в. части) общей высотой 1,3 м. В с.-з. части круга вскрыт небольшой отрезок кладки внутренней стены сооружения с четкими следами или отпечатками от выбранных больших камней внешнего фасада. Подобные отпечатки от выбранных камней прослежены и в других частях круга. Открытый в 1951 г. с.-з. участок стены окончательно убедил в том, что сооружение имело круглую форму. Камни наружной поверхности постройки положены насухо, отесаны по кругу весьма тщательно, а кроме того, отделаны рустом. Изнутри во многих частях, особенно там, где сохранились два камня второго ряда кладки, стена выложена мелким рваным камнем на глине.

Исследование ниже подошвы камней нижнего ряда показало, что кладка лежит непосредственно на плотном суглинисто-супесчаном грунте без всякого фундамента. Вход, надо предполагать, с западной стороны; явных следов от камня в этой части круга не прослежено.

В северной части, внутри круга открыто прямоугольное ограждение (размером 0,9 м × 1 м), сложенное из необработанных камней, поставленных

на ребро. При зачистке внутри ограждения прослежен слой золы и угля толщиной 0,1 м. Из находок здесь следует отметить мелкие обломки стенок амфор и кости лошади (челюсть с клыком и бедренная кость)¹. Камни ограждения поставлены на подсыпке из песка в 0,15—0,20 м.

За предполагаемым входом в круглое сооружение, на мостовой, выложенной мелко раздробленным известняком, в западной и юго-западной частях раскопа обнаружены две стенки, повидимому, ограды, идущие под прямым углом одна к другой. Два отрезка одной из стенок, идущих с востока на запад, разделены промежутком в 1,2 м, по всей вероятности, входом. Семиметровый отрезок второй стенки, примерно посередине открытой части, разорван при прокладке здесь позднейшего водопровода. Не исключена возможность, что отходящая к юго-западу от круглого сооружения часть стенки, открытая ранее, также имела отношение к выявленным частям ограды. Стенки ограды — тонкие, толщиной всего 0,4—0,5 м и сложены из рваного камня на глине. И прямоугольное ограждение и ограды производят впечатление не связанных с основным круглым сооружением.

Остается сказать несколько слов о яме, открытой в 1951 г. в с.-з. углу раскопа². Она вырыта в материке, имеет цилиндрическую форму; диаметр ее 1,5 м, глубина 2,2 м от уровня подошвы небольшой стенки, к западу от которой она обнаружена. Вокруг горловины ямы оказался слой угля толщиной в 0,7—1 м. На глубине 3 м в яме выступила вода, и дальнейшая расчистка была невозможна. При исследовании слоя снаружи и внутри круглого сооружения и в засыпи ямы обнаружена керамика, которая может быть датирована IV—III вв. до н. э.

Найденный внутри круглого сооружения в 1941 г. краснофигурный гуттус с 16-ю бронзовыми херсонесскими монетами³, а также отдельные обломки чернолаковых сосудов разных форм (киликов, чашек, канфаров и др.), встреченные в процессе двухлетних раскопок, относятся к IV—III вв. до н. э. Амфоры, найденные в культурном слое и в яме, датируются не позднее III в. до н. э., самые ранние из них — началом IV и даже V в. до н. э. Кроме обломков чернолаковых сосудов IV в. до н. э., обнаружены обломки херсонесских, фасосских и гераклейских амфор. На одном из обломков фасосской амфоры имеется буква β (бета), нанесенная красной краской. Из клейм на горлах амфор встречены исключительно гераклейские энглифические клейма, притом в небольшом числе (пять); некоторые из них читаются с трудом. Поддающиеся прочтению гераклейские клейма относятся к I и II группам классификации Б. Н. Гракова, т. е. к IV и к III вв. до н. э. Одно имя на гераклейском клейме (найденно в круглом сооружении), а именно Νόζας, встречено и в гераклейской группе клейм из находок в Мирмекии, исследованных А. А. Нейхардт. Б. Н. Граков считает это имя малоазиатским⁴. Из находок 1951 г. интересен обнаруженный в яме обломок сероглиняной чашки с граффито, состоящим из двух букв: Γ (гамма) и Ε (эпсилон) на дне снаружи. Чашка выполнена на круге, внутренняя ее поверхность подвергнута ручному, «решетчатому» лощению. На основании предварительной обработки находок, постройку круглого сооружения следует отнести к IV—III вв. до н. э.

¹ Определение В. И. Бибиковой.

² На прилагаемую фотографию яма не попала.

³ Судя по предварительному определению, до их очистки.

⁴ Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды ГИМ, вып. 1, 1926, стр. 165.— А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекии и Тиритаки, как источник для изучения торговых связей Боспорского царства в эллинистическую эпоху. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951.

Остается недостаточно ясным назначение открытой постройки. Выдвинутое нами в 1950 г. предположение, что сооружение могло быть крепидой кургана, отпадает. Против такого определения говорит наличие внутренней облицовки из мелкого камня, обнаруженной в некоторых частях сооружения, что было бы совершенно излишне для крепиды кургана. Кроме того, ни одной человеческой кости ни внутри, ни вне сооружения найдено не было.

Не исключено, что, по аналогии с изданными в атласе Дюбуа круглыми сооружениями, скорее всего башнями (по Дюбуа, толосами) Гераклеяского полуострова¹, и Евпаторийское сооружение следует считать также круглой башней (сторожевой?).

Возможно, что П. О. Бурачков был прав, определяя виденные им в 1880 г. очертания круглых в плане фундаментов как остатки башен.

Особенности устройства открытого памятника (отсутствие стилобата, следов колонн и перекрытия² подчеркивают своеобразие постройки. Такого рода памятников в северном Причерноморье пока не обнаружено.

Из числа античных памятников, открытых в Малой Азии, в северной Фригии, на границе с Вифинией можно указать на некоторые похожие на евпаторийское круглое сооружение³. Это тоже каменные круглые в плане сооружения, очень близкие по размерам евпаторийскому (диаметр одного из малоазийских сооружений равен 5,5 м). К сожалению в публикациях малоазийских круглых сооружений даны лишь очень краткие описания. Исследователи, занимавшиеся изучением этих построек, предположительно определяли их как погребальные или как места культа. Один из исследователей (Андерсон) склонялся к выводу, что круглые сооружения являются ботросами и что они, повидимому, были связаны с культом хтонических божеств.

Дальнейшее изучение открытого в Евпатории памятника, возможное в северо-западном и в восточном направлениях, должно дать материалы и для определения его назначения.

¹ F. Du Bois de Montpréaux. Voyage autour du Caucase et... en Crimée. Париж, 1843, т. VI, стр. 187 и атлас, табл. XXI. Диаметр круглых построек, описанных Дюбуа, равен 18—25 футам, т. е. около 5—7 м. Толщина стен 2 фута, т. е. 0,6—0,7 м.

² Ни одного обломка черепиц за все годы раскопок здесь не обнаружено.

³ J. G. C. Anderson. Exploration in Asia Minor during: 1898, BSA, 1897—1898, № 14, стр. 58.—Th. Wiegand. ΜΗΤΗΡΣΤΕΥΝΗΝΗ, AM, XXXVI, стр. 306—307, прил. к стр. 302 сл.

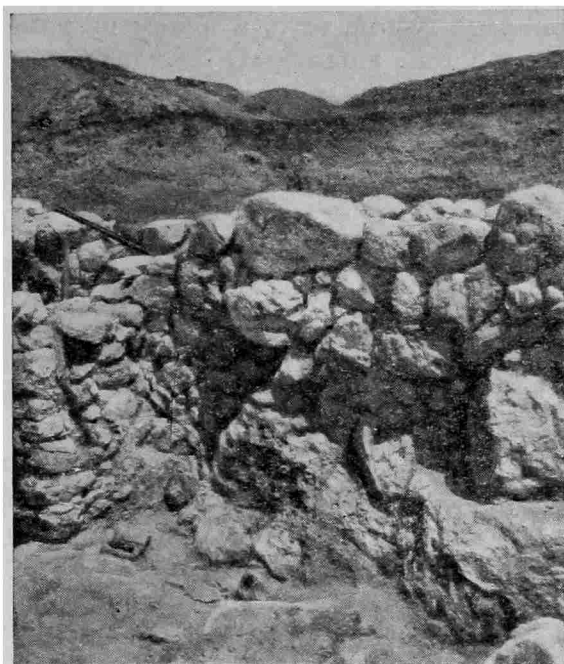
И. Т. КРУГЛИКОВА

РАСКОПКИ КИММЕРИКА

Киммерикская экспедиция, организованная Керченским государственным историко-археологическим музеем им. А. С. Пушкина совместно с ИИМК АН СССР в 1951 г., продолжала работы в районе горы Опук.

Раскопки проводились в двух пунктах: на западном и восточном склонах. На западном склоне, на месте древнего Киммерика, одного из малых городов Боспора, продолжались исследования прибрежного городского района. Был расширен раскоп «Береговой», расположенный на берегу моря, в ложбине между холмами и отрогами горы Опук. Здесь продолжалась расчистка большого каменного здания, примыкавшего к нему хозяйственного двора и улицы, вымощенной каменными плитами. Южная часть здания обрушилась в море при обвале береговой скалы, подмытой морскими волнами. Сохранились только два помещения, между которыми имелся дверной проем. Стены уцелели в отдельных местах до высоты двух метров. Они сложены из крупных кусков местного известняка почти без следов обработки и имели два панцыря; пространство между ними было заполнено бутом. Толщина стен достигала 0,8—1 м. Северная стена являлась одновременно и подпорной стеной террасы. С юга к ней были пристроены три другие стены помещений, а с севера примыкал двор, уровень которого находился почти на 1,5 м выше уровня пола в здании. Внутренний панцырь северной стены сложен из особенно крупных камней различной формы, при этом щели, образовавшиеся между плохо прилегающими поверхностями, были заложены мелкими камешками. Восточной своей частью стена подходила к скале, которая была специально подтесана и выступала внутри помещения в виде полукруглого сиденья (рис. 54—1). Щели между каменной кладкой и скалою также были заложены мелкими кусками известняка. К западной стене примыкала каменная вымостка улицы с водостоком, тянувшимся с севера на юг и понижающимся к югу соответственно естественному склону.

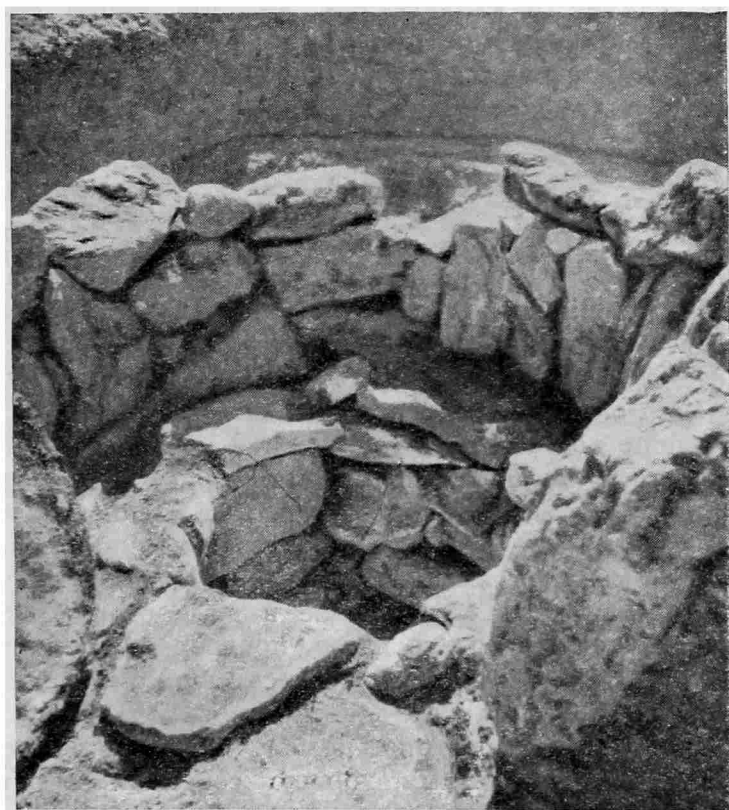
Водосток выложен из поставленных на ребро плит известняка и сверху заложен такими же плитами, но более крупных размеров. Уровень вымостки и водостока находился почти на 1,5 м выше уровня пола в здании, которое, вероятно, было двухэтажным. При этом помещения нижнего этажа, возможно частично углубленные в землю или полуподвальные, являлись хозяйственными типа кладовых, тогда как на втором этаже находились жилые комнаты хозяев дома. Это предположение подтверждается характером находок. На уровне пола расчищенных помещений найдено много разбитых остродонных амфор поздних типов с реберчатыми и гладкими стенками,

1

2

3

Рис. 54. Каменные сооружения Киммерика:

**1 — кладка северной стены помещения А; 2 — помещение Б и дверной проем;
3 — зерновая яма.**

очень крупных размеров, раздавленные лепные горшки из плохо промешанной глиняной массы с грубыми включениями. Кроме того, в одном из помещений находилось огромное количество костей животных, придавленных упавшими камнями стен. Были найдены два полных скелета дельфинов, скелеты коровы, лошади, а также большое количество костей, принадлежавших двум поросётам, козе, овце и двум собакам¹.

Эти находки, лежавшие непосредственно на полу, были покрыты толстым слоем золы с включением угольков и кусков глиняной обмазки, вероятно, от рухнувших перекрытий, потолка и пола верхнего этажа, а также камнями от упавших стен. Во втором слое обломки амфор и грубой лепной керамики попадались в меньшем количестве, но значительно увеличилось число фрагментов краснолаковой и простой посуды; встречались разбитые светильники — как грубые лепные, так и хорошего качества, с оттиснутыми рельефами на щитках.

Здание находилось у самого обрыва берега. У восточного помещения южной стены не сохранилось: возможно, она сползла в море, а южная стена западного сохранилась только на высоту до 0,4—0,6 м. Поэтому находки из помещений в значительной степени фрагментарны, только в углу на полу восточного помещения полностью сохранились раздавленная амфора и лепной горшок с одной ручкой, а на полу западного найдены преимущественно кости животных, о которых шла речь выше.

Западное помещение — прямоугольной формы, размером приблизительно 4,1 × 3,1 м. Длина восточного около 3,6 м; ширина его не известна. Между обоими помещениями сохранился дверной проем шириной 0,8 м (рис. 54—2). В отличие от кладки стен, дверной проем был тщательно выложен хорошо обработанными квадратами известняка. Вероятно, сверху он был перекрыт крупным квадратом, лежавшим недалеко от дверного проема. В камнях, облицовывавших дверной проем с восточной стороны, высечена вертикальная выемка, очевидно, для деревянного столба, к которому прикреплялась дверь.

Примыкавший к дому с севера двор был обнесен каменной оградой. Раскопками вскрыта лишь небольшая часть двора около 160 м². Но и на этой площади расчищено 10 ям хозяйственного назначения. Из них пять функционировали в последний период существования здания, а остальные относились ко времени его сооружения и позднее были засыпаны.

Особенно интересна находка трех огромных зерновых ям, одинаковых по конструкции. По размерам они превосходят все подобные сооружения, известные на Боспоре до настоящего времени. Глубина их достигала 6,5 м. Диаметр дна равнялся 4,5 м, диаметр устья около 0,5 м. Ямы имели грушеобразную форму с удлиненной горловиной, выложенной камнями до глубины 1,2 м — 2 м (рис. 54—3 и 55). Иногда горловина несколько расширялась книзу. Устье каждой ямы закрывалось каменной плитой, а вокруг нее выкладывалось каменное ограждение в виде ограды высотой около 0,75 м, возможно, поддерживавшее навес, предохранявший яму от дождя. Камни горловины для прочности скреплялись свинцом, которым заливали щели. Таким образом, создавались очень крепкие сооружения для хранения зерна, служившие хозяину в течение долгого времени. И неудивительно, что ямы, закрытые сверху плитами, хорошо сохранились до настоящего времени. Их назначение, как зернохранилищ, подтверждается наличием специального круглого отверстия-продуха в одной из каменных плит, закрывавших горловину. Продух был закрыт каменной пробкой.

Существование трех огромных зернохранилищ на одном дворе на сравнительно небольшой площади свидетельствует о крупных размерах зер-

¹ Кости очень плохой сохранности; определены в Москве страшим научным сотрудником ИИМК АН СССР В. И. Цалкиным.

новой торговли киммерикских купцов, одному из которых, повидимому, и принадлежал дом, удобно расположенный вблизи гавани.

Находка ям интересна и в связи с комплексом помещений, обнаруженных экспедицией под руководством И. Б. Зеест в 1948—1949 гг.¹ В одном из домов тогда были найдены большие запасы зерна, каменный жернов, зерно-терка, две каменные ступы, корыто, штамп для ритуальных хлебцев, что позволяет предположить наличие там мукомольного производства, с которым могли быть связаны и открытые нами ямы.

Кроме трех зерновых ям, во дворе нами обнаружены две мусорные, также очень больших размеров, но в отличие от зерновых, устья их не были выложены камнями, ничем не закрывались и были заполнены мусором, среди которого преобладали черепки битой посуды III в.

Раскопанное здание, вероятно, погибло от пожара в конце III в. Материала, который с уверенностью можно было бы отнести к IV в., при раскопках не найдено. Повидимому, здание погибло в результате той же катастрофы, что и комплекс помещений, открытый в 1948—1949 гг. на так называемом Змеином холме. После пожара жизнь на этом месте не возобновлялась. Поселение более позднего времени было расположено уже в отдалении от морского берега. Можно предположить, что гибель прибрежных зданий связана с нападением пиратов, которые в III в. грабили и разоряли боспорские города. Возможно, что скопление скелетов и костей животных, обнаруженное в одном из помещений нижнего этажа, надо объяснить тем, что при нападении владельцы здания спрятали в одной из кладовых принадлежавших им животных, которые там и погибли при пожаре.

Здание было построено в конце I в., о чем свидетельствуют находки краснолаковой керамики и монет. Крыша его была, вероятно, черепичной, стены жилых комнат оштукатурены. Фрагменты черепиц боспорского производства и куски красной штукатурки встречены среди камней обвалившихся стен помещений.

Интересно отметить, что в Киммерике при сооружении жилищ пользовались теми же строительными приемами, что и в Илурате — городе, жители которого «в основной массе принадлежали, несомненно, к коренному скифскому населению восточного Крыма»².

Для обоих городов характерно наличие немного углубленных в землю помещений, уровень пола которых несколько ниже уровня прилегающих к дому жилищ; широкое применение подтески скал и сочетание каменной кладки стен с естественным выходом скалы, устройство водостоков из поставленных на ребро каменных плит, особенно тщательная отделка дверных проемов. Близок и характер находок внутри помещений; преобладает лепная керамика, типы которой тоже очень сходны. Все это позволяет рассматривать Киммерик первых веков н. э. как город, где преобладало мест-

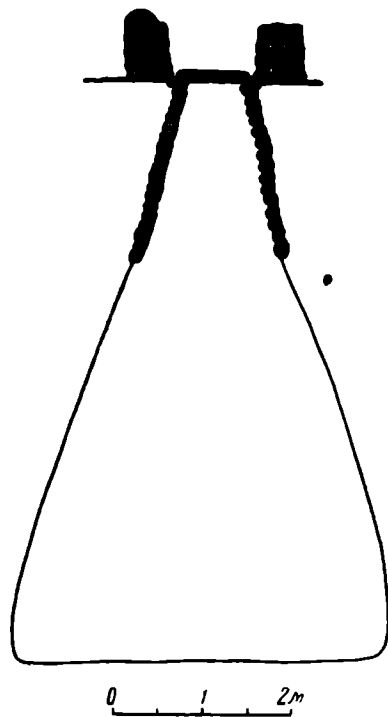

Рис. 55. Разрез зерновой ямы.

¹ И. Б. Зеест. Жилые дома древнего Киммерика. КСИИМК, XXXVII, стр. 191—195.

² В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, XXXVII, стр. 197.

ное население, сохранившее свои старые обычаи и традиции, несмотря на сильную эллинизацию. Но в отличие от Илурата, расположенного в отдалении от берега моря, Киммерик, обладавший прекрасной морской гаванью, был прежде всего торговым и сельскохозяйственным центром. Об этом свидетельствуют находки боспорских монет, импортной керамики и особенно огромные зернохранилища.

Под культурным слоем, относящимся к первым векам н. э., находились культурные отложения предшествующих эпох. Но архитектурных остатков в этих слоях не обнаружено. Повидимому, до эпохи эллинизма на этом месте был пустырь. Очень незначительное количество черепков керамики VI—IV вв. до н. э., найденное в раскопе, свидетельствует, что город был расположен где-то поблизости. В эпоху эллинизма территория его выросла, и на месте пустыря появились зерновые ямы, впоследствии засыпанные городским мусором. Многочисленные находки фрагментов родосских, синопских, гераклеиских и косских амфор (в том числе клейма на ручках синопских и родосских амфор) свидетельствуют о наличии торговых связей Киммерика этой эпохи с южным берегом Черного моря и со Средиземноморьем. Среди находок имелись также фрагменты рельефных чаш (так называемых «мегарских», хотя производство их и на Боспоре засвидетельствовано находками керамических форм), краснолаковой эллинистической керамики и сосудов, покрытых коричневым лаком.

Нижний, лежащий непосредственно на материке, слой относится к эпохе бронзы. Он был обнаружен на раскопе еще в 1950 г.¹, когда впервые в истории раскопок античных городов под слоями, датируемыми греческой эпохой, найден довольно мощный слой с находками догреческого времени. До этого при раскопках различных городов Боспора встречались лишь единичные предметы, свидетельствующие о существовании поселений коренных жителей на месте основанных греками городов или поблизости от них. В Киммерике удалось найти довольно мощный слой, достигающий 1 м толщины, резко отличающийся по составу грунта, плотности и цвету от лежащих выше и ниже его слоев. Только в отдельных местах он был нарушен ямами, относящимися к более поздним эпохам, а на остальной площади оставался нетронутым и содержал обломки керамики эпохи бронзы, каменные орудия и отщепы кремня, кучи створок мидий, зольные пятна с включением угольков и множество расщепленных костей домашних животных.

В результате работ 1951 г. вскрытая площадь была расширена, уточнена стратиграфия слоев, обнаружен ряд не известных ранее деталей. Выяснилось, что поселение эпохи бронзы было расположено в ложбине, несколько понижающейся к югу и защищенной от ветров холмами с запада, севера и востока. Жилища, повидимому, несколько углубленные в землю, примыкали к выходу скал, а там, где скал не было, сооружались специальные каменные заграждения или стены. Остатки таких каменных сооружений обнаружены в виде развалов слегка обработанных кусков местного известняка, часто очень больших размеров. Иногда они лежали непосредственно на материке, иногда упавшие камни находились в культурном слое, но чаще в его нижней части, на уровне зольных пятен и скоплений хозяйственных отбросов. Жилища были больших размеров, но пока полностью раскрыть ни одного не удалось. Глубина их прослеживается на 0,4—0,5 м. К сожалению, наличие более поздних ям сильно затрудняет выяснение контуров жилищ. Основная часть находок керамики, отщепов кремня и костей животных встречалась именно в жилых углублениях, ближе к выступам скал или скоплениям камней.

¹ И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, XLIII, стр. 108 сл.

Повидимому, к наиболее позднему периоду эпохи бронзы относится керамика с лощеной поверхностью и с прорезным орнаментом, и, возможно, с тоненькими налепными, заостренными кверху валиками. Черепки с таким орнаментом найдены, хотя и в очень незначительном количестве, в верхней части слоя. По составу глины, структуре, обжигу и тщательности выделки они сильно отличаются от остальной керамики, встреченной в этом слое, для которой характерны гребенчатое заглаживание поверхности, веревочный орнамент, налепные валики, украшенные насечками и вдавливами.

По грунту слой очень однороден, и проследить какие-либо различия в его горизонтах не удастся. К тому же в верхнем горизонте, наряду с лощеной керамикой и керамикой, украшенной прорезным орнаментом и заостренными тоненькими валиками, встречались и фрагменты сосудов с веревочным орнаментом, аналогии которым можно найти среди керамики так называемой катакомбной культуры. Однако в нижнем горизонте слоя, где обнаружена большая часть кремневых орудий, основная масса керамики с веревочным орнаментом, с гребенчатым заглаживанием поверхностей, с налепными валиками, расположенными на плечах и тулове сосуда и украшенными насечками, не было найдено ни одного фрагмента ни лощеных сосудов, ни сосудов с прорезным орнаментом. Вместе с тем и керамика с веревочным орнаментом неоднородна по качеству и по способу нанесения орнамента. На некоторые из сосудов орнамент наносился штампом, отпечатки которого напоминали туго накрученную веревочку. Форма этих сосудов и характер орнамента очень близки к горшкам, найденным В. А. Городцовым в катакомбных погребениях Харьковской губернии¹. На других сосудах оттиски веревочки или штампа сделаны очень небрежно в виде широких параллельных линий вокруг шейки и по плечам сосуда или же оттискивался тоненький крученный шнурок и линии получались очень узкими; последний тип орнамента встречался на сосудах из второго слоя Кобыкова городища.

То же самое можно сказать и о каменных орудиях. Наряду с хорошо отшлифованным просверленным каменным топором и стрелами, изготовленными в хорошей отжимной технике, встречаются отщепы с ретушью по краям, довольно небрежно сделанные и свидетельствующие об упадке техники обработки кремня. Таким образом, в результате изучения слоя, относящегося к эпохе бронзы в Киммерике, мы имеем основание сделать вывод, что в районе горы Опук уже с конца II тысячелетия до н. э. и долгое время спустя жили местные племена. Они занимались земледелием, скотоводством и рыбной ловлей. О земледелии свидетельствует находка кремневого вкладыша, бывшего в употреблении длительное время, судя по сильной отполированности его обеих лезвий. О скотоводстве свидетельствуют многочисленные кости животных, встречаемые при раскопках, причем большей частью кости расщеплены, т. е. являлись отходами питания. Среди костей, поддающихся определению, были принадлежащие крупному рогатому скоту, лошади, свинье и мелкому рогатому скоту.

О наличии рыболовного промысла можно сделать вывод на основании находок каменного грузила и многочисленных остатков мидий и других морских ракушек.

Все выводы, сделанные в итоге изучения материалов из раскопа «Береговой», полностью подтверждаются результатами работ на восточном склоне горы Опук, где еще в 1950 г. был разбит раскоп «Холм А». Здесь находки эпохи бронзы залегали непосредственно под домом VI—IV вв. до н. э. Жилые дома VI—V вв. до н. э. на Боспоре встречались очень редко. Ни один из открытых до настоящего времени домов полностью не сохранился,

¹ Труды XII Археологического съезда в Харькове, т. I. Москва, 1905, табл. VIII и IX.

поэтому планировка боспорского дома архаической эпохи неизвестна. Дома, раскопанные в Тиритаке и в Пантикапее, имели сырцовые стены на каменном цоколе, тогда как стены дома, раскрытого в Киммерике, были сложены из почти необработанных камней. Дом представлял собой три расположенных рядом прямоугольных изолированных помещения, пристроенных к общей задней стене. Каждое из них имело свой вход и перед ним вымощенный каменными плитами дворик. Внутри помещений сохранились глинобитные очаги, хозяйственные ямы, каменные закрома, каменные вымостки и глинобитные полы¹. Дом является уникальным памятником жилой архитектуры архаического и раннеклассического времени на Боспоре, поэтому сохранение всех, связанных с ним архитектурных остатков было необходимо. Полностью раскрыть подстилавший здание слой, датируемый эпохой бронзы, не удалось. Но и то, что удалось расчистить, позволило сделать ряд интересных наблюдений.

Поселение эпохи бронзы было расположено в юго-западной части небольшого плато, находившегося в 150 м от берега моря. В ложбинах по обе стороны имелись источники пресной воды, теперь сильно засоренные. С севера и юго-востока плато защищали от ветра естественные выступы скал, высоко поднимающиеся над поверхностью земли.

На юго-западном склоне плато в 1950 г. обнаружены остатки углубленного в землю жилища, примыкавшего к выступам скал. Оно находилось непосредственно под домом VI—V вв. до н. э., поэтому удалось расчистить только его северо-восточную часть. Повидимому, оно представляло собой полуземлянку, углубленную в землю на 0,4 м, продолговатую, вытянутую с юго-востока на северо-запад. Площадь жилища была не менее 25 м². На дне расчищены два очага, в виде небольших углублений, заполненных камнями, носившими следы обжига. Сверху камни были покрыты золой с кусочками угля, обгорелыми костями и черепками разбитого неорнаментированного лепного горшка, сильно закопченного; попадались также куски обгорелой глиняной обмазки. На полу жилища и в заполнявшем его грунте найдено большое количество черепков лепной керамики — орнаментированной и гладкой, кремневых орудий и костей животных².

В 1951 г. жилище было доследовано: вскрыт пол в помещениях здания, перекрывавшего полуземлянку, благодаря чему удалось расчистить значительную часть ее площади. Под полом помещения «Г», имевшего, повидимому, хозяйственное назначение и пристроенного с юга к зданию VI—V вв. до н. э., обнаружено особенно большое скопление черепков керамики эпохи бронзы, отщепов кремня (часть которых с ретушью) и костей домашних животных (большей частью расщепленных). Найдены фрагменты горшков с веревочным орнаментом, причем оттиски веревочки или штампа располагались на шейке сосудов в виде параллельных линий, иногда сгруппированных попарно, и на плечах в виде волнистых линий или треугольников, внутри которых иногда делались пальцем углубления. На некоторых сосудах веревочный орнамент сочетался с прорезными линиями. Орнамент, нанесенный оттиском крученой веревочки или подражающим ей штампом, отличается небрежностью. Оттиски большей частью неотчетливые, крупные. Кроме того, встречены черепки сосудов с наlepными валиками на плечах и тулове, украшенными насечками и вдавливами, а также черепки с тоненькими валиками с заостренными верхушками, особенно характерными для керамики из Щебетовки (вблизи Феодосии), однако встречаются они и на

¹ И. Т. Кругликова. Древний Киммерик. История и археология Боспора, т. I. Симферополь, 1952.

² И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, XLIII, стр. 115.

сосудах со стоянки Кизил-Коба и Алма I, т. е. характерны именно для племен, населявших Крым.

Кроме исследования вскрытой ранее землянки, в 1951 г. площадь раскопа «Холм А» была расширена на северо-восток. Никаких архитектурных остатков, относящихся к античной эпохе, не обнаружено. Слой был необычайно тощим. Попадалось незначительное количество черепков VI—V вв. до н. э., главным образом от остродонных амфор. Слой, датируемый эпохой бронзы, также был значительно более тонким, чем в юго-западной части раскопа. К нему относится углубление овальной формы, примыкавшее к выступу скалы, расположенное в 5,7 м от землянки. Из-за особенности грунта (темный суглинок) его очертания прослеживаются недостаточно отчетливо. Размеры его приблизительно 5×4 м, глубина 0,3 м. Следов очага или ям для столбов не обнаружено, поэтому нет достаточных оснований считать это углубление землянкой. Но именно в нем найдено значительное скопление находок: керамики, относящейся к периоду поздней бронзы, отщепов кремня и др. Неподалеку обнаружены две зольные ямы округлой формы диаметром 0,6 и 1,4 м и глубиной 0,4 и 0,55 м, также содержавшие черепки керамики аналогичного типа. Возле одной из них найден раздавленный лепной горшок, а около него плоское каменное грузило с просверленным отверстием и отщеп кремня. И углубление, и ямы, вне всякого сомнения, были связаны с расчищенной ранее землянкой. Сюда же относится и яма, обнаруженная на расстоянии 2,8 м к востоку от углубления. Ее диаметр 1,1—0,95 м, глубина 1,3 м. Яма начиналась в самой верхней части слоя и была вся заложена крупными глыбами известняка, только слегка обработанного. Камни лежали в три ряда. Между ними и главным образом сверху найдены фрагменты неорнаментированных лепных сосудов, морские раковины и расщепленные кости животных. Камни по своим размерам и по характеру обработки очень близки найденным на раскопе «Береговой» и связаны, повидимому, с кладкой, относящейся к эпохе бронзы. Может быть и вскрытая яма по каким-либо причинам была заложена камнями от разрушенной кладки того же времени.

Материалы эпохи бронзы, найденные на раскопе «Холм А» в 1951 г., те же, что и в 1950 г. Они почти идентичны находкам, относящимся к эпохе бронзы, встреченным в раскопе на западном склоне горы Опук и свидетельствуют об одновременности обоих поселений. Для керамики характерным является сочетание форм и орнаментации сосудов, свойственных эпохе поздней бронзы, с орнаментами, встречаемыми на сосудах более ранних типов, распространенных еще в эпоху средней бронзы на территории так называемой «катакомбной культуры». Повидимому, в Киммерике сохранились поселения конца II — начала I тысячелетия до н. э. Жители поселений хранили старые традиции выделки и орнаментации сосудов и изготовления кремневых орудий, продолжавшие долгое время жить у этих племен, что, возможно, объяснялось, с одной стороны, отдаленностью и изолированностью района горы Опук от степного Крыма, куда проникла уже другая культура, с другой стороны, возможно, имели значение связи с Северным Кавказом и районами Нижнего Дона, где катакомбная культура существовала более долгое время и где поселения эпохи поздней бронзы тоже дают аналогичное сочетание приемов орнаментации сосудов: налепные валики, налепной и веревочный орнамент. Аналогии материалу из поселений района горы Опук имеются на Северном Кавказе среди находок из поселений Ростовской области: у хут. Красный Яр, на р. Маныч у хут. Веселого, на Кобыковом городище, в Усть-Лабе и близ Новочеркаска; в Приазовье — на поселении у Обиточной, и на Белозерском Лимане. Очень близкий материал по сочетанию в нем элементов, характерных для эпохи средней и поздней бронзы, встречается далеко на западе в Румынии, в районе р. Серет

на поселениях Пойана и Першиу¹. Там также обнаружена керамика с на- лепными валиками и насечкой на них, с тонкими параллельными валиками, имеющими заостренную вершинку и с веревочным орнаментом; эти памят-ники румынские археологи датируют концом эпохи бронзы, который, впро-чем, для своей территории они относят к середине II тысячелетия до н. э.

Поселения в районе Киммерика не являются единичными для Восточ-ного Крыма памятниками эпохи бронзы. Очень близкая керамика найдена на поселении, обнаруженном неподалеку от Феодосии, у сел. Щебетовка Судакского района. Разведки 1929 и 1930 гг., материал которых хранится в Феодосийском Краеведческом Музее, и раскопки ГИМ в 1948 г. дали керамику и орудия почти аналогичные найденным в районе горы Опук. Наиболее часто на этом поселении попадалась керамика, орнаментирован-ная несколькими параллельными налепными валиками, очень тоненькими, сверху заостренными. Иногда они сочетались с маленькими прилепными лепешечками, что встречалось и на керамике из района горы Опук, где, впрочем, фрагментов более чем с двумя параллельными валиками не най-дено. В Щебетовке встречены черепки керамики с веревочным орнаментом, очень грубо и небрежно нанесенным; это свидетельствует о том, что в пе-риод существования поселения такая техника орнаментации керамики уже пришла в упадок. Плечики некоторых сосудов украшались прорезным орна-ментом или налепным валиком с насечкой в виде прямых или косых линий. В Щебетовке, так же как и в районе Киммерика, вместе с этой керамикой обнаружены и каменные орудия.

Другое, близко расположенное поселение, давшее керамику очень слож-ных типов, открыто в 1929 г. в районе сел. Планерного. Там также найдена керамика с гребенчатым заглаживанием поверхностей, с узкими налепными валиками и с валиками, на которых имелась насечка. Интересно, что рельеф местности для всех четырех поселений (у горы Опук, у с. Щебетовки и у сел. Планерного) почти аналогичен. Горы с выступами скал, небольшие холмы и плато, наличие источников питьевой воды — все это мы видим на каждом из местонахождений. И характерно, что в восточном Крыму, где горы являются редким исключением, следы поселений эпохи бронзы, т. е. поселений, которые можно связать с киммерийскими племенами, встреча-ются пока только в прибрежных районах среди гор и скал. Именно там киммерийцам было легче укрепиться и задержаться в более позднее время, сохранив свои племенные особенности и традиции.

Не противоречит данным античных авторов и территория распростране-ния памятников, близких по материалам поселениям в районе горы Опук. Античные авторы локализируют киммерийцев в районах Керченского полу-острова и Северного Кавказа и связывают с ними фракийские племена тре-ров. О киммерийцах, как о народе, жившем в областях Северного Причер-номорья и Приазовья, мы знаем из свидетельств многих греческих писате-лей, начиная с V в. до н. э. Эсхил упоминает о киммерийском перешейке, находящемся у самых узких врат озера². Геродот передает рассказ о том, как «кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю», прибавляя при этом, что страна, занимаемая в V в. до н. э. скифами, пер-воначально принадлежала, как говорят, киммерийцам, которые покинули свои земли, оставив скифам страну, лишенную населения³. И только наиме-нования местностей сохранили воспоминания о древних обитателях этой

¹ Dacia, III—IV, Bucuresti, 1927, стр. 157 сл.; 295, рис. 50—53.

² Прикованный Прометей, стр. 729—761.

³ Геродот, кн. IV, гл. II.

территории. Так, в Скифии есть «Киммерийские стены, киммерийские пере-
правы, есть и так называемый Киммерийский Боспор»¹.

У Керченского пролива киммерийцев локализует Каллимах, говоря, что Лигдамис, разрушивший в Эфесе храм Артемиды, привел туда бесчисленное войско «доителей кобылиц киммерийцев, которые живут отдельно от других, у самого пролива Инаховой телицы»².

Безымянный автор землеописания, приписываемого Скимну, жившему в III—II вв. до н. э., упоминает об основанном боспорскими тиранами городе Киммерида, получившем название от варваров киммерийцев и находившемся при самом выходе из устья Меотийского озера³. Страбон, используя данные древних авторов, сообщает, что киммерийцы некогда господствовали на Боспоре, поэтому Боспором Киммерийским и называется вся та часть пролива, которая прилегает к устью Меотиды, что киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов эллины. Он говорит также, что в горной стране тавров есть «гора Киммерий, названная так по имени киммерийцев», а, описывая азиатскую сторону Боспора, он упоминает селение Киммерийское⁴. Кроме того, в связи с изложением истории географических знаний, Страбон сообщает, что о киммерийцах знал еще Гомер и что это доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени Гомера или незадолго до него⁵.

Действительно, Гомер в Одиссее упоминает о народе и городе людей киммерийских, но он, повидимому, очень смутно представлял себе район их жительства, помещая их на край Океана, куда никогда не заглядывают лучи солнца⁶.

Как видно, локализация греками киммерийцев в Северном Причерноморье относится уже ко времени греческой колонизации, когда греки познакомились с населением побережья Черного моря, с его преданиями и традициями. Возможно, они встретились там и с остатками этого народа, отдельные племена которого могли еще сохраниться в горных или более отдаленных районах и после завоевания скифами основной территории их расселения. И не случайно целый ряд топонимических названий сохранил уже в греческую эпоху воспоминания об этом древнем народе. Повидимому, киммерийцы в областях Северного Причерноморья и Приазовья были таким же реальным народом, как савроматы, синды, керкеты, тореты и др., о которых упоминает Дионисий, помещавший их «у холодной подошвы Тавра»⁷.

Греческие писатели более позднего времени использовали данные древнейших писателей, не дошедшие до нашего времени, а также предания местных жителей, и поэтому с их указаниями на состав населения Северного Причерноморья нельзя не считаться.

Интересно также, что Овидий, проведенный долгие годы изгнания на западном берегу Черного моря в эллинском городе Томи, стоявшем на земле гетов, в одном из писем своих называет этот берег Киммерийским⁸, повторяя тем самым существующее предание о расселении киммерийцев в районе Причерноморья. Писатели I—IV вв. приводят те же самые сведения, помещая киммерийцев где-то по соседству с синдами и другими народами Север-

¹ Геродот, кн. IV, 12.

² Каллимах. Гимн к Артемиде.

³ Перипл безымянного автора, 896—899; ВДИ, 1947, № 3, стр. 313.

⁴ Страбон, VII, 4; XI, 2, 4.

⁵ Там же, 1, 2, 9.

⁶ Гомер. Одиссея, гл. XI, 10—15.

⁷ Дионисий, 142—163.

⁸ Овидий Назон. Письма с Понта. IV, 10; см. ВДИ, 1949, № 1, стр. 240.

ного Причерноморья (Плиний Секунд, Юлий Солин, Руфий Фест Авиен, Элий Геродиан и др.).

Все эти свидетельства античных писателей нельзя отбрасывать при установлении места расселения древнейших обитателей Крыма. И есть все основания связать с киммерийцами, как древнейшими обитателями Керченского полуострова, поселения эпохи бронзы, обнаруженные в районе Киммерика на обоих склонах горы Опук.

•

И. Б. ЗЕЕСТ

РАСКОПКИ ФЕОДОСИИ

Раскопки Феодосийского городища в 1951 г. велись на Карантинной Горке. Они явились продолжением работ, начатых здесь в 1949 г.¹ Расширение раскопочной площади позволило продолжить изучение обнаруженного ранее здания XIII—XV вв. и углубить раскоп с целью исследования культурного слоя до материка.

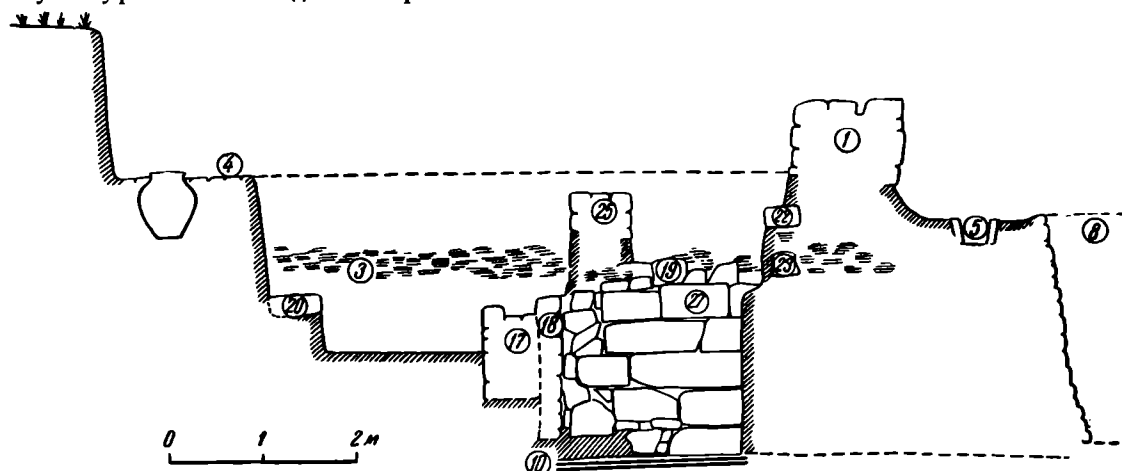

Рис. 56. Разрез через раскоп Карантинная Горка:

1, 4, 5, 8 — архитектурные остатки городского строительства XIII—XV вв.; 3 — слой пожара; 10 — подвеска скалы; 17, 18 — стены IV—III вв. до н. в.; 19, 20, 22, 23, 25 — архитектурные остатки античного времени; 27 — стена V в. до н. в.

Стратиграфия на этом участке оказалась многослойной и под средневековыми слоями обнаружены хорошо сохранившиеся слои античного города, причем общая мощность культурных напластований достигает 5 м (рис. 56).

Нижний горизонт представляет собой ровную поверхность скалы. Непосредственно на ней находится основание стены V в. до н. э. (стена № 27), сложенной из монументальных квадров местного песчаника. Квадры тщательно отесаны и уложены насухо на продольные стороны. Возможно, что

¹ И. Б. Зеест. Разведочные раскопки в Феодосии. КСИИМК, XXXVII, стр. 185—190.

поверхность стены была расписана, так как в грунте, покрывающем кладку, встречались небольшие обломки красной и желтой штукатурки. Высота сохранившейся части стены достигает почти двух метров.

Фундамент состоит из одного ряда грубо обработанных крупных камней, на его уровне прослежен пол, представляющий собой слой песчаниковой крошки. Незначительная высота фундамента при монументальной кладке была бы технически непонятна, если бы основанием не служила поверхность скалы. Однако подтеска скалы производилась не одновременно с постройкой здания, а в более раннее время. Об этом свидетельствует сглаженность и окатанность подтесанной поверхности, подвергавшейся выветриванию до того времени, когда ее перекрыл пол здания.

Здание V в. было впоследствии разрушено. В конце IV—III в. до н. э. стена № 27 использована при постройке нового сооружения, к которому относятся три стены, уложенные в переплет. Основание этих стен находится на 0,5—0,8 м выше уровня скалы, а уровень этого здания более чем на 1 м выше уровня здания V в.

Для соединения новой постройки с нижележащей стеной № 27, вдоль новой стены (№ 17) была выложена специальная кладка-панцырь (№ 18), основание которой было глубоко впущено в грунт до поверхности фундамента стены № 27.

Кладка-панцырь выложена из прямоугольных плит местного брекчиевидного известняка, поставленных на ребро и соединенных со стеной № 17 бутовой прослойкой. Толщина кладки равна 0,3 м. В месте соединения панцыря со стеной V в. камни кладки № 18 перевязаны с камнями, заложенными во время ремонта, образующими прямой угол (рис. 57).

Подземная часть кладки № 18, не выполняя функции фундамента, отличается такой же легкой конструкцией, как и верхняя, и находится с нею в одной плоскости, отличаясь только более грубой обработкой камней. Камни верхних, наземных рядов, приближаются к регулярной, прямоугольной форме и их края стесаны наподобие рустованных блоков.

Другие кладки стен раскопаны частично и не дают ясного представления о планировке сооружения.

Здание перестало существовать еще в античное время, стены частично были разобраны на камень, причем сохранилась преимущественно фундаментная основа. Сохранившиеся блоки и крупные отесанные камни верхних частей стен дают представление о регулярном характере кладки и значительных размерах сооружения.

Находки, сопровождавшие раскопки архитектурных сооружений, немногочисленны. Обращает внимание отсутствие остатков городского мусора и кухонных отходов, обычно встречающихся при раскопках жилых кварталов города. Попадались преимущественно обломки чернолаковой посуды конца V и первой половины IV в. до н. э. Отдельные находки относятся к более раннему времени. В их числе обломки расписного мелкофигурного килика конца VI в. до н. э. и край лепного лощеного сосуда с процарапанным орнаментом, относящийся к VII—началу VI в. (рис. 58—1).

В более поздний античный период на этом же месте были возведены другие постройки, от которых сохранились разновременные кладки стен. Прослойки грунта между ними небольшие и ориентировка стен различна, что свидетельствует о частой перепланировке построек на этом участке города. Некоторые из домов погибли во время большого пожара; мощный слой пожарища покрывал всю площадь раскопа на глубине примерно 3 м ниже современной поверхности (см. рис. 56—3).

В отличие от хорошо сохранившегося нижнего слоя с архитектурными остатками V—IV вв., верхние напластования античного времени много-

кратно перекапывались и разрушались выборкой камня, производившейся в средневековый период. Находки оказались смешанными, но преобладал материал III—II вв. до н. э. Находок римского времени сравнительно мало, и это обстоятельство дает основание полагать, что слои, относящиеся к первым векам н. э., на участке не сохранились. Они уничтожены в течение последующего периода жизни города.

Рис. 57. Стена № 27 V в. до н. э. (справа) и стена № 18 IV—III в. до н. э.

Выше слоя пожарища залегает сравнительно тонкий слой грунта, скудно насыщенный культурными остатками. Этот слой, как и нижележащий, поврежден позднейшей перекопкой, однако изучение его представляет большой интерес, потому что он непосредственно подстилает слой, относящийся к периоду расцвета генуэзской Каффы и связан с тем историческим периодом жизни города, который наименее освещен в литературных источниках. Плохая сохранность слоя не дает достаточно ясного материала для характеристики. Однако некоторые находки в результате перекопанности попали в вышележащие слои и обнаружены там со смешанным археологическим материалом позднейшего средневекового периода. К числу таких находок, как нам представляется, относится обломок черепицы с клеймом и плечико лощеного закрытого сосуда с процарапанным орнаментом (рис. 58—2).

К периоду вторичного расцвета города в XIII—XV вв. относится слой, содержащий остатки большого здания, раскопки которого сопровождались обильными находками, свидетельствующими об обширных внешних торговых связях и развитии ремесле средневековой Каффы.

Раскопки на Карантинной Горке позволили впервые исследовать всю толщину культурного слоя на одном из участков города и проследить последовательное развитие его жизни.

Культурный слой наиболее раннего периода существования города (а возможно, и поселения до греческого времени) связан с уровнем подтесанной скалы, выходящей тогда на дневную поверхность.

Культурные отложения, относящиеся к этому времени, не сохранились, но единичные находки VII и VI вв. до н. э., попадавшие в позднейшие слои, свидетельствуют о жизни здесь задолго до постройки здания V в. до н. э. Стена № 27, принадлежащая зданию, является для этого участка

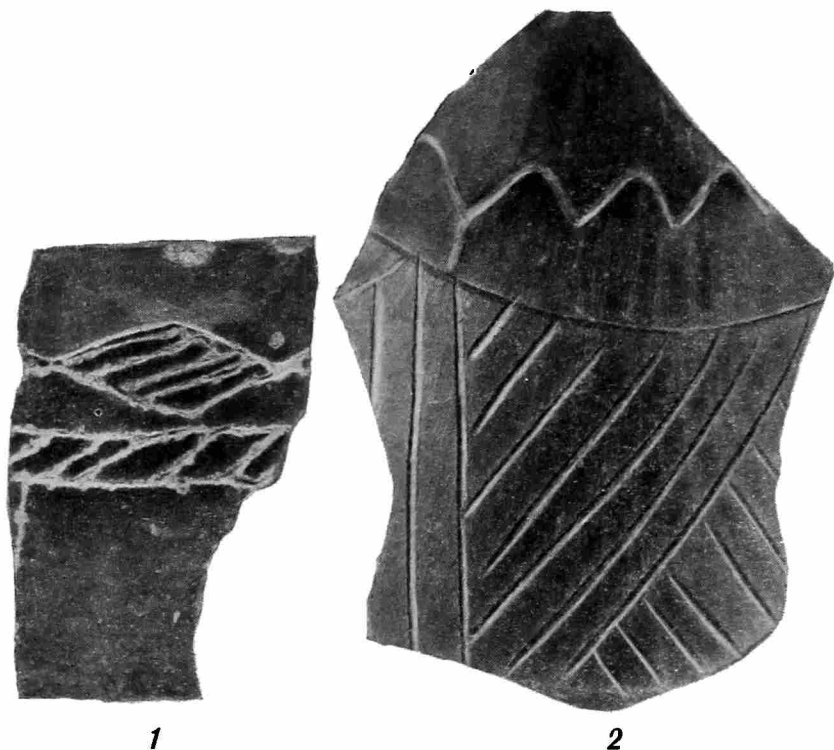

Рис. 58. Фрагменты керамики:

1 — край лепного лощеного сосуда VII — начала VI в. до н. э.; 2 — обломок лощеного сосуда X—XI вв. н. э.

наиболее ранним памятником архитектуры. Несмотря на монументальный характер, здание существовало недолго и было разрушено в конце V или в начале IV в. до н. э.

События, связанные с внезапной гибелью большого здания и восстановительным строительством в конце IV в., по всей вероятности, происходили при Сатире I и Левконе I, когда Феодосия дважды подвергалась осаде и после упорного сопротивления была завоевана и присоединена к Боспорской державе. После этих событий в Феодосии велись большие строительные работы по перестройке порта, тогда же на акрополе было сооружено новое здание (со стенами № 17 и 18) вместо разрушенного в период военных действий, причем сохранившаяся часть стены № 27 была использована в новом строительстве.

О принадлежности раскопанного участка к территории акрополя Феодосии позволяет судить характер находок, среди которых отсутствуют мусорные городские остатки, и монументальный характер обнаруженных здесь архитектурных сооружений.

Архитектурные остатки представляют интерес и с точки зрения истории строительной техники. Они позволяют в деталях проследить способ соеди-

нения двух кладок стен, находившихся на различных уровнях, при помощи дополнительной кладки-панцыря.

Городские слои, связанные с позднейшим античным периодом, сохранились значительно хуже. Встретившиеся здесь находки, архитектурные детали и следы большого пожара свидетельствуют о частых перепланировках и изменениях в городском строительстве.

Городские слои, повидимому, относятся к эпохе Митридата, когда восстановленная Феодосия была вновь присоединена Диофантом к Боспорскому государству. Выяснить этот вопрос позволят дальнейшие раскопки и изучение их материала.

Позднейшие городские наслоения относятся к средневековому периоду. Намечается, пока еще плохо выраженный, слой раннесредневекового времени — одного из самых неясных исторических периодов существования города.

Новые общественные отношения здесь складывались постепенно и связаны с жизнью племен и народов, населявших в то время юго-восточную часть Крымского полуострова. Для выяснения конкретных исторических форм переходного периода особенно важны раскопки тех городов и поселений, которые не прекратили своего существования с гибелью античного общества, а продолжали развиваться в новых исторических условиях. В этом отношении раскопки Феодосии представляют большой интерес.

После этого, мало известного нам периода в жизни города наступил историчный расцвет.

Городской культурный слой этого времени залегает на глубине 2—2,5 м. К нему относятся остатки большого здания XIV—XV в. и водопроводные сооружения, свидетельствующие о благоустройстве этого участка города, входившего в черту цитадели генуэзской Каффы.

Раскопки на Карантинной Горке дали новый археологический материал, освещающий некоторые этапы в древнейшем и средневековом периоде жизни Феодосии.

Этот приморский город с хорошей гаванью еще в античный период получил выдающееся экономическое значение, участвуя в хлебной торговле Боспора.

Раскопки показали, как тесно переплетались исторические события, происходившие на Боспоре, с судьбой города. Неоднократные военные потрясения, неизбежным следствием которых были разрушения зданий и пожары, запечатлелись в городских слоях. Периоды расцвета и благосостояния отмечены интенсивным строительством. Археологические материалы, впервые обнаруженные раскопками на городской территории, являются ценным документом, подтверждающим исторические сведения литературных источников. Получены также новые сведения о топографии древней Феодосии, выяснилась принадлежность исследованного участка к району акрополя города.

Памятники, связанные с жизнью местных племен догреческого времени, обнаружены сейчас почти во всех местах, где велись раскопки Боспорских городов, и вопрос о первоначальном расселении греков на местах более ранних поселений может быть поставлен уже с достаточным основанием. В этой связи особенно интересна находка в Феодосии обломка лощеного сосуда VII — начала VI в., являющегося первым памятником, относящимся к местной культуре доантичного времени.

Находки местной лощеной керамики конца VI, V и IV вв. до н. э., в изобилии встречавшейся на другом участке города в раскопках 1949 г., показывают, что представители местных племен находились в постоянном и непосредственном общении с жителями античной Феодосии и, вероятно, составляли значительную часть городского населения.

Изучение Феодосии, как и других городов Северного Причерноморья, важно не только для понимания особенностей античной культуры, получившей развитие в данных исторических условиях,— оно необходимо для изучения истории и культуры местных племен, находившихся в постоянном общении с античными городами, культура которых развивалась не изолированно, а в процессе взаимодействия с местной античной культурой.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ВТОРОЙ ГОД РАБОТ СИНДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Синдская археологическая экспедиция 1951 г. была организована Институтом истории материальной культуры АН СССР при участии Московского государственного университета¹. Экспедиция продолжила начатые в 1950 г. работы по изучению хор азиатского Боспора с целью исследовать сельскохозяйственную территорию Боспорского государства и культуру входивших в него местных племен, прежде всего синдов.

В 1951 г. работы были сосредоточены в окрестностях станицы Таманской, охватывая юго-западную часть одноименного полуострова. Были произведены разведки, давшие материалы для археологической карты района, занятого в древности многочисленными поселениями. Четыре отряда экспедиции вели раскопки древних поселений и могильников к востоку, югу и западу от станицы.

Работы отрядов И. Б. Зеест, Т. В. Блаватской и Д. Б. Шелова производились самостоятельно, поэтому публикации будут сделаны названными археологами². Автор статьи непосредственно руководил четвертым отрядом, раскапывавшим древнее поселение, расположенное примерно в 15 км к юго-востоку от станицы Таманской на берегу Черного моря, несколько западнее Бугазского соленого озера.

Это поселение находилось на невысоком плато, довольно круто поднимающемся над прибрежным песком. С юга поселение ограничивалось краем плато, имеющим несколько извилистые очертания, с востока — глубокой балкой с крутыми склонами. Менее четко выявляется западная граница, проходившая примерно в 420 м от восточной. Еще менее ясно выражены очертания северной части поселения. Вдоль южной кромки плато тянутся многочисленные ямы и канавы, вырытые в недавнее время.

На территории древнего поселения в 1950 и 1951 гг. был собран обильный подъемный материал: обломки керамики античного и средневекового времени. Среди находок античного времени следует отметить черепки остродонных амфор, в том числе хиосских конца VI — начала V вв. до н. э., фрагменты боспорской керамики и местной лепной посуды.

¹ Состав экспедиции 1951 г. был следующий: начальник — В. Д. Блаватский, его заместитель и начальник западного отряда — И. Б. Зеест, начальник южного отряда — Д. Б. Шелов, восточного — Т. В. Блаватская; старшие научные сотрудники — Н. М. Лосева и Г. А. Цветаева; младшие научные сотрудники — Т. М. Арсеньева и В. В. Крапоткин.

² Краткую предварительную публикацию результатов работ всей экспедиции см. Вестник Академии Наук СССР, 1951, № 10, стр. 67—69.

Для установления времени и характера культурных напластований Бугазского поселения был исследован ряд пунктов вдоль южного края плато (рис. 59).

Площадь I (равная с прирезкой 40 м²) была разбита примерно в 190 м от восточного края поселения. Раскопками выявлен только один культурный слой, состоящий из гумированного суглинка коричневатого цвета, лежащий на материковой глине-белоглазке. Находки сравнительно немногочисленны. Это — обломки амфор первых веков нашей эры и раннесредневекового времени, в том числе стенок реберчатых и рифленых, черепки простой тонкостенной, лепной и грубоглиняной посуды с линейным

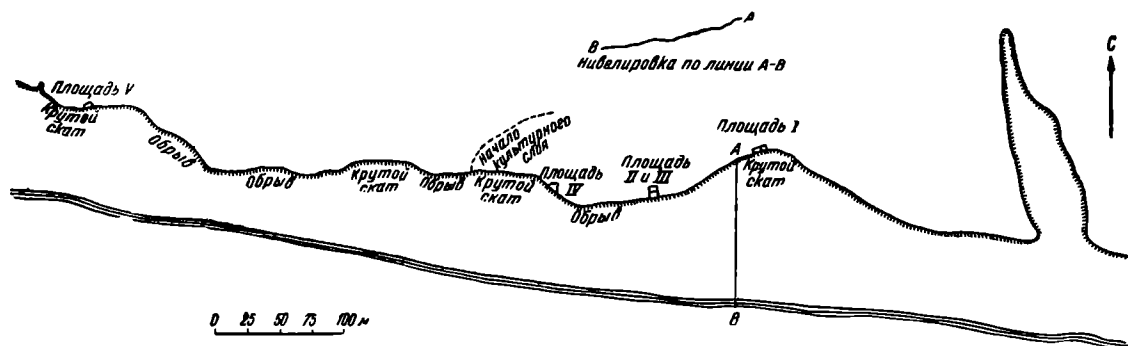

Рис. 59. План Бугазского поселения.

орнаментом, осколки светильника, а также единичные фрагменты: ножки флакона, сероглиняного лощеного сосуда, чернолакового IV в. до н. э., солена и калиптера, кусок сырцового кирпича, точильный брусок и кости животных. Перечисленные находки позволяют считать, что слой относится к средневековому времени и вместе с тем включает известное количество предметов античного времени, главным образом I—IV вв. н. э. и, в меньшем числе, более ранних (IV в. до н. э.).

Обнаружена впущенная в материк яма неправильной формы (примерно 1,2—1,3 м в сечении); глубина ее 0,3 м. Яма относится к позднеантичному времени. В ней обнаружены: несколько камней, сделанный из грубой глины светильник на высокой подставке с основанием, упрощенно передающим три ножки (рис. 60—1), обломки позднеантичных амфор, фрагменты солена и черепки сосуда из грубой глины.

Примерно в 80 м на ЗЮЗ от площади I были разбиты площади II и III (впритык одна к другой, общей площадью 48 м²). Раскопками выявлены три культурных слоя, под которыми обнаружена материковая глина-белоглазка. Зачищен залегающий на материке сброс остатков очага или печи. Сброс состоял из измельченных кусков жженого сырцового кирпича и небольшого количества золы и сажки. Длина пятна (с востока на запад) достигала 1,6 м, ширина — около 0,9 м.

Над этими остатками залегал первый культурный слой, мощностью до 0,6 м, состоявший из коричневатого суглинка, не очень богатого находками. Там обнаружены: обломки остродонных амфор, в том числе I—II вв. н. э., и единичные эллинистического времени фрагменты сероглиняной и лепной посуды. Среди черепков из грубой глины один, украшенный налепом и ямочным орнаментом. Найдены немногочисленные фрагменты сосудов чернолаковых и краснолаковых I в. до н. э. и I—II вв. н. э., обломки боспорского солена и калиптера, куски жженого сырца, глиняное пряслице (рис. 60—5) и кости животных (свиньи, мелкого рогатого скота, собаки). Из сказанного можно заключить, что первый слой, содержащий некоторое количество находок последних веков до н. э., должен быть отнесен примерно к I—II вв. н. э.

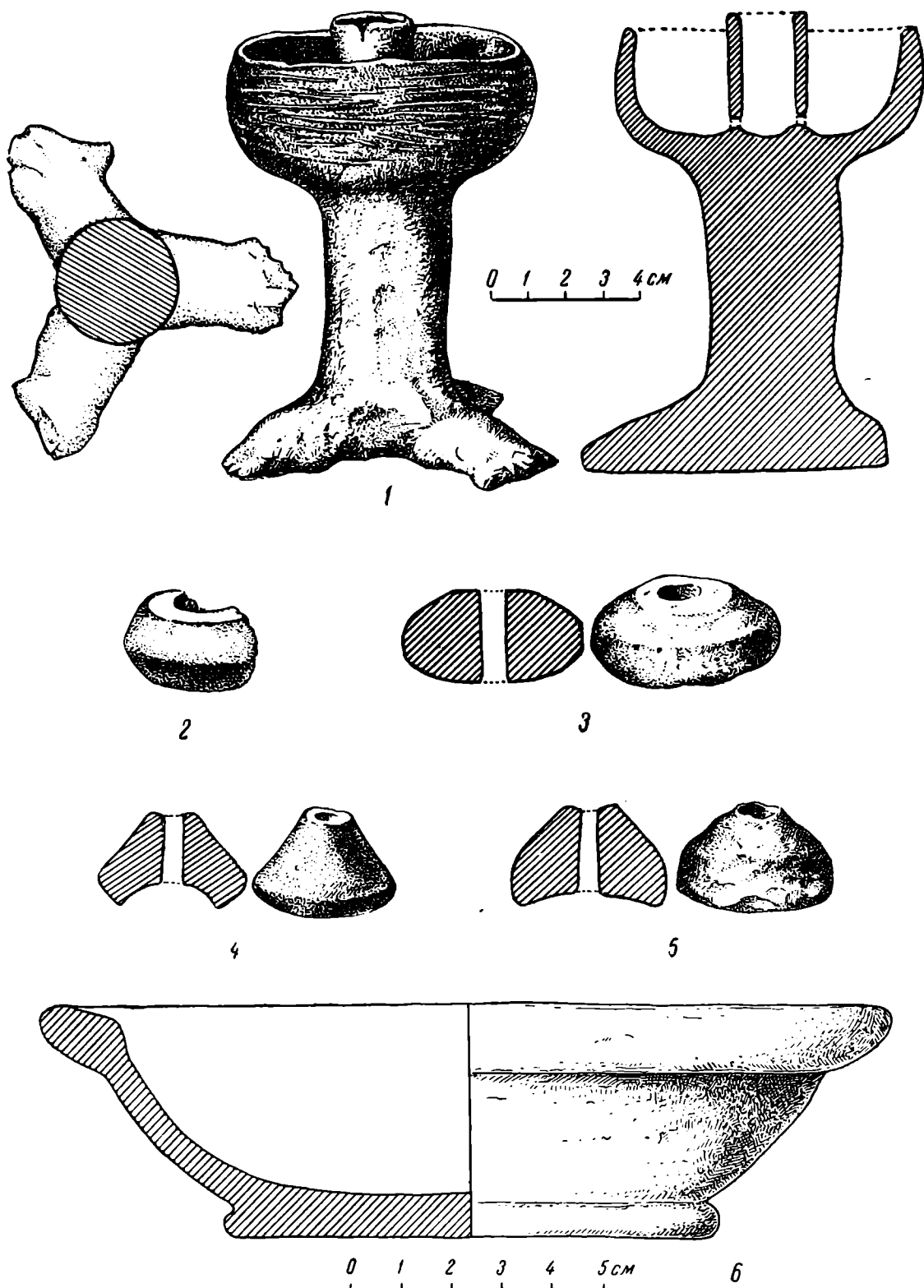

Рис. 60. Вещи с Бугазского поселения и из некрополя Тирамбы:

1 — глиняный светильник (площадь I) 0,75 нат. вел.; 2 — глиняное пряслице (площадь IV); 3, 4 — пряслица (площадь III, дерновый слой); 5 — пряслице (площадь III, слой I—II вв. н. в.); 6 — лутерий (могила № 2), 1—5 из Бугазского поселения, 6 — некрополь Тирамбы.

Выше открыты развалины фундаментов стен и остатки гнезд вертикальных стоек (столбов). Развал фундамента № 1 состоял из рваных дикарных и отчасти плитняковых камней средних и мелких размеров (рис. 61). Глубина подошвы около 1,5 м, толщина пласта 0,35 м, длина — 1,50 м, ширина — 1,25 м. Развал фундамента № 2 составляли близкие по типу камни.

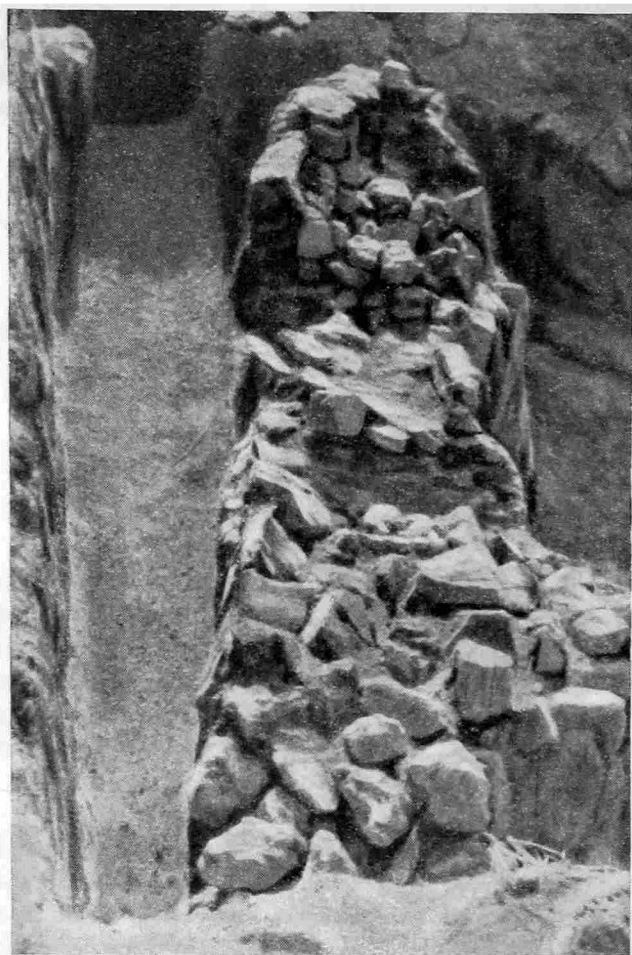

Рис. 61. Развал фундамента стен (Бугазское поселение, площадь III).

Глубина подошвы его 1,25 м, толщина пласта 0,35 м, длина — 0,90 м, ширина — 0,65 м. Развал фундамента № 3 состоял из рваного камня средней величины. Глубина подошвы около 1 м, толщина пласта около 0,23 м, длина — до 5 м, ширина — около 0,90 м.

Гнездо «а» представляло неглубокую овальную в плане ямку, обложенную мелким плитняковым камнем. Диаметр ямки 0,12—0,18 м, глубина подошвы обклада 1,58 м, а верхней поверхности — 1,48 м. Гнездо «б» было обложено плитняковыми камешками и стенками амфор. Диаметр его 0,12—0,15 м, глубина 1,6—1,5 м. Все описанные остатки, вероятнее всего, принадлежали одному сооружению, стены которого стояли на каменном фундаменте¹, а нижние части столбов, поддерживавших крышу, были закреплены в особых гнездах.

Над развалинами описанного сооружения лежал пласт коричневатого гумированного суглинка толщиной 0,4—

0,6 м. В нем обнаружены стенки амфор, преимущественно I—II и особенно III—IV вв. н. э., реберчатых, а также рифленых сосудов, фрагменты пифосов, черепки простых тонкостенных, сероглиняных и лепных сосудов (среди последних — с ямочным орнаментом), обломок лутерия из синопской глины, осколок краснолакового сосуда I в. н. э., рожок светильника из грубой глины, фрагмент солена, куски сырца, в том числе жженого, плохо сохранившаяся пантикапейская монета², кости животных (свинья, крупный и мелкий рогатый скот), а также раковины устриц и мидий.

Эти находки побуждают датировать описанный слой III—IV вв. н. э. Лежащая под ним сильно разрушенная постройка, от которой остались

¹ Возможно, что дошедшие в плохой сохранности фундаменты этого здания были близки по технике более основательным фундаментам, открытым Д. Б. Шеловым в 1951 г. в синдском поселении, относящимся к несколько более раннему времени.

² По определению Д. Б. Шелова. См. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, табл. XL, 18.

только развалы фундаментов и гнезда столбов, должна быть отнесена примерно к II—III вв. н. э.

Третий — верхний культурный слой средневекового времени состоял из гумированного коричневатого суглинка, всего 0,2—0,3 м толщиной; в нем обнаружены обломки амфор I—IV вв. н. э. и средневековых, черепки рифленых и реберчатых сосудов, фрагмент средневекового грубоглиняного сосуда с рифленным орнаментом, осколки сероглиняной, чернолаковой и краснолаковой (I в. до н. э. и I—II в. н. э.) керамики, кусок солена, два глиняных пряслица (рис. 60—3, 4), обломок верхнего жернова-толкача, кости животных и раковины устриц.

Таким образом, второй раскоп дал довольно яркую картину жизни поселения в первых веках нашей эры и отчасти в эпоху средневековья.

Примерно в 70 м на запад от площадей II—III исследована площадь IV, составляющая с прирезкой 28 м². Раскопки доведены до материковой глины. Обнаружен только один культурный слой, состоящий из суглинка, заключившего немногочисленные находки; судя по последним, можно установить, что в этом месте античные и раннесредневековые напластования были перерывы в тмутараканский период. Найденные обломки керамики в основном относятся к тем же группам, которые встречались на выше описанных раскопах.

Примерно в 60 м к западу от площади IV кончается культурный слой Бугазского поселения, как это видно по обрезу обрыва плато. Далее, нужно думать, находился некрополь поселения. Примерно в 300 м к западу от края поселения обнаружена могила, для расследования которой была разбита площадь V размером 24 м².

От костяка погребенного сохранились лишь незначительные остатки трубчатых костей, которые вместе с бальзамарием из прозрачного стекла найдены на глубине около 1,5 м в обрезе края плато. К северу от захоронения обнаружен конский костяк, обращенный головой на восток. При нем найдены остатки железных удиц, бронзовое кольцо и алебастровая буса цилиндрической формы. Лошадь была положена на левый бок с поджатыми к брюху ногами. Костяк лежал на материковой глине; череп лошади находился в 0,8 м к ССВ от остатков человеческих костей.

Это погребение, сопровождаемое конем, датируется, судя по найденному в нем бальзамарию, первыми веками нашей эры.

Таким образом, работы к западу от Бугазского озера установили наличие там древнего поселения, простиравшегося с востока на запад на 420 м. Оно существовало уже в VI в. до н. э., но наиболее интенсивная жизнь его приходится на последние века до н. э. и особенно I—IV вв. н. э., а также период средневековья.

Полученные раскопками материалы рисуют нам хозяйство поселения. Хлебопашество получило отражение в найденном обломке жернова-толкача. О скотоводстве свидетельствуют встречавшиеся в значительном количестве кости животных. По определению В. И. Цалкина, найдены в античных напластованиях:

1) свинья	22	кости от 5 особей
2) крупный рогатый скот	62	„ „ 4 „
3) мелкий „ „	14	„ „ 3 „
4) лошадь	34	„ „ 2 „
5) собака	4	„ „ 1 особи

в средневековых напластованиях:

1) крупный рогатый скот	20	костей от 2 особей
2) лошадь	17	„ „ 2 „
3) мелкий рогатый скот	2	кости от 1 особи
4) свинья	2	„ „ 1 „

Ткачество засвидетельствовано находками пряслиц; морской промысел — находками мидий и устриц.

Несмотря на то, что постройки сильно разрушены, мы все же можем сделать некоторые наблюдения относительно строительного дела у обитателей Бугазского поселения в первых веках н. э. Стены зданий возводились на фундаментах из небольшого по размерам рваного камня; применялись деревянные вертикальные опоры; очаги были глинобитными. Возможно, однако, что очаги и, по всей вероятности, стены жилищ сооружались из сырцовых кирпичей. Для покрытия крыш употреблялась глиняная черепица (боспорская).

Несомненно широкое применение местной и привозной керамики, главным образом остродонных амфор; чернолаковая и краснолаковая керамика встречалась в небольшом количестве. Из найденных предметов особого внимания заслуживает позднеантичный местной работы светильник на высокой подставке.

К западу от поселения, во всяком случае в первых веках н. э., находился могильник.

Помимо основных работ, сосредоточенных в юго-западной части Таманского полуострова, Синдской экспедицией произведены охранные раскопки подмываемого морем некрополя около Пересыпи (на Азовском море). Некрополь принадлежит обнесенному валом и рвом городищу, от которого в настоящее время осталась только небольшая часть. Названное городище скорее всего должно быть идентифицировано с Тирамбой, упоминаемой Страбоном¹.

Некрополь Тирамбы расположен на невысокой террасе над песчаной полосой берега Азовского моря. Ежегодно во время штормов морские волны подмывают глинистую террасу, вызывая разрушение древних могил. В 1951 г. установлено наличие трех пятен полуразрушенных могил к западу от западного края рва городища. Они были раскопаны отрядом под руководством Н. В. Анфимова.

Могила № 1 находилась в 122 м от края рва городища. На глубине 1,2 м обнаружено сильно разрушенное детское погребение. Костяк лежал головой на восток. Вещей не обнаружено; в могильной земле встречались обломки амфор.

Могила № 2 расположена в 211 м от края рва. Она представляла земляной склеп, от которого сохранилась только часть погребальной камеры, имевшей неправильные очертания и очень сильно поврежденной грабительской ямой. Грабители, проникшие через эту яму в склеп, обобрали его начисто. Наибольшее протяжение сохранившейся части камеры с СВ на ЮЗ достигает 2,4 м, а с ЮВ на СЗ — около 2 м. Пол склепа находился на глубине 3 м, большая часть его была перекопана грабителями. Потолок осел; стенки сохранились в высоту на 0,5 м. У западной стенки обнаружены следы инструмента, которым выкопан склеп — это мотыка шириной 0,062 м.

В могильной земле, заполнявшей склеп, встречались остатки разоренного погребения: куски дерева, слежавшаяся камка, обломки человеческих костей, осколки лепной керамики и обломки двух амфор — хиосской и красноглиняной V—IV вв. до н. э.

В земле, которая заполняла грабительскую яму, спущенную в склеп сверху, обнаружены остатки инвентаря погребения: 1) части чернолакового килика V в. до н. э. с graffito: ; 2) обломки чернолаковой леканы с орнаментом в виде ряда зигзагов, пурпуровых поясков и «кор-

¹ Страбон, XI, 2, 4.

зинки лучей»; 3) осколки чернолаковой солонки; 4) фрагментированный лутерий из светложелтой глины; высота его 0,08 м, диаметр устья 0,33 м (рис. 60—6); 5) черепки остродонных амфор, в том числе хиосской; 6) незначительные остатки бронзовых предметов, среди них края открытого сосуда и, вероятно, зеркала; 7) небольшие железные обломки, в том числе, видимо, части втулки и подтока копья.

Могила № 3 обнаружена в 46 м от края рва. В могиле найдена верхняя часть остродонной амфоры, заключавшей жженные кости покойника. Остальная часть амфоры уничтожена обвалом. Амфора была обращена горлом к ЮЗ, лежала она на глубине 0,70—0,92 м. Амфора — синопская, эллинистического времени.

И. Б. ЗЕЕСТ

ЗЕМЛЯНЫЕ СКЛЕПЫ НЕКРОПОЛЯ ТУЗЛЫ

Работы отряда Синдской экспедиции в 1951 г. производились на мысе Тузла, где в отвесном береговом обрыве были замечены могильные пятна разрушающихся склепов.

Было раскопано и доследовано три земляных склепа, одинаковых по характеру архитектуры и по сходству обряда погребений, которые все относятся к I—II вв. н. э.

Наиболее ясное представление об архитектуре подобных склепов дает склеп № 3, сохранившийся лучше других (рис. 62). Его колодезь, размером $1,8 \times 0,8$ м, опущен на глубину 2 м. Вдоль узких стенок колодезя имеются две подбойные камеры, которые соединяются с ним посредством коротких дромосов с закладными плитами¹.

Уровень пола в обеих камерах ниже дна колодезя, образуя между ними ступень. Размер камер, судя по одной полностью сохранившейся, равен 2×2 м. Они вырезались в плотном глинистом грунте и имеют куполообразный свод, наибольшая высота которого достигает 1,6 м.

Камеры подобного типа иногда устраивались с нишами и лежанками. Такая камера была обнаружена в склепе № 1, где вдоль противоположной от входа восточной стенки находилась неглубокая (0,8 м) ниша с лежанкой длиной в 1,8 м.

Камеры склепа № 3 расположены по одной оси в направлении ЮЗ—СВ. Ту же ориентацию можно проследить в плане склепа № 1.

Во всех склепах находились погребения в деревянных гробах, но, судя по остаткам крашенных досок, встретившихся в склепе № 1, можно предположить, что некоторые погребения совершались и в деревянных саркофагах. Ориентация костяков, сохранившихся в склепах № 2 и 3, одинаковая — на северо-запад.

Найденные вещи однотипны. Они не дают полного представления об обряде, так как все погребения или были частично разрушены обвалом берегового обрыва или уничтожены грабителями.

Во всех склепах были обнаружены обломки железных мечей. Один из них представляет собой тип длинного сарматского меча, лезвие которого переходит в черенок рукояти без перекрестия, оканчивающейся навершием в виде пронизи (рис. 63—1).

¹ Один из дромосов оказался разрушенным грабительским подкопом, закладная плита отсутствовала.

Характерны стеклянные сосуды типа энохой бесцветного, прозрачного стекла (они могут быть датированы не позднее II в. н. э.) и различные бусы из пасты, янтаря и стекла.

Обращает особое внимание миниатюрная головка с высоким головным убором, вырезанная из дерева, служившая, вероятно, украшением туалетной ложечки. Изображено мужское, бородатое лицо (рис. 63—2).

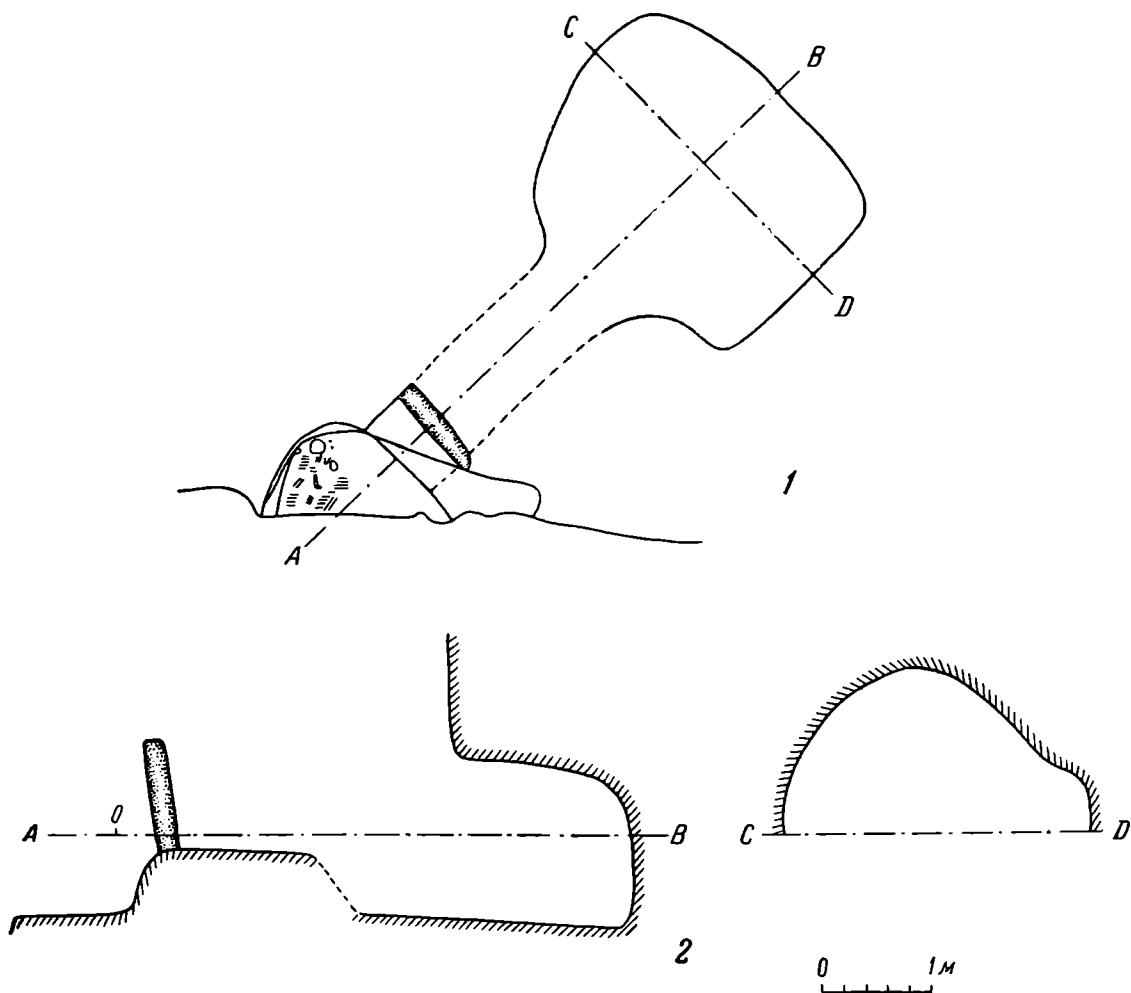

Рис. 62. План (1) и разрезы (2) земляного склепа № 3 Тузлы.

Встречены золотые ювелирные предметы. Среди них две пряжки из золотой фольги. На щитке одной изображена лошадь, пьющая из лутерия; в центре щитка другой пряжки — дисковидный умбон, имитирующий инкрустацию из самоцветного камня (рис. 63—3, 4). Сохранились части золотых венков из листьев апия. Подобные венки обычно встречаются в некрополях Пантикапея и Фанагории в погребениях первых веков н. э. Среди предметов из золотой фольги есть одна индикация с нечетким изображением головы, повернутой влево.

Все предметы из золотой фольги являются изделиями местных боспорских мастерских. К числу боспорских ювелирных изделий относится и найденная в склепе № 3 золотая серьга (рис. 63—5). Она представляет собой пластину каплеобразной формы, по краям которой напаяны два ряда скани, оканчивающиеся наверху двумя петельками; посередине пластины — вставка из прозрачного красного стекла.

Встречены обломки мелких бронзовых предметов: перстня со вставкой из горного хрусталя, двух фибул и щипчиков.

Найденные в склепах вещи дают основание отнести погребения к I—II вв. н. э.

Земляные склепы первых веков н. э. были широко распространены на Боспоре в некрополях Пантикапея и Фанагории. Подобный тип погребальных сооружений известен и в Прикубанье¹.

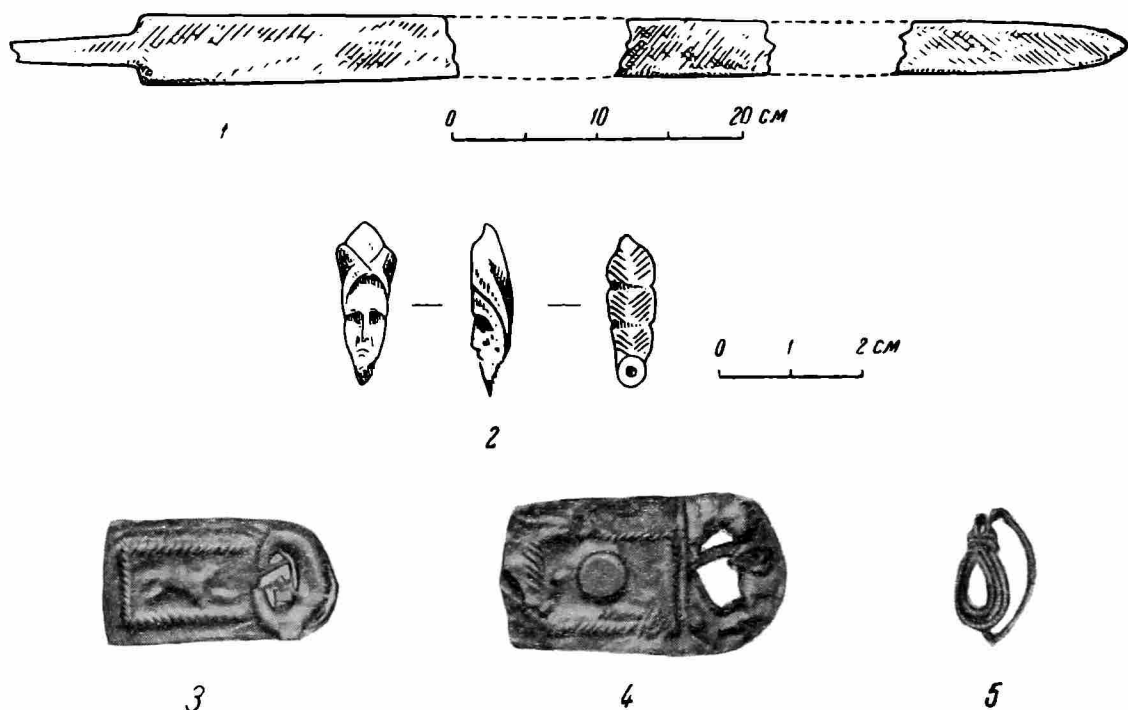

Рис. 63. Вещи из склепа № 3:

1 — меч; 2 — деревянная резная головка; 3, 4 — золотые пряжки; 5 — серьга.

Вышеописанный земляной двухкамерный склеп по своей архитектуре более всех сходен с фанаторийскими склепами, которые В. Д. Блаватский относит к несколько более позднему времени (II—V вв. н. э.)². Кубанские же земляные склепы, исследованные Н. В. Анфимовым, существенно отличаются от тузлинского: обе камеры располагались вдоль длинных сторон колодца и соединялись с ним непосредственно, без дромоса. О различии в обряде погребения мы судить не можем вследствие недостаточной сохранности тузлинских комплексов.

Раскопанные нами земляные склепы, повидимому, связаны с грунтовым некрополем близ мыса Тузлы, исследованным В. В. Шкорпилом в 1911 г.³ Этот некрополь содержит могилы от VI в. до н. э. до III—IV вв. н. э. и принадлежит местному эллинизированному синдскому населению.

Раскопанные склепы дополняют сведения об этом некрополе и дают представление о погребальных сооружениях местной знати в сарматскую эпоху.

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья, КСИИМК, XVI, стр. 148.

² В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории 1938—1940 гг. МИА, № 19, стр. 189, могилы — 84, 92, 94, 95, 97.

³ В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, 56, стр. 21 сл.

Д. Б. ШЕЛОВ

РАСКОПКИ ЗАПАДНО-ЦУКУРСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ТАМАНИ

Хозяйство и культура Боспора изучаются археологами давно и весьма плодотворно. Однако следует учесть, что до сих пор на Боспоре археологически исследовались почти исключительно центры городского типа, сельские же поселения, число которых должно быть очень велико, не только не раскапывались, но и не выявлялись. Памятникам этого типа должно быть уделено в дальнейшем большее внимание. Только исследования сельских поселений могут дать представление о хозяйственной основе Боспорского государства, поскольку дело касается ведущей отрасли хозяйства — земледелия. Особенно важно изучение Азиатского Боспора, бывшего, вероятно, житницей всей державы спартокидов. Имея это в виду, Синдская экспедиция ИИМК в 1951 г. так же, как и в предыдущем году, проводила разведки и раскопочные работы на ряде небольших поселений Таманского полуострова в юго-западной его части, составлявшей округу античной Гермонассы (современная Тамань). Среди других памятников раскопкам подверглось и древнее поселение, расположенное к западу от Цукурского лимана и названное нами условно Западно-Цукурским. Местоположение поселения придает значительный интерес исследованию: оно расположено почти в самом центре полуострова, образуемого Черным морем, Керченским проливом и Таманским заливом (рис. 64) и почти одинаково удалено как от южного, черноморского берега полуострова, так и от северного. Таким образом, оно относится к категории почти еще не известных нам внутренних поселений, изучение которых тем более необходимо, что именно на них мы вправе ожидать наличия более ярко выраженных черт местной культуры, чем на городищах прибрежных, теснее связанных с общеэллинским миром. Эти соображения, а также необходимость охранных работ на разрушаемом поселении у Цукурского лимана и предопределили производство раскопок¹.

Исследуемое поселение располагается на небольшой возвышенности эллипсовидной формы, вытянутой с севера на юг, отделяющейся от окружающей равнины слабо выраженными балками. Общие размеры поселения, насколько можно судить по подъемному материалу и по рельефу местности, достигают 310 × 160 м. Впрочем, отдельные фрагменты керамики встречаются и за пределами этого участка, особенно в направлении на юго-восток,

¹ Раскопками Западно-Цукурского поселения руководил автор настоящей статьи, постоянное участие в них принимала Г. А. Цветаева.

где, на расстоянии около 1 км, проходит неглубокая балка, по которой в древности, повидимому, протекала вода. Возвышенность, занимаемая поселением, без заметных всхолмлений или западин, если не считать нескольких современных ям. Никаких следов оборонительных или иных сооружений при внешнем осмотре не обнаруживается.

Вся юго-восточная часть возвышенности уничтожена карьером по разработке материковой глины, глубоко врезавшимся в культурные слои. Среди ряда случайных находок с карьера, доставленных нам рабочими,

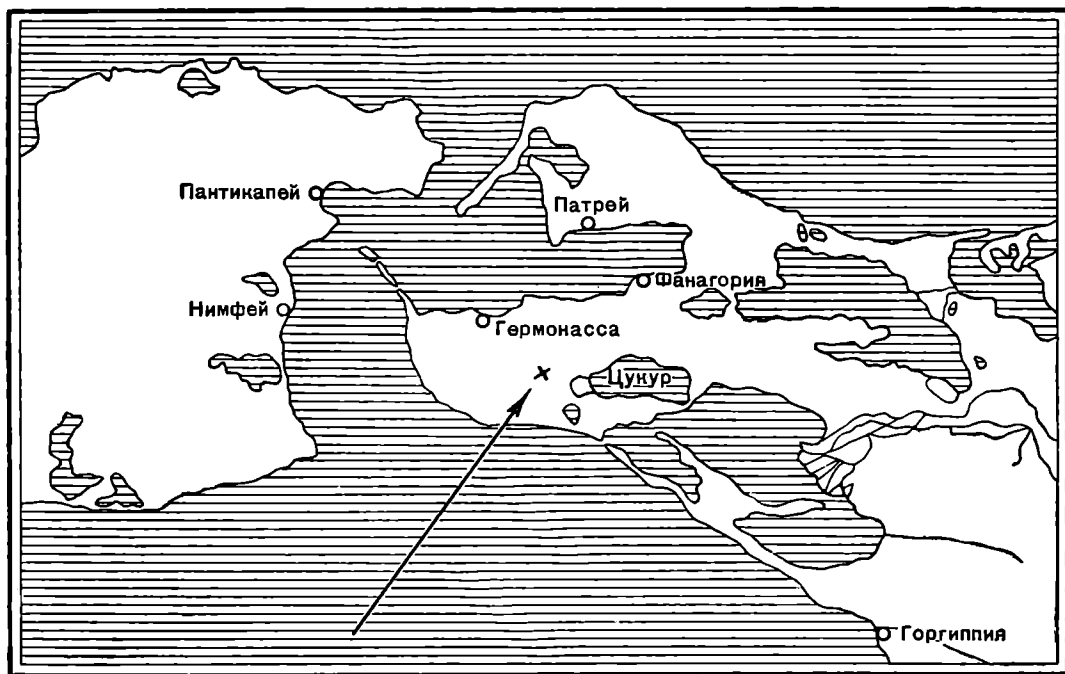

Рис. 64. Схематический план месторасположения Западно-Цукурского поселения (место раскопок отмечено крестом).

несколько пирамидальных грузил и фрагментированных сосудиков, разбитый каменный пест и каменная зернотерка. Кроме того, рабочими извлечено большое количество камня-известняка — остатков древних построек.

Наши работы были сосредоточены в разрушаемой части поселения. Заложенный на самом краю карьера раскоп, первоначально равный 48 м², вследствие того, что обрез карьера имел значительный наклон, по мере углубления был значительно расширен. Общая площадь раскопа в нижних штыках составила около 82 м². Мощность культурного слоя на исследованном участке достигает (не считая ям) 2,5—2,8 м.

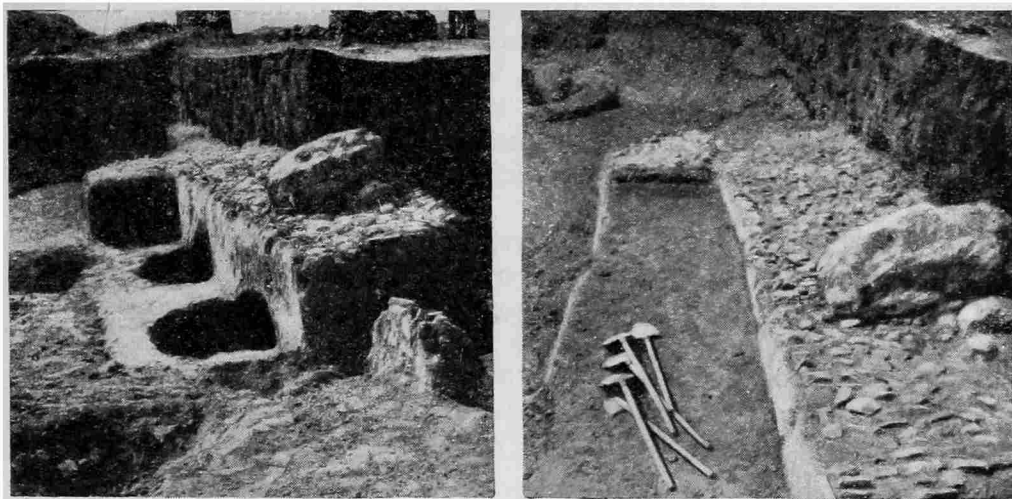
Наиболее ранним из найденных орудий является кремневый вкладыш серпа, свидетельствующий о наличии здесь земледельческого населения еще задолго до античной эпохи. Вкладыш обнаружен в значительно более позднем слое, относящемся к раннесредневековому времени.

Самый ранний культурный слой на поселении датируется VI в. до н. э. К VI—V вв. до н. э. относятся две земляные ямы, вырытые в материке и имеющие форму усеченного конуса, расширяющегося книзу (рис. 65—1 и рис. 66). Яма № 1 диаметром по дну 1,38 м сохранилась на глубине 1,35 м (верхняя часть ее разрушена). Дно ямы лежит на глубине 3,47 м от современной поверхности. Яма была заполнена рыхлым грунтом, перемешанным с большим количеством золы; в заполнении встречены кусочки угля, кости животных, много обломков саманной обмазки с отпечатками соломы. Керамические находки относятся к архаическому времени: фраг-

менты пухлогорлых амфор VI—V вв., обломок архаического чернолакового килика, два обломка расписной коринфской котилы первой половины VI в. до н. э., а также фрагменты лепных черноглиняных плоскодонных горшков и другие.

Вторая яма диаметром по дну 1,49 м сохранилась в высоту всего на 0,85 м. Глубина залегания дна от современной поверхности 3,37 м. Заполнение такое же, как и ямы № 1.

Слой IV в. до н. э. обнаружен только на части раскопанной площади. Он залегает на глубине от 2,7 до 2,2 м и не содержит никаких строительных остатков. Керамический материал состоит из фрагментов амфор, часто

1

2

Рис. 65. Зерновые ямы и слой субструкции стены с юго-восточной стороны (1); субструкция стены с восточной стороны (2).

с красными полосами, обломков чернолаковых сосудов (канфары, килики) и простой посуды.

К эллинистическому слою III—II вв. до н. э. относятся остатки единственного открытого раскопками архитектурного сооружения — каменной стены. Собственно сама стена не сохранилась — она была разобрана на камень, частично еще в древности, частично в наши дни. Открыта лишь каменная «постель», подстилавшая стену, выложенная на слое плотной зеленовато-серой глины и состоящая из втрамбованных в эту глину камней, главным образом плитняка средней величины, размером $20 \times 12 \times 5$ см, $10 \times 15 \times 3$ см, $20 \times 10 \times 4$ см и т. п. (рис. 65—2). Камни положены беспорядочно в один ряд, причем плитняк лежит всегда на ребре с небольшим наклоном. Такая система должна была обеспечить большую упругость и хорошие амортизационные свойства фундамента. От самой стены *in situ* сохранилась только большая необработанная известняковая глыба, лежащая на «постели», она осталась на месте и не была использована еще раз в древности, повидимому, вследствие ее громоздкости.

Часть стены, уничтоженная при разработке глиняного карьера, была, повидимому, лучшей сохранности. Об этом свидетельствует большое количество строительного камня, извлеченного рабочими из карьера и сложенного тут же в штабели. В большинстве случаев это необработанные или грубо обтесанные глыбы неправильной формы среднего размера, однако попадаются и правильные квадраты, иногда со следами пиროнов. Очевидно, кладка состояла из вторично использованного материала. Открытый рас-

копками участок «постели» стены длиной 9,8 м и шириной 1,9 м хорошо сохранился на протяжении 7 м, а далее лишь намечен отдельными камнями. Тянется она с востока на запад. К этой стене с запада примыкала перпендикулярная стена, составлявшая с первой угол здания, обращенный вершиной на северо-запад. От второй стены сохранилась тоже только «постель», при этом в гораздо худшем состоянии. Система ее кладки та же, что и у северной, но толщина стены была значительно меньше: ширина «постели» всего 1,35 м. Западная стена прослеживается всего на 1,25 м по направлению к югу и обрывается в обрыве карьера.

Какому сооружению принадлежат встреченные архитектурные остатки, определить довольно трудно. Повидимому, сооружение это не является оборонительной стеной, так как лицевая, лучше обработанная его сторона, по единодушному свидетельству рабочих, выбиравших камень, была обращена к северу, т. е. внутрь поселения, кроме того, само расположение стены и ее поворот, принимая во внимание конфигурацию местности, свидетельствуют против такого предположения. Вероятнее всего, стена являлась частью какого-то жилого или хозяйственного комплекса, уничтоженного карьером.

Слой III—II вв. до н. э. мощностью до 0,6 м залегает на глубине от 2,20 до 1,55 м. Следует заметить, что почти весь материал из слоя относится к наиболее ранней поре этого периода, еще к первой половине III в. до н. э. Ярко выраженного материала II в. до н. э. почти нет. Очевидно, и рассмотренное архитектурное сооружение относилось еще к III в. и уже в последующие века разобрано, так как над «постелью» стены в восточной ее части находился относящийся уже к последующему слою завал керамической печи I в. до н. э.—I в. н. э.

Керамический материал III в. содержит обломки эллинистических амфор, в том числе гераклеидских, небольшое количество чернолаковых фрагментов, обломки лепных горшков из грубой черной глины, иногда орнаментированных по венчику насечкой или вдавлениями. Найден фрагментированный небольшой лекиф из простой глины и разбитый тонкостенный кувшин без горла.

Сарматское время (I в. до н. э.—IV в. н. э.) представлено большим количеством керамического материала, но чистый слой этого времени, не содержащий остатков средневековой керамики, имеет сравнительно небольшую мощность (не более 0,5 м) и залегает на глубине от 1,5 до 1,0 м.

Вышележащие слои содержат в основном материал I в. н. э., а отчасти и более ранний, но среди него встречаются, хотя и в небольшом числе, фрагменты средневековой керамики, что заставляет относить верхние слои, достигающие глубины 1,00—1,25 м, уже ко второй половине I тысячелетия н. э.

Слой сарматского времени содержит многочисленные остатки амфор (особенно много фрагментов светлоглиняных амфор римского времени с двустовальными ручками), обломки лепных сосудов из грубой черной глины, тонкостенных красноглиняных и сероглиняных простых сосудов. Найдена единственная за все время раскопок монета — медный сестерций Риметалка.

Фрагментов краснолаковой посуды встречено очень немного. Однако большое место среди находок занимает керамика, по формам явно подражающая привозным краснолаковым тарелкам и чашкам, но покрытая совершенно своеобразным красно-коричневым лаком. Есть основания полагать, что эта прекрасная по своей выделке керамика является продуктом местных мастерских, находившихся если не в самом поселении, то во всяком случае не дальше Гермонассы. К этому же слою относится развал большой кера-

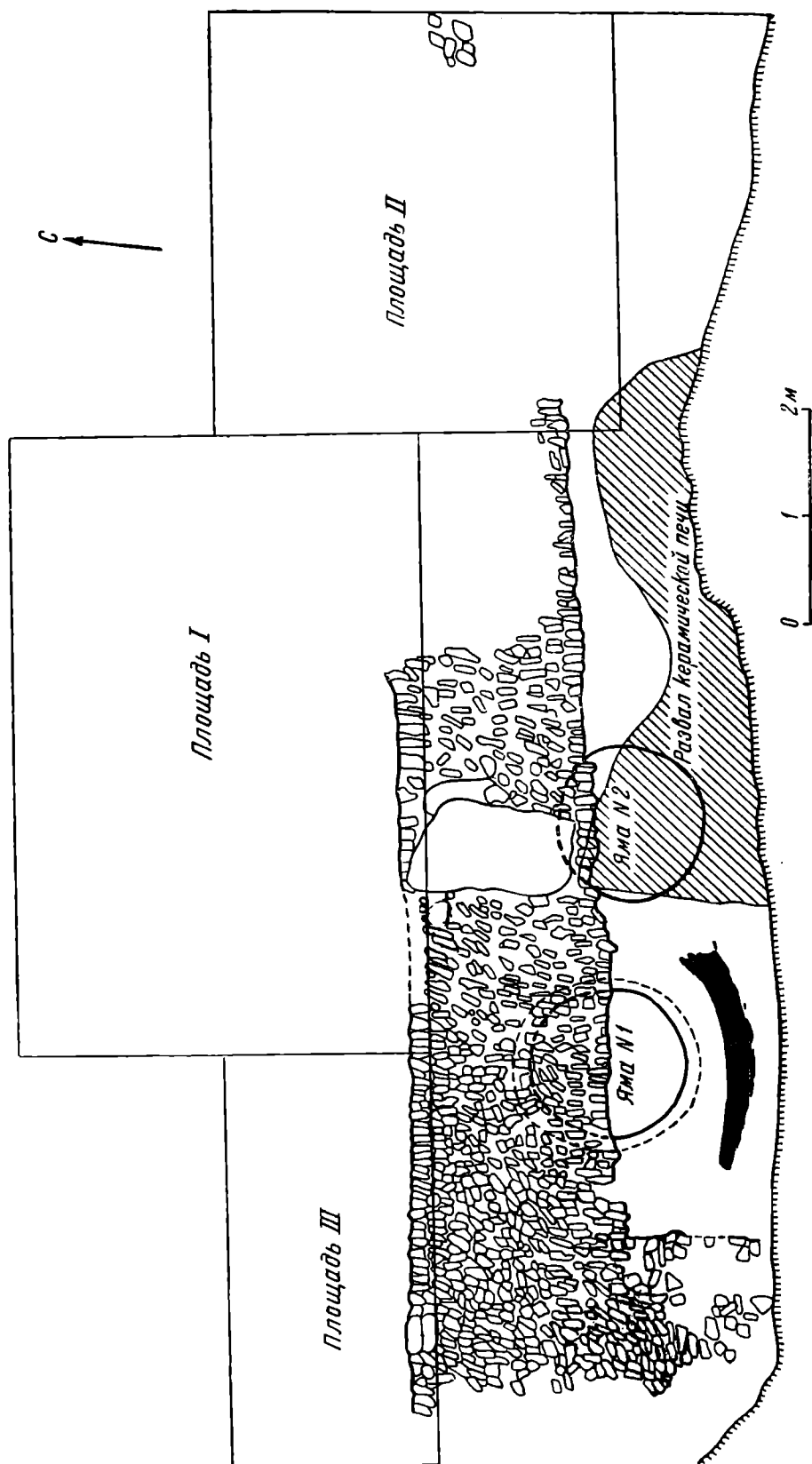

Рис. 66. План раскопа.

мической печи, открытой в южной части раскопа. К сожалению, печь сохранилась в виде сброса большого количества обожженной глиняной обмазки, золы и угля, керамических фрагментов и пр. Что это именно так, доказывают, с одной стороны, изучение стратиграфии по разрезам, проведенным через развал, с другой — характер находок, встречающихся среди обожженной глины от обмазки печи. Вследствие этого невозможно судить ни о конструкции, ни о размерах печи. Из конструктивных деталей сохранился в большом куске обмазки только один продух печи, представляющий узкий канал, круглый в сечении, обмазанный глиной. В завале обнаружено много керамического материала самого разнообразного характера: фрагменты амфор римского времени с двустольными ручками, грубых лепных и простых сделанных на круге сосудов, толстостенных и тонкостенных сероглиняных сосудов.

Особо надо отметить находку разбитого и сохранившегося лишь частично большого тонкостенного закрытого сосуда из серой глины очень хорошей выделки и прекрасного обжига. Сосуд этот является керамическим браком, и выделка его на месте несомненна. Следует упомянуть также находку очень большого количества фрагментов вышеупомянутой керамики, покрытой красно-коричневым лаком. Из некоторых обломков могут быть собраны почти целые сосуды. Кроме фрагментов посуды в развале печи встречены куски керамического остекленелого шлака, отдельные кости животных.

Слои, лежавшие выше развала печи, содержали наряду с эллинистическим и римским материалом в небольшом количестве и раннесредневековую керамику — обломки сероглиняных сосудов с лощением салтово-маяцкого типа и сделанных из грубой глины горшков с линейным и волнистым орнаментом, а также отдельные фрагменты поливной керамики.

В этих слоях найдена также небольшая целая средневековая реберчатая амфора с округлым дном. Никаких строительных остатков верхние слои не содержали.

Переходя к характеристике сделанных находок, следует отметить, что огромное большинство их состоит из обломков керамики. Металл представлен находкой одной монеты Риметалка¹ (131—136 гг. н. э.), железного ножа и двух металлических стержней (вероятно, гвоздей) — медного и железного. Стекло встречено только в виде одного незначительного фрагмента.

Среди поделок из камня заслуживает внимания прежде всего уже упоминавшийся кремневый вкладыш серпа. Находка эта интересна в том отношении, что она является новым свидетельством очень раннего существования на территории будущего Боспорского государства земледельческого населения.

По определению О. А. Граковой, вкладыш серпа должен относиться к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Следует сказать, что подобный кремневый вкладыш найден при раскопках Фанагории в 1939 г. (хранится в ГМИИ). Таким образом, вкладыш, обнаруженный нами, не является единственной находкой этого времени с территории Таманского полуострова.

В относительно большом количестве найдены на поселении при сборах и раскопках обломки «жерновов» и зернотерок. Одна из них, состоящая из двух камней отличной сохранности, составляет широко распространенный на Боспоре тип «жернова-толкача» с отверстием для насыпания зерна в верхнем камне. К сожалению, все находки сделаны либо при сборе подъемного материала, либо в поздних сильно перемешанных слоях и не могут

¹ По П. О. Бурачкову — тип XXIX, 188, по А. Н. Зографу — XLVII, 18.

быть отнесены к определенному времени. В эту же группу предметов должны быть включены каменный пест и небольшое точило, квадратное в сечении. Находки эти имеют прямое касательство к земледелию. Принимая во внимание наличие на поселении зерновых ям уже в VI—V вв. до н. э. и находку кремневого вкладыша серпа, можно уже сейчас довольно уверенно говорить о значительной роли земледелия в хозяйстве района, по крайней мере, в античную эпоху, а, вероятно, и значительно ранее.

II. ХРОНИКА

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА ЯКУБОВСКОГО

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 21 марта 1953 г. после продолжительной тяжелой болезни скончался заведующий сектором

Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры АН СССР, заведующий Среднеазиатским отделом Гос. Эрмитажа, член-корреспондент Академии Наук СССР, действительный член Академии наук Таджикской ССР, лауреат Сталинской премии, профессор Александр Юрьевич Якубовский.

Александр Юрьевич родился в 1886 г. В 1913 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и работал педаго-

гом в средней школе. С первых же дней Октябрьской революции Александр Юрьевич вел большую политико-просветительную работу, преподавал на рабочих факультетах.

В 1920 г. Александр Юрьевич поступил на восточный факультет Петроградского университета и окончил его в 1924 г.

Начиная с 1925 г., вся жизнь Александра Юрьевича была связана с Институтом истории материальной культуры. Пройдя все этапы научного пути от научно-технического сотрудника, он многие годы работал заведующим сектором Средней Азии и Кавказа.

Ученик выдающегося русского ученого, академика В. В. Бартольда, передовой советский ученый Александр Юрьевич разрабатывал наиболее актуальные проблемы советской исторической науки. Круг вопросов, нашедших отражение в его трудах, чрезвычайно широк. С особым успехом Александр Юрьевич разрабатывал проблемы социально-экономического уклада жизни древних народов Средней Азии, в частности, он изучал феодальные отношения, народные движения, жизнь средневекового города и т. п.

Большое место в его трудах занимают исследования, посвященные взаимоотношениям и связям народов Востока, в первую очередь среднеазиатских, с древней Русью, народами Поволжья, Кавказа. Чрезвычайно большое значение имеют его работы по изучению культурного наследия народов Востока.

Так же много сделал Александр Юрьевич для решения вопросов этногенеза народов Средней Азии, с особой страстностью выступая против человеконенавистнических расовых теорий.

Большой вклад сделан им и в изучение средневековой истории арабских стран, Ирана, Афганистана, Монголии, Восточного Туркестана.

Особое место в советской историографии занимают его исследования по истории Золотой орды. Написанная совместно с академиком Б. Д. Грековым монография «Золотая орда» выдержала три издания и переведена на многие языки. Последнее издание этого труда под названием «Золотая орда и ее падение» удостоено в 1952 г. Сталинской премии.

Трудно назвать какую-нибудь из важнейших проблем истории среднеазиатских народов в средние века, по которым мы не находили бы отклика в работах А. Ю. Якубовского¹. А. Ю. Якубовский выступает как исследователь, прекрасно владеющий и письменными и археологическими источниками. Многочисленные экспедиции, проведенные им на территории среднеазиатских республик, обогатили советскую археологию рядом первостепенных открытий. Особенно крупный размах получили археологические работы под руководством Александра Юрьевича после Великой Отечественной войны.

Возглавляя с момента организации в 1946 г. Таджикскую археологическую экспедицию, Александр Юрьевич заложил прочную основу археологического изучения территории Таджикской ССР, остававшейся почти совершенно не исследованной.

Ему принадлежит честь открытия такого замечательного памятника, как древний Пянджикент, давшего ценнейшие образцы изобразительного искусства раннего средневековья Средней Азии. Его исследования исторического прошлого народов Востока нашли завершение в печатных и рукописных обобщающих трудах: «История народов Узбекистана в VIII—XV вв.», «История туркмен и Туркмении» и отдельные главы в трудах по истории СССР, всемирной истории и истории Монгольской Народной Республики.

¹ Более подробно о научной деятельности и работах А. Ю. Якубовского см. «Советская археология», т. XX.

Особенно следует отметить заботу Александра Юрьевича о молодых кадрах. У него был талант педагога. Он всегда щедро делился с молодежью своими обширными знаниями. Многие его ученики уже стали самостоятельными научными работниками. Велики заслуги Александра Юрьевича и в подготовке национальных кадров. В Таджикистане, Узбекистане, Туркмении немало молодых ученых с благодарностью вспоминают Александра Юрьевича — учителя и друга. Александр Юрьевич был горячим патриотом. С энтузиазмом воспитывал он в своих учениках чувство любви и преданности советской Родине.

Правительство высоко оценило заслуги Александра Юрьевича. Он был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», имел почетные звания заслуженного деятеля науки Узбекской и Таджикской ССР.

Светлая память об Александре Юрьевиче Якубовском — передовом советском ученом, замечательном педагоге и прекрасном человеке — навсегда сохранится в наших сердцах.

А. М. Беленицкий и М. М. Дьяконов

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

1. Статья в энцикл. словаре Граната по истории Хорезма под словом «Хива», изд. 7, т. 45, ч. 2, 1923, стб. 218—228.
2. Образы старого Самарканда (время Тимура). Журн. «Восток», 1925, кн. 5, стр. 140—163.
3. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 = 943/4 г. Византийский временник, т. 24 (1923—1926). Л., АН СССР, 1926, стр. 63—92.
4. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей).— Византийский временник, т. 25 (1927). Л., АН СССР, 1928, стр. 53—76.
5. Статья в энцикл. словаре Граната «Туркестан» (III. История), изд. 7, т. 41, ч. 10, 1929, стб. 142—161.
6. Развалины Сыгнака (Сугнака).— Сообщ. ГАИМК, Л., 1929, т. II, стр. 123—159.
7. Развалины Ургенча.— Изв. ГАИМК. Л., 1930, т. VI, вып. 2.
8. Городище Миздахкан.— Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее Росс. Ак. Наук. Л., 1930, т. V, стр. 551—581.
9. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Изв. ГАИМК, Л., 1931, т. VIII, вып. 2—3, стр. 1—47.
10. Феодализм на Востоке. Столица Золотой орды — Сарай Берке. Истор. очерк к выставке в зале 31 Гос. Эрмитажа, Л., изд. ГАИМК, 1932.
11. Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Мат. по истории народов СССР. Вып. 3, Л., 1933.
12. Самарканд при Тимуре и Тимуридах в XIV и XV вв. (Очерк). Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1933.
13. Против расовой теории в востоковедении. (По поводу кн. «Художественная культура советского Востока». М.—Л., Academia, 1931).— Пробл. истории материальной культуры, Л., 1933, № 3—4, стр. 72—77.
14. Махмуд Газневи. (К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства).— Сб. «Фердовси». 934—1934. Л., АН СССР и Гос. Эрмитаж. 1934; стр. 51—96.
15. Памяти действительного члена Государственной Академии истории материальной культуры акад. С. Ф. Ольденбурга.— ПИДО, 1934, № 3, стр. 100—105.
16. Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии).— Докл. группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. Тр. Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVII. М.—Л., АН СССР, 1936, стр. 101—135.
17. Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов и перспективы дальнейшего изучения Золотой орды».— Истор. сб., т. V, М.—Л., АН СССР, 1936, стр. 293—313.
18. Культура и искусство Востока в памятниках Эрмитажа. Вып. I. Л., Гос. Эрмитаж, 1937.

19. Ирак на грани VIII—IX вв. (Черты социального строя халифата при аббасидах).—Тр. Первой сессии Ассоциации арабистов 14—17 июня 1935 г. Тр. Ин-та востоковедения АН СССР, т. XXIV. М.—Л., АН СССР, 1937, стр. 25—49.
20. Золотая орда. (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.).—В кн. Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая орда». Л., Госсоекиздат, 1937, стр. 3—130.
21. Время Авиценны.—Вторая сессия Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г. Тезисы и содержание докладов. М.—Л., АН СССР, 1937, стр. 8—10.
22. Сельджукское движение и туркмены в XI веке.—Изв. АН СССР, ООН, 1937, № 4, стр. 921—946.
23. Merw al-Châhidjân.—Encyclopedie des Islam, 1937, Lief 3, стр. 159—169; Lief 4, стр. 161—162.
24. Культура и искусство Востока в памятниках Эрмитажа. Л., Гос. Эрмитаж, 1938.
25. Кавказ и Иран в эпоху Руставели.—Сб. Гос. Эрмитажа. «Памятники эпохи Руставели». Л., АН СССР, 1938, стр. 24—32.
26. Ваза с изображением музыкантов и игры в поло.—Сб. Гос. Эрмитажа. «Памятники эпохи Руставели». Л., АН СССР, 1938, стр. 201—208.
27. Кашгарское блюдо XII—XIII вв.—Сб. Гос. Эрмитажа. «Памятники эпохи Руставели». Л., АН СССР, 1938, стр. 209—216.
28. Время Авиценны.—Изв. АН СССР, ООН, 1938, № 3, стр. 93—108.
29. Средняя Азия в VII—X вв. н. э.—История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Кн. I, ч. 3—4 (макет). М.—Л., АН СССР, 1939, стр. 237—239.
30. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре.—Тр. III Междунар. конгресса по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935 г. М.—Л., АН СССР, 1939, стр. 277—285.
31. Редактирование и предисловие от редакции. Материалы по истории туркмен и Туркмении. VII—XV вв. Т. I. Арабские и персидские источники. Тр. Ин-та востоковедения АН СССР, т. XXIX. (Совместно с С. Л. Волиным и А. А. Ромаскевичем). М.—Л., АН СССР, 1939.
32. Редактирование: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Кн. I, ч. 1—4 (макет). М.—Л., АН СССР, 1939. (Совместно с В. И. Равдоникасом и М. И. Артамоновым).
33. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке Гос. Эрмитажа. Л., Изд. Гос. Эрмитажа, 1940.
34. Золотая орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.—В кн. Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая орда». Ташкент—Самарканд, Гос. учпедизд. Уз. ССР, 1940, стр. 5—128 (на узб. яз.).
35. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в.—Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. II. Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1940, стр. 7—24.
36. Краткий полевой отчет о работах Заравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г.—Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II. Л., 1940, стр. 51—70.
37. Археологическая экспедиция в Заравшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции).—Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 113—164.
38. Из истории археологического изучения Самарканда.—Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, Л., 1940, стр. 285—337.
39. К двадцатилетию Отдела Востока Государственного Эрмитажа.—Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. III, Л., 1940, стр. 5—26.
40. Заравшанская археологическая экспедиция 1939 г.—КСИИМК, 1940, вып. IV, стр. 48—52.
41. ГАИМК—ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. (Извлечение из доклада «Итоги археологического изучения Средней Азии», читанного 27 мая 1940 г.).—КСИИМК, 1940, вып. VI, стр. 14—23.
42. Монгольская империя (XIII в.).—Истор. журн., 1940, № 3, стр. 87—98.
43. Рецензия на книгу: Материалы по истории туркмен и Туркмении XVI—XIX вв. Т. II. Иранские, бухарские и хивинские источники. (Тр. Ин-та востоковедения АН СССР, т. XXIX).—Вестн. АН СССР, 1940, № 8—9, стр. 90—96.
44. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, УзФАН, 1941.

45. Золотая орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв.—В книге Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая орда». Л., Госполитиздат, 1941, стр. 3—120.

46. Редактирование и предисловие книги А. Н. Бернштама: Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, Казах. объедин. гос. изд., 1941.

47. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Методическое пособие для учителей средней школы УзССР. Вып. 4. История СССР. Ташкент, Госиздат УзССР, 1942.

48. Рецензия: Ян, В. Чингиз-хан. Повесть из жизни старой Азии (XIII век). М., Гослитиздат, 1939.—Истор. журн., 1942, № 8, стр. 69—72.

49. «Китаб-и-Коркуд» (огузский эпос) и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья. (Из доклада на научной конференции в Ташкенте).—Совет эдебияты, Ашхабад, 1944, № 6, стр. 93—101.

50. Игнатий Юлианович Крачковский как историк. (К 40-летию научной деятельности).—Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., 1945, № 1, стр. 40—46.

51. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои.—Сб. «Алишер Навои». М.—Л., АН СССР, 1946, стр. 5—30.

52. Об одном раннесаманидском фельсе. (Из ранней истории саманидского дома).—КСИИМК, 1946, вып. XII, стр. 103—112.

53. Тимур. (Опыт краткой характеристики).—Журн. «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 42—43.

54. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.—Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., 1946, т. 3, № 5, стр. 461—472.

55. Изложение выступления на сессии Отдел. ист. и филос. АН СССР, 25—26 апреля 1946 г.—СЭ, 1946, № 3, стр. 155—157.

56. Редактирование: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Перевод с персидск. А. К. Арендса. М.—Л., АН СССР, 1946. (Совместно с А. А. Ромаскевичем и Е. Э. Бертельсом).

57. В. Р. Розен как историк.—Сб. памяти акад. В. Р. Розена. (Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти. 1908—1948). М.—Л., АН СССР, 1947, стр. 19—44.

58. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. Эпиграфика Востока, т. I. М.—Л., АН СССР, 1947, стр. 27—32.

59. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X веках.—Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. IV, Л., 1947, стр. 423—443.

60. Согдийская экспедиция. (Отчет о работах Согдийско-таджикской археологической экспедиции за 1946 г. Тезисы доклада).—КСИИМК, 1947, вып. XXI, стр. 34—35.

61. Об испольных арендах в Ираке в VIII в. СВ, 1947, т. IV, стр. 171—184.

62. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда.—Вестн. ЛГУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

63. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв.—СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54.

64. Из истории падения Золотой орды.—Журн. «Вопросы истории», 1947, № 2, стр. 30—45.

65. Академик Иосиф Абгарович Орбели. (К 60-летию со дня рождения).—ВДИ, 1947, № 4, стр. 117—125.

66. Происхождение казанских татар. (Выступление на сессии).—Мат. сессии Отдел. ист. и филос. АН СССР, организованной совместно с Ин-том языка, лит-ры и ист. Казанского ФАН СССР 25—26 апреля 1946 г. в г. Москве. Казань, Татгосиздат, 1948, стр. 130—133.

67. Восстание Муканны (движение людей в «белых одеждах»). СВ, т. V. М.—Л., АН СССР, 1948, стр. 35—54.

68. Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии. СВ, т. V. М.—Л., АН СССР, 1948, стр. 313—320.

69. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках. СА., 1948, X, стр. 255—270.

70. Эпоха Алишера Навои.—Газ. «Правда Востока», 1948, 16 мая, № 97.

71. Новый труд по истории Средней Азии. (С. П. Толстов «Древний Хорезм»).—Газ. «Культура и жизнь», 1948, 30 ноября, № 34.

72. Основные вопросы периодизации и специфики феодальных отношений в Средней Азии и Иране в VII—XIII вв. Пятая научная сессия ЛГОЛУ. Тезисы докладов по секции востоковедения. 1948.

73. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века. (VI—XV вв.).— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, стр. 30—43.

74. Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1947 г.— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII, стр. 48—53.

75. Живопись древнего Пянджикента. (По археологическим данным).— Сообщ. Тадж. ФАН СССР, 1949, вып. XX, стр. 13—17.

76. Выдающееся исследование. (К присуждению Сталинской премии С. П. Толстому за научный труд «Древний Хорезм»).— Лит. газ., 1949, 16 апреля, № 31.

77. История народов Узбекистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент, АН УзССР, 1950. (Совместно с К. В. Тревер и М. Э. Воронец). [А. Ю. Якубовскому в этом томе принадлежат работы:

Предисловие, стр. 7—14; Завоевание арабами Средней Азии, стр. 153—173; Мавераннахр в борьбе против власти арабов в VIII—IX вв., стр. 174—203; Дофеодальный город в Мавераннахре в VII—VIII вв., стр. 204—216; Мавераннахр при тахиридах и саманидах в IX—X вв., стр. 217—265; Раннефеодальное общество в Мавераннахре XI—XII вв., стр. 267—342; Рост и расцвет феодализма в Мавераннахре в XIV—XV вв., стр. 343—407.]

78. Золотая орда и ее падение. М.—Л., АН СССР, 1950. (Совместно с Б. Д. Грековым).

79. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.— Тр. Согдийско-таджикской археол. экспед. ИИМК АН СССР, Таджикского ФАН СССР и Гос. Эрмитажа. Т. I, 1946—1947 гг. Под ред. А. Ю. Якубовского. М.—Л., АН СССР, 1950. МИА, № 15. [А. Ю. Якубовскому в этом томе принадлежат работы:

Введение, стр. 7—10; Отчет Верхнезаравшанского отряда о работе 1946 г., стр. 13—32; Итоги Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1947 г., стр. 32—50; Краткие итоги работ в Пянджикенте в 1948 г., стр. 50—55.]

80. Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-согдийской археологической экспедиции 1948—1949 г.— Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., 1950, т. 7, № 5, стр. 472—491.

81. О живописи древнего Пянджикента. (Реферат доклада).— Вестн. АН СССР, 1950, № 5, стр. 100—101.

82. Рецензия на книгу: Петрушевский, И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., ЛГУ, 1949.— Журн. «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 137—142.

83. Рецензия на книгу: Гафуров, Б. Г. История таджикского народа. В кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Госполитиздат, 1949 г.— Журн. «Вопросы истории», 1950, № 7, стр. 154—164.

84. Редактирование: Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». М.—Л., АН СССР, 1950, МИА, № 14.

85. Владимирцов Борис Яковлевич.— БСЭ, изд. 2, т. 8, 1951, стр. 243—244.

86. Древний Пянджикент. «По следам древних культур». (М.), Госкультпросветлит., 1951, стр. 209—270.

87. Древний Пянджикент. Итоги четырехлетних работ 1947—1950 гг. Согдийско-таджикской археологической экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отдел. ист. и филос. и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., АН СССР, 1951, стр. 42—45.

88. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.— Тр. Тадж. ФАН СССР, 1951, т. XXIX, стр. 3—17.

89. Золотая орда.— БСЭ, изд. 2, т. 17, 1952, стр. 147—150.

90. Абу Али Ибн-Сина и его время. (К 100-летию со дня рождения по хиджре— мусульманской лунной эре).— Журн. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 87—110.

91. Феодальная собственность на землю в Средней Азии. (Реферат доклада).— Вестн. АН СССР, 1953, № 2, стр. 66.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КГУ — Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский ордена Ленина государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. Тадж. ФАН — Труды Таджикского филиала Академии Наук
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
-

СОДЕРЖАНИЕ

Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры АН СССР за 1951 год

I. ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>А. Н. Рогачев.</i> Раскопки Костенок I	3
<i>А. П. Окладников.</i> Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. . .	16
<i>Н. Н. Гурина.</i> Археологические исследования в Карелии и в Ленинградской области	23
<i>О. А. Абибуллаев.</i> Раскопки холма Кюль-Тапа	36
<i>Т. С. Пассек.</i> Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре	46
<i>А. И. Мелюкова.</i> Памятники скифского времени на Среднем Днестре	60
<i>Л. Я. Крижевская.</i> Археологические работы в Башкирии	74
<i>О. Н. Бадер.</i> Камская археологическая экспедиция	82
<i>В. И. Мошинская и В. Н. Чернецов.</i> Городище Андриюшин городок	93
<i>Н. В. Анфимов.</i> Исследования Семибратнего городища	99
<i>Т. Н. Книпович.</i> Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции . .	112
<i>М. М. Кобылина.</i> Раскопки Фанагории	122
<i>М. А. Наливкина.</i> Раскопки в Евпатории	128
<i>И. Т. Кругликова.</i> Раскопки Киммерика.	132
<i>И. Б. Зеест.</i> Раскопки Феодосии	143
<i>В. Д. Блаватский.</i> Второй год работ Синдской экспедиции	149
<i>И. Б. Зеест.</i> Земляные склепы некрополя Тузлы	156
<i>Д. Б. Шелов.</i> Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани	159

II. ХРОНИКА

Памяти Александра Юрьевича Якубовского. <i>А. М. Беленицкий и М. М. Дьяко-</i> <i>нов</i>	166
Список печатных трудов <i>А. Ю. Якубовского.</i>	169
Список сокращений	173

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *Е. И. Чукина*

*

РИСО АН СССР № 74—59В. Т-04854. Издат. № 3918.

Тип. заказ 1201. Подп. к печ. 17/VIII 1953 г.

Форм. бум. $70 \times 108^{2/16}$. Бум. л. 7,25. Печ. л. 19,86.

Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 1800.

Цена по прейскуранту 1952 г. 8 р. 90 к.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
29	3, 5 и 6 сн.	раскопах	раскопках
30	2 сн.	раскопах	раскопках
54	8 св.	датиуремом	датируемом
54	22 сн.	Б. А. Гимошука	Б. А. Тимошука
69	25 св.	проколками	проколами
75	1 сн.	рис. 33—6	рис. 33—Б
92	14 св.	эюэдинских	зюэдинских
116	7 св.	и	у
117	27 св.	оружий	орудий
117	29 св.	аморфных	амфорных
149	21 сн.	страницы	станции
164	18 св.	корамики	керамики
172	4 сн.	100 летию	1000 летию